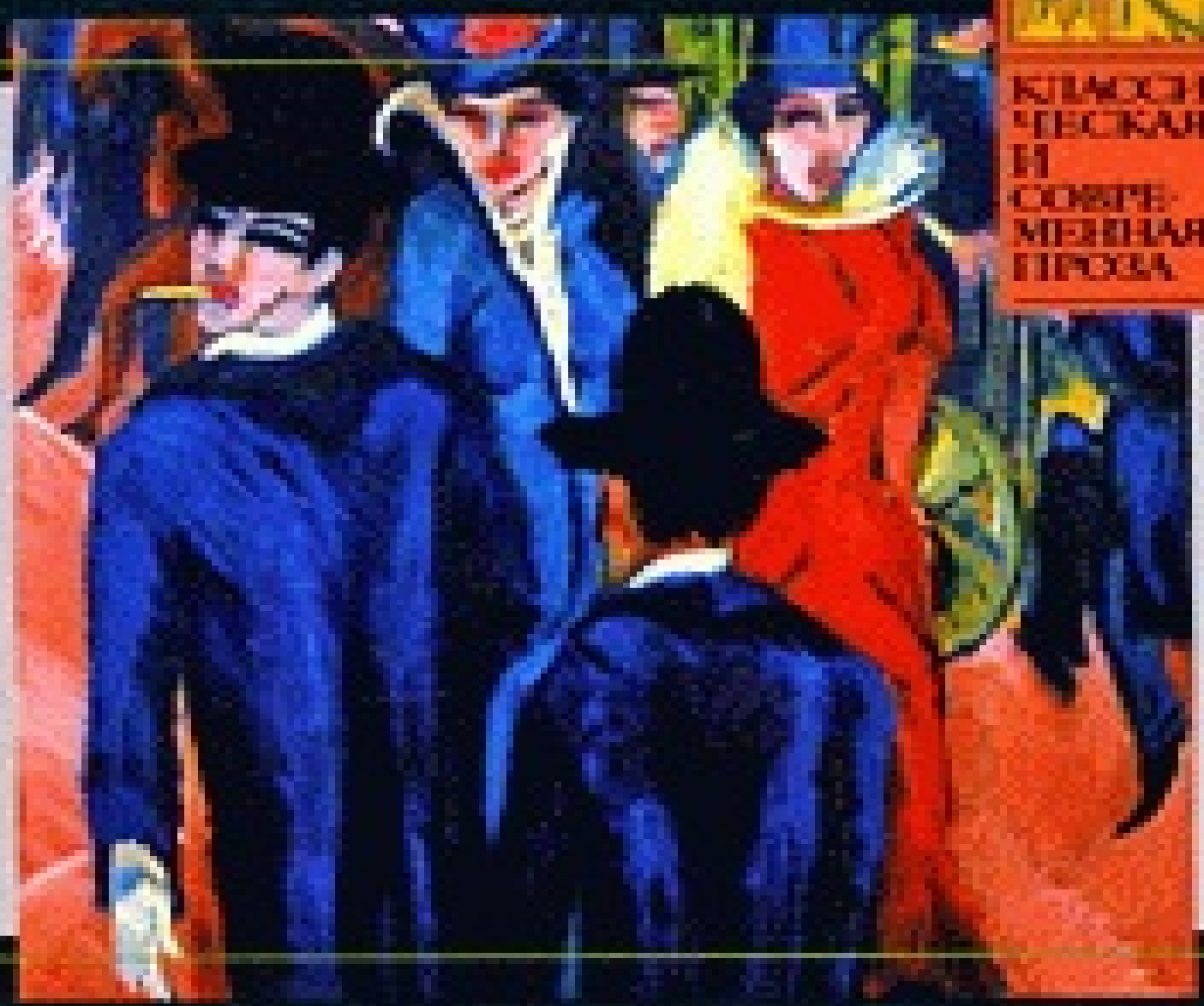

КЛАССИЧЕСКАЯ
И
СОВРЕМЕННАЯ
ПРОЗА

Меллин

ВО

Упадок
и разрушение

роман

Владимир Меллин

Annotation

Золотые двадцатые.

Лондон, только что опомнившийся от ужасов войны и разрухи, одержим страстью к развлечениям. Мораль? Ее больше нет! Этика? Она устарела! Религия? Просто смешно.

Молодые прожигатели жизни соревнуются в показном цинизме и легкомыслии со своими подругами.

А мельчайший намек на искренность, верность или любовь считается в их кругу в лучшем случае чудачеством, а в худшем - настоящим преступлением...

- [Во Ивлин](#)
  - [ПРЕЛЮДИЯ](#)
  - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
  - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)

- [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Во Ивлин
Упадок и разрушение

ПРЕЛЮДИЯ

Мистер Сниггс (заместитель декана) и мистер Побалдей (казначей) расположились в комнате мистера Сниггса, окна которой выходили на четырехугольный двор Скон-колледжа. Из апартаментов сэра Аластера Дигби-Вейн-Трампингтона доносились гогот и звон стекла. В этот вечер - вечер традиционного обеда членов Боллинджер-клуба - только Сниггс с Побалдеем остались нести дозор. Прочие преподаватели Скон-колледжа разбрелись кто куда: одни шумными и веселыми стайками бродили по Борс-хиллу и Северному Оксфорду, другие отправились в гости к коллегам из других колледжей, третьи поспешили на заседания всевозможных ученых обществ - и правильно сделали и те, и другие, и третьи: ежегодные праздники боллинджеровцев - тяжкое испытание для университетских наставников.

Впрочем, не такие уж они, эти праздники, ежегодные: после очередной гулянки клуб на неопределенное время закрывают. А традиции у клуба давние. Среди его бывших членов есть и правящие монархи. На последнем обеде три года назад кто-то притащил лисицу в клетку: животное предали казни, закидав бутылками из-под шампанского. Замечательно повеселились три года назад! С тех пор клуб не собирался, и вот теперь ветераны-боллинджеровцы стекались в Оксфорд со всех концов Европы. Второй день тянулась кавалькада припадочных монархов в отставке, неуклюжих сквайров из обветшалых родовых поместий, проворных и переменчивых, как ветер, молодых дипломатов из посольств и миссий, полуграмотных шотландских баронетов из сырых и замшелых гранитных цитаделей, честолюбивых молодых адвокатов, а также членов парламента от партии консерваторов, оставивших лондонский свет в самый разгар сезона, к безутешному горю напористых дебютанток, - в общем, баловни судьбы и любимцы фортуны готовились достойно отметить великое событие.

- Дайте срок, - шептал мистер Сниггс, потирая мундштуком трубки переносицу, - всех перештрафуем как миленьких.

В подвалах Скон-колледжа хранится восхитительного качества портвейн, но насладиться чудесным напитком преподавателям удастся, лишь когда дисциплинарные штрафы в общей сложности достигают пятидесяти фунтов.

- Хоть неделю поживем как люди, - высказался мистер Побалдей.
- С хорошим портвейном...

Рулады, выводимые гостями сэра Аластера, становились все пронзительней. У того, кто хоть раз слышал эти вопли, при одном воспоминании о них кровь стынет в жилах. Примерно так английские провинциалки стенают над разбитым хрустальным бокалом. Еще немного - и члены клуба, багроволицые, во фраках бутылочного цвета, с дикими криками повалят на улицу, чтобы достойно продолжить удачно начатое веселье.

- А не потушить ли нам на всякий случай свет? - предложил мистер Сниггс.

В темноте педагоги подкрались к окну. Двор колледжа превратился в калейдоскоп смутно различимых физиономий.

- Их здесь человек пятьдесят, не меньше, - произвел подсчеты мистер Побалдей. - Как было бы славно, если б все были из нашего колледжа. С каждого по десять фунтов штрафа, чем плохо?

- А если храм божий осквернят, то и побольше, - подхватил мистер Сниггс. - Господи! Сделай так, чтобы осквернили...

- Интересно, кто из наших студентов на сей раз в немилости у этих разбойников. Что-то будет! Надеюсь, у бедняг хватило ума убраться куда-нибудь с глаз подальше.

- Партриджу наверняка достанется. У него картина этого... как его... Матисса, что ли.

- И фиолетовые простыни.

- Сандерс однажды обедал с Рамсеем Макдональдом^[1].

- А Рендинг? Ему бы охотиться, а он фарфор собирает.

- И сигары после завтрака курит...

- У Остена есть рояль!

- Они им займутся!

- Штрафы будут изрядные, что правда, то правда. Но, честное слово, я бы чувствовал себя куда спокойнее, будь с нами наш декан. Как вы полагаете, они нас не заметили?

Боллинджеровцы повеселились от души. Они разломали рояль мистера Остена, втоптали в ковер сигары лорда Рендинга и переколотили его фарфор, разорвали в клочья знаменитые фиолетовые простыни мистера Партриджа, а Матисса запихали в кувшин. В комнате мистера Сандерса ничего (кроме окон) разбить не удалось, но зато была обнаружена поэма, которую он сочинял специально для Ньюдигейтского поэтического конкурса - то-то была потеха. Сэру Аластеру Дигби-Вейн-Трампингтону от чрезмерного возбуждения сделалось дурно, и Ламсен из Страттдраммонда был вынужден волочить его на себе в постель. Близилась полночь. Веселье, казалось, шло на убыль. Но в праздничной программе оказался еще один, совершенно незапланированный, номер.

Поль Пеннифезер изучал богословие. Шел третий год его размеренной университетской жизни в Оксфорде. До этого он с отличием окончил маленькую частную школу с чуть заметным религиозным уклоном в графстве Сассекс; в школе он был редактором журнала, президентом дискуссионного клуба и, если верить его характеристике, "оказывал на своих товарищей самое благотворное влияние", за что и был назначен старшим префектом^[2]. На каникулах Поль всегда гостил в Лондоне на Онслоу-сквер у своего опекуна, преуспевающего адвоката, который, гордясь успехами своего подопечного, изрядно тяготился его обществом. Родители Поля умерли в Индии, когда мальчик получил свой первый в жизни приз за сочинение. В Сконе бюджет Поля складывался из того, что ему выплачивал опекун, и двух очень кстати пришедшихся университетских стипендий. Поль выкуривал три унции некрепкого табаку "Джон Коттон" в неделю и ежедневно выпивал полторы пинты пива - полпинты за обедом и пинту за ужином, - ужинал он неизменно в столовой колледжа. У него было четыре товарища, с тремя из которых он был знаком еще со школы. Никто из членов Боллинджер-клуба понятия не имел о существовании Поля Пеннифезера, а тот, в свою очередь, и не подозревал о том, что есть Боллинджер-клуб. Не ведая о том, как причудливо откликнется в его судьбе этот вечер, Поль безмятежно катил домой на велосипеде с заседания Общества содействия Лиге наций. Обсуждался захватывающий доклад о плебисците в Польше. Поль собирался выкурить трубочку и прочитать на сон грядущий очередную главу "Саги о Форсайтах". Он постучал у

ворот, был впущен, поставил велосипед на место и отправился через двор к себе, стараясь, по обыкновению, не привлекать к своей особе излишнего внимания. Вокруг было настоящее столпотворение. Поль не считал себя врагом спиртного, он даже как-то выступил в Обществе Томаса Мора с весьма либеральной трактовкой этого вопроса, но пьяных он, чего греха таить, боялся как огня.

Из темноты, словно нечистая сила, вдруг соткался Ламсен из Страттдраммонда и застыл перед Полем. Поль сделал попытку его обогнуть.

К несчастью, старый школьный галстук Поля весьма походил на бело-голубые галстуки боллинджеровцев. Незначительные расхождения в ширине полосок Ламсен по вполне понятным причинам не смог принять во внимание.

- Это что еще за чучело разгуливает в нашем галстуке? - возопил шотландец, в котором вдруг разыгралась древняя кровь великих военачальников и вождей кланов, с незапамятных времен владевших бескрайними равнинами, поросшими вереском.

Мистер Снигс в замешательстве посмотрел на мистера Побалдея.

- Похоже, они кого-то сцапали, - сказал тот. - Как бы чего не вышло.

- Господи, а что, если это лорд Рендинг? Тогда нам придется вмешаться.

- Ни в коем случае, Снигс, - сказал мистер Побалдей, положив руку на плечо своего пылкого товарища. - Боже упаси и сохрани. Это было бы ошибкой. Мы с вами не должны забывать о том, что такое авторитет наставников. В настоящий момент они, увы, могут не внять голосу разума и прибегнуть к насилию. А этого мы ни в коем случае не должны допустить.

Наконец толпа рассеялась, и мистер Снигс облегченно вздохнул.

- Слава богу! Это не Рендинг, а всего-навсего Пеннифезер, так что можно не волноваться.

- Замечательно; стало быть, одной проблемой меньше. Я очень рад, Снигс, право, очень рад. Но вы только посмотрите на этого юношу - ничего себе неглиже!

На следующий день члены совета колледжа трудились в поте лица. - Двести тридцать фунтов, - в упоении шептал казначей. - И это

не считая возмещения ущерба. Следовательно, мы обеспечили себе пять вечеров с портвейном.

- Дело Пеннифезера, - продолжал между тем декан Скона, -представляет собой совершенно особый случай. Пеннифезер пробежал по двору колледжа без штанов. Некрасиво. Более того, непристойно. Я бы взял на себя смелость назвать это вопиюще непристойной выходкой. Согласитесь, что так будущие ученые себя не ведут.

- А почему бы нам его как следует не оштрафовать?.. - начал было заместитель декана.

- Вряд ли он сможет заплатить. Насколько мне известно, он стеснен в средствах. Господи! Без штанов по двору! Да еще в столь поздний час! Такие субъекты только позорят колледж.

Часа через два, когда Поль укладывал свои костюмы (числом три) в кожаный чемоданчик, ему принесли записку с просьбой явиться к казначею.

- Ах, это вы, Пеннифезер, - приветствовал тот Поля. - Дело в том, что я обнаружил в вашей комнате два пятна - одно на подоконнике, другое на каминной полке, - прожгли сигаретой, не иначе. Вынужден оштрафовать вас на пять с половиной шиллингов за каждое, сумма будет включена в счет за ваше содержание. Вот, собственно, и все, не смею вас более задерживать.

Во дворе Поль столкнулся с мистером Сниггсом.

- В путь-дорогу? - бодро осведомился заместитель декана.

- Да, сэр, - ответил Поль. Потом он повстречал капеллана.

- Пока вы не уехали, Пеннифезер... ведь я вам, кажется, давал "Лекции по истории восточной церкви" декана Стенли?

- Я оставил их у вас на столе.

- Благодарю вас, голубчик. Всего самого наилучшего. Разумеется, после вчерашней истории вам придется подумать о другой профессии. Ну что ж, нет худа без добра: вовремя выяснилось, что вы не созданы для духовной карьеры. Со священника ведь спрос особый, если что не так, сразу начинаются толки, пересуды... А нынешние священнослужители, увы, слишком часто дают к ним повод. Чем теперь думаете заняться?

- Пока не знаю.

- Во-первых, есть область коммерции. Как знать, вдруг вам удастся обогатить деловой мир теми великими гуманистическими идеалами, к которым мы старались приобщить вас в Сконе. Но этот путь тернист... Мужайтесь. Что, кстати, говорит доктор Джонсон о мужестве?.. Без штанов, подумать только.

У ворот Поль сунул монету швейцару.

- Счастливо оставаться, Черниллер, - сказал он. - Вряд ли мы с вами теперь скоро увидимся.

- Вот именно, сэр, вряд ли. Жалость-то какая. Теперь вы не иначе как по учительской линии пойдете? Джентльмены, которых за непристойное поведение выгоняют, обычно в учителя подаются...

- Чтоб вам всем пусто было, - буркнул себе под нос Поль по дороге на станцию, и тотчас же устыдился, ибо ругался крайне редко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

- Значит, отчислили за непристойное поведение? - сказал опекун Поля Пеннифезера. - Остается лишь возблагодарить создателя, что твоему несчастному отцу не суждено было дожить до такого позора. Больше мне тебе на это сказать нечего.

В доме на Онслоу-сквер воцарилась тишина, и лишь наверху, в розовом будуаре дочери опекуна, граммофон наигрывал оперетку Гилберта и Салливена.

- Дочери попрошу об этом ни слова, - предупредил опекун Поля. И снова наступила пауза.

- Надеюсь, - нарушил молчание опекун, - ты не забыл, что говорится в отцовском завещании. Состояние в пять тысяч фунтов, проценты с которого идут на твое обучение, переходит в твое полное распоряжение после того, как тебе исполнится двадцать один год. Что, если мне не изменяет память, должно произойти через одиннадцать месяцев. Если же твое обучение будет прервано до достижения тобой совершеннолетия, я наделен полномочиями лишить тебя денежного пособия, при условии, что сочту твой образ жизни неподобающим. Полагаю, что не оправдал бы доверия, оказанного мне твоим отцом, поступи я в данных обстоятельствах иначе. Более того, я уверен, что ты и сам прекрасно понимаешь, что я просто не имею права разрешить тебе дальнейшее пребывание под одной крышей с моей дочерью.

- Что же мне теперь делать? - спросил Поль.

- Я бы на твоём месте пошел работать, - задумчиво проговорил опекун. - Работа - лучшее лекарство от печальных настроений.

- Работать? А где?

- Это неважно. Главное - честно трудиться, зарабатывать хлеб в поте лица. Мой милый мальчик, все это время ты вел тепличное существование. Возможно, в этом есть и моя доля вины. Тебе будет только полезно узнать жизнь без прикрас, взглянуть, как говорится, фактам в лицо. Сам знаешь, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать... - И опекун Поля закурил очередную сигару.

- А какие у меня права на пособие? - спросил Поль.

- Абсолютно никаких, дружок, - добродушно отвечал ему опекун...

Этой же весной опекунская дочка обзавелась двумя вечерними туалетами и, чудесно преображенная, вскоре была помолвлена с благовоспитанным молодым человеком из министерства общественных работ.

- Значит, отчислили за непристойное поведение? - сказал мистер Леви, представитель школьного агентства Аббота и Горгонера. - А что, если мы с вами умолчим об этом? В случае чего - вы мне про это не рассказывали, договорились? В подобных ситуациях мы пишем так: "обучение не закончено по личным мотивам", понимаете меня? - Он взялся за телефон. - Мистер Самсон? У меня тут сидит один юноша... да-да... по личным мотивам... есть у нас что-нибудь подходящее? Превосходно! Давайте сюда! - Он повернулся к Полю. - Кажется, - сказал он, - мы вас сможем кое-чем порадовать.

Вошел молодой человек с листком бумаги.

- Ну-с, что вы на это скажете? Поль прочитал:

"Сведения о вакансии.

Строго конфиденциально.

Школе Огастеса Фейгана, эсквайра и доктора философии, прож. в замке Лланаба в Сев. Уэльсе, срочно требуется младший учитель для преподавания английского, греческого и латинского языков по общей программе, а также французского языка, немецкого языка и математики. Требуется опыт работы в школе и умение играть в теннис и крикет.

Тип школы - школа.

Примерный оклад - сто двадцать фунтов в год и полный пансион.

Предложения направлять по возможности скорее доктору Фейгану (указав на конверте "эсквайру" и "доктору философии"). Желательны рекомендации и фотокарточка, равно как и указание на то, что сведения о вакансии получены через наше агентство".

- Райское местечко! - сказал мистер Леви.

- Но я же не знаю ни слова по-немецки, в школе не работал, в жизни не играл в крикет, и у меня нет рекомендаций.

- К чему скромничать, - сказал мистер Леви. - Как говорится, было бы желание... Совсем недавно, например, мы устроили человека,

который в руках не держал пробирки, преподавателем химии в одну из наших ведущих частных школ. А знаете, почему он к нам обратился - искал уроки музыки. Говорят, он сейчас в полном порядке. Кроме того, не думаю, что доктор Фейган всерьез надеется получить педагога-универсала за столь мизерное жалованье. Скажу честно: Лланаба у нас котируется невысоко. Школы мы делим на четыре категории: ведущие школы, первоклассные школы, хорошие школы и, наконец, просто школы. По правде сказать, - признался мистер Леви, - "просто школа" - это не бог весть что. Но вам, я думаю, Лланаба подойдет. Насколько мне известно, у вас всего-навсего два конкурента, а один из них к тому же глух как тетерев, бедняга.

На следующий день Поль отправился к Абботу и Горгонеру знакомиться с доктором Фейганом. Ему не пришлось долго ждать. Доктор Фейган уже был на месте и беседовал с претендентами. Вскоре мистер Леви ввел Поля в кабинет, представил его и удалился.

- Вы себе не представляете, до чего утомительна была беседа, - пожаловался доктор Фейган. - Милейший юноша, но он не понял ни единого моего слова. У вас как со слухом?

- Не жалуясь.

- Превосходно. В таком случае, приступим.

Поль робко посматривал на сидевшего напротив него человека. Доктор Фейган был очень высок, очень стар и очень хорошо одет. Глаза у него были запавшие, шевелюра седая, а брови - иссиня-черные. Продолговатая голова чуть заметно тряслась в такт словам, говорил он как человек, обучавшийся в свое время ораторскому искусству. Кисти рук доктора поросли волосами, а слегка искривленные пальцы походили на клешни.

- Насколько я понимаю, в школе вы никогда не работали?

- Нет, сэр, к великому сожалению, не работал.

- Ну что ж, в какой-то степени это даже преимущество. Мы подчас легко приобретаем профессиональные навыки, но теряем свежесть восприятия. Однако будем реалистами. Я готов платить сто двадцать фунтов в год, но только педагогу со стажем. У меня есть письмо от одного молодого человека - у него диплом по лесоводству, на основании чего он требует прибавку в десять фунтов. Но поверьте, мистер Пеннифезер, не диплом для меня главное, а человек. Кстати

сказать, университет вы оставили довольно неожиданно. Позвольте полюбопытствовать - почему?

Этого вопроса Поль боялся как огня, но, верный своим принципам, он решил выложить все начистоту.

- Меня отчислили за непристойное поведение, сэр!

- За непристойное поведение? Что ж, не будем вдаваться в подробности. Не первый год я работаю в школе и за это время сумел убедиться, что учителями становятся по причинам, о которых, как правило, предпочитают не распространяться. Но опять-таки, мистер Пеннифезер, будем реалистами. Посудите сами, в состоянии ли я платить сто двадцать фунтов в год человеку, которого отчислили за непристойное поведение? А что, если на первых порах я предложу вам девяносто? Мне надо сегодня же вернуться в Лланабу. До конца семестра целых полтора месяца, а мы лишились преподавателя - и притом совершенно внезапно. Жду вас завтра к вечеру. Есть отличный поезд с Юстонского вокзала, отходит где-то около десяти. Надеюсь, - проговорил он мечтательно, - вам у нас понравится. Вы увидите, что наша школа основана на идеалах товарищества и служения общественному благу. Многие из наших воспитанников принадлежат к самым лучшим фамилиям. Например, в этом семестре к нам поступил юный лорд Тангенс, сын графа Периметра. Очаровательнейший мальчуган, правда, немножко чудаковат, как и все Периметры, но чувствуется порода...

Доктор Фейган вздохнул.

- Чего, к несчастью, никак не скажешь про наших преподавателей. Между нами, Пеннифезер, - мне придется избавиться от Граймса, и чем скорей, тем лучше. Граймс, увы, самый настоящий плебей, а дети такие вещи великолепно чувствуют. Зато ваш предшественник был наидостойнейший молодой человек. Мне так не хотелось его терять. Но он завел привычку по ночам разъезжать на мотоциклете, а это не давало спать моим дочерям. К тому же он брал займы у школьников, и, надо сказать, помногу; родители стали жаловаться. Я был вынужден его уволить. К величайшему сожалению. В нем тоже чувствовалась порода.

Доктор Фейган поднялся, ухарски надел шляпу и стал натягивать перчатки.

- До скорой встречи, любезнейший Пеннифезер. Мне кажется, что мы с вами сработаемся. Вы уж мне поверьте. Я в людях разбираюсь.

- До свидания, сэр, - сказал Поль.

- Пять процентов от девяноста фунтов - это четыре фунта и десять шиллингов, - радостно сообщил мистер Леви. - Хотите - платите сейчас, хотите - когда получите первое жалованье. Учтите - тем, кто платит сразу, полагается скидка в пятнадцать процентов. Тогда с вас три фунта шесть шиллингов и шесть пенсов.

- Заплачу потом, - сказал Поль.

- Как вам будет угодно, - сказал мистер Леви. - Был рад оказаться вам полезным.

Глава 2

ЗАМОК ЛЛАНАБА

Замок Лланаба выглядит по-разному в зависимости от того, как к нему подъезжать - со стороны Бангора или от идущей вдоль побережья железной дороги. С тыла это ничем не примечательный загородный особняк - много окон, терраса, бесчисленные теплицы среди деревьев, ветхие кухоньки и сарайчики. Но с фасада - а фасадом Лланаба выходит на шоссе, ведущее со станции, - это грозная средневековая крепость. Вы едете добрую милю вдоль крепостной стены с бойницами и наконец оказываетесь у ворот. Ворота увенчаны башенкой, украшены разнообразными геральдическими зверями и снабжены вполне исправной решеткой, которая может подниматься и опускаться. К замку - внушительному олицетворению феодальной неприступности - ведет широкая аллея.

Это удивительное несоответствие объясняется очень просто. Когда в шестидесятые годы прошлого столетия в стране разразился хлопковый кризис, особняк Лланаба принадлежал оборотистому фабриканту-текстильщику из Ланкашира. Супруга фабриканта очень расстраивалась, видя, как рабочие голодают, и однажды вместе с дочерьми устроила в пользу нуждающихся благотворительный базар, без особого, впрочем, успеха. Муж-предприниматель, в свое время начитавшийся либеральных экономистов, был убежден, что от благотворительности только вред и если платишь деньги, то надо получать что-то взамен. Просвещенный сторонник частного интереса сделал по-своему: в парке возникло поселение фабричных рабочих, которым было поручено обносить территорию усадьбы крепостным валом и облицовывать дом плитами гранита из местных каменоломен. Когда война в Америке кончилась, рабочие снова вернулись на фабрику, а особняк Лланаба превратился в замок Лланаба, причем перестройка обошлась владельцам очень дешево.

Поль, севший на станции в крошечное закрытое такси, ничего этого не увидел. На аллее, ведущей к замку, было уже довольно темно, а внутри и вовсе царил мрак.

- Моя фамилия Пеннифезер, - отрекомендовался он дворецкому. - Я ваш новый преподаватель.

- Меня предупредили, - отвечал дворецкий. - Следуйте за мной.

И они пустились в путь по темным, пропахшим всеми отвратительными запахами школы коридорам и наконец остановились перед дверью, из-под которой выбивался яркий свет.

- Это учительская. Прошу! - сказал дворецкий и тотчас растаял в темноте.

Поль огляделся. Учительская помещалась в какой-то каморке. Даже он, привыкший к тесным помещениям, был удивлен.

"Сколько же здесь преподавателей?" - задал себе вопрос Поль и, стараясь не поддаваться подкатывающему отчаянию, насчитал на полке возле камина шестнадцать трубок. На крючке за дверью висели две учительские мантии. В углу валялись клюшки для гольфа, тросточка, зонтик и две мелкокалиберные винтовки. Над каминной полкой была обитая зеленым сукном доска объявлений, а на ней какие-то бумажки. На столе стояла пишущая машинка. В книжном шкафу лежали истрепанные учебники и новые тетрадки. Кроме того, взгляд Поля отметил: велосипедный насос, два кресла, стул, полбутылки лечебного кагора, боксерскую перчатку, шляпу-котелок, вчерашний номер "Дейли ньюс" и пачку ершиков для трубок.

В унынии Поль опустился на стул.

Вскоре в дверь постучали, и в комнату вошел мальчик. Он ойкнул и уставился на Поля.

- Привет! - сказал Поль.

- Я думал, здесь капитан Граймс, - объяснил мальчик.

- Понятно, - отозвался Поль.

Мальчик изучал Поля с бесстрастным любопытством.

- Вы что, нас учить будете? - спросил он.

- Да, - сказал Поль. - Моя фамилия Пеннифезер. Ребенок так и прыснул.

- Вот умора, - сказал он и был таков.

Через некоторое время дверь снова отворилась, и в учительскую заглянуло еще двое. Ученики постояли, похихикали, а потом пропали.

В течение получаса в учительскую под самыми разными предложениями заглядывали дети и смотрели на нового преподавателя.

Потом зазвенел звонок, и поднялась невообразимая беготня, шум и свист. Опять отворилась дверь, и вошел коротыш лет тридцати. Он страшно топал протезом. У него были коротко подстриженные рыжие усы и намечалась лысина.

- Привет! - сказал он Полю.

- Привет! - сказал ему Поль.

- Я - капитан Граймс, - сказал он Полю и "иди-ка сюда, голубчик" кому-то еще.

Вошел новый ученик.

- Ты почему не прекратил свистеть, когда я сделал тебе замечание? -спросил капитан Граймс.

- Все свистели, - сказал мальчик.

- При чем тут все? - спросил капитан Граймс.

- А вот при том, - сказал мальчик.

- Ступай и напиши сто строк, а в следующий раз я угощу, тебя вот этой штукой, - сказал Граймс и помахал тростью.

- Очень испугался, - сказал мальчик и вышел.

- Вот вам наша дисциплина, - вздохнул Граймс и тоже вышел.

"Это еще вопрос, понравится ли мне преподавать", - отметил про себя Поль.

Вскоре опять в комнату кто-то вошел; вошедший был постарше капитана Граймса.

- Здравствуйте, - сказал он Полю.

- Здравствуйте, - сказал ему Поль.

- Моя фамилия Прендергаст, - отрекомендовался вошедший. - Кагору не желаете?

- Благодарю вас, с удовольствием.

- Правда, здесь только один стакан.

- В таком случае не стоит беспокоиться.

- Но вы можете принести еще один стакан из ванной.

- Я не знаю, где ванная.

- Ну хорошо, тогда отложим до лучших времен. Насколько я понимаю, вы наш новый коллега?

- Да.

- Вам здесь быстро надоест. Вы уж мне поверьте. Я здесь работаю десять лет. А Граймс - первый семестр. Ему уже надоело. Граймса видели?

- Кажется, видел.

- Граймс не джентльмен. Курите?

- Курю.

- Трубку?

- Трубку.

- Это все мои трубки. Покажу их вам после обеда, вы мне только напомните.

В этот момент показался дворецкий и сообщил, что мистера Пеннифезера желает видеть доктор Фейган.

Докторские апартаменты отличались дворцовым величием. Их владделец стоял спиной к мраморному камину в стиле рококо. На докторе Фейгане был бархатный смокинг.

- Ну как, устраиваетесь? - осведомился он.

- Да, - ответил Поль.

Перед камином со стеклянной бонбоньеркой на коленях сидела крикливо одетая женщина не первой молодости.

- Это, - в голосе доктора Фейгана послышалась неприязнь, - моя старшая дочь.

- Здравствуйте, здравствуйте, - сказала мисс Фейган. - Рада познакомиться. Знаете, что я всегда говорю молодым учителям, когда они к нам приходят? Смотрите в оба, говорю я им, а то отец в два счета сядет вам на шею. Наш папочка - сущий варвар, потому как он у нас ученый, а ученые, они все варвары. Скажи, ты ведь варвар? - вдруг напустилась на отца мисс Фейган.

- Должен заметить, моя радость, что объективный подход, который я выработал в себе, приносит свои плоды. А вот, - добавил он, - и моя вторая дочь.

Бесшумно - только чуть слышно позвякивали ключи - вошла еще одна женщина. Она была моложе сестры, но, в отличие от нее, выглядела очень деловитой.

- Мыло, надеюсь, захватили? - спросила она, поздоровавшись. - Я просила отца напомнить про мыло, но он вечно забывает. На мыло, гуталин и стирку учителям полагается два с половиной шиллинга в неделю - и ни пенса больше. Чай пьете без сахара?

- Вообще-то с сахаром...

- Хорошо, я так и записываю - буду выкладывать вам по Два куска. Только смотрите, чтобы дети их не таскали.

- До конца семестра будете классным наставником в пятом классе, - сказал доктор Фейган. - Пятиклассники у нас просто очаровательные. Клаттербак, правда, требует особого внимания - очень тонкая натура. Кроме того, вы будете вести уроки труда, гимнастики и занятия стрельбой. Да, чуть было не забыл, вы ведь, кажется, и музыку преподаете?

- Боюсь, что нет.

- Досадно, весьма досадно. Мистер Леви уверял меня в противоположном. Я ведь уже договорился, что дважды в неделю вы будете давать уроки органной музыки Бест-Четвинду. Вы уж постарайтесь... Вот и звонок на обед. Не смею вас больше задерживать. Да, еще одна деталь. Ради бога - ни слова детям о том, почему вы оставили Оксфорд. Мы, педагоги, должны уметь лавировать между правдой и вымыслом. Вот видите, я сказал нечто, что, может быть, даст вам пищу для размышлений. Всего наилучшего.

- Ку-ку! - сказала старшая мисс Фейган.

Глава 3

КАПИТАН ГРАЙМС

Столовую Поль отыскал без особого труда. Он смело двинулся на запах кухни и голоса - и вскоре очутился в просторном, обшитом панелями зале, который показался ему даже привлекательным. За четырьмя длинными столами сидело пятьдесят или шестьдесят учеников от десяти до шестнадцати лет. Младшие были в форме Итона^[3], старшие в смокингах.

Поля усадили во главе одного из столов. При его появлении мальчики слева и справа почтительно встали и не садились, пока не сел он. Среди них был и избалованный капитаном Граймсом свистун. Полю он сразу же понравился.

- Моя фамилия Бест-Четвинд, - отрекомендовался свистун.

- Ясно. Это, значит, тебя я должен учить музыке?

- Меня. Орган у нас в деревенской церкви. Потеха... А вы что, здорово играете?

Поль счел, что в данной ситуации откровенность вовсе не обязательна, и, решив - согласно заветам доктора Фейгана - лавировать между правдой и вымыслом, сказал:

- Как никто на свете.

- А вы не заливаете?

- С какой стати? В свое время я давал уроки декану Сконколледжа.

- Со мной придется потруднее, - хмыкнул озорник. - Знаете, почему я играю на органе? Чтобы на гимнастику не ходить. Слушайте, да у вас же нет салфетки. Филбрик! - закричал он дворецкому. - Вы почему не дали мистеру Пеннифезеру салфетки?

- Забыл, - признался тот. - А теперь уже все - мисс Фейган унесла ключи.

- Глупости, - ничуть не смутился Бест-Четвинд. - Сию же минуту ступайте и принесите салфетку. Вообще-то он ничего, - шепнул он Полю, - главное - не давать ему спуска.

Вскоре явился Филбрик с салфеткой.

- Ты смышлен не по летам, - заметил Поль.

- Капитан Граймс думает по-другому. Он говорит, что я самая настоящая дубина. Это здорово, что вы не похожи на капитана Граймса. Вульгарный субъект этот Граймс, скажете - нет?

- Ты не должен рассуждать при мне о преподавателях в таком тоне.

- Но все наши так думают. Кроме того, Граймс носит кальсоны. Как-то раз он послал меня принести ему шляпу, и я заглянул в его список белья, отданного в стирку. Надо же - в кальсонах ходит.

На другом конце столовой что-тостряслось.

- Клаттербака, похоже, опять стошнило, - пояснил Бест-Четвинд.
- Его всегда тошнит от баранины.

Мальчик, сидевший справа от Поля, впервые за все это время подал голос.

- А мистер Прендергаст носит парик, - доложил он, страшно смутился и захихикал.

- Это Бриггс, - сказал Бест-Четвинд. - Но мы зовем его Брюкс. В честь папашиного магазина.

- И неостроумно, - отозвался Бриггс.

Вопреки всем опасениям Поля первое знакомство оказалось удачным и найти общий язык с детьми было не так уж и сложно.

Через некоторое время все встали, и в нарастающей гаме мистер Прендергаст принялся читать молитву. Вдруг кто-то гаркнул: "Пренди!" - под самым ухом у Поля.

- ...Per Christum Dominum Nostrum. Amen.^[4], - закончил мистер Прендергаст. - Бест-Четвинд, это ты крикнул?

- Я, сэр? Да что вы, сэр!

- Пеннифезер, это Бест-Четвинд крикнул или нет?

- Нет, - сказал Поль, и Бест-Четвинд посмотрел на него с благодарностью, потому что крикнул, разумеется, он. У выхода Поля подхватил под руку капитан Граймс.

- Паскудно кормят, старина, верно я говорю? - сказал он.

- Неважно, - согласился Поль.

- Сегодня у нас дежурит Пренди. Лично я - в пивную. Не хочешь составить компанию?

- С удовольствием, - сказал Поль.

- Против Пренди я ничего не имею, - продолжал Граймс. - Но его никто не слушается. Правда, он носит парик. А ежели у тебя парик,

какая тут может быть дисциплина. У меня вот, к примеру, протез, но это совсем другое дело. Дети такие вещи уважают. Думают, что я ногу на войне потерял. На самом деле, что, разумеется, строго между нами, я угодил под трамвай в Стоке-на-Тренте, будучи в сильном подпитии. Но зачем, спрашивается, трезвонить об этом прискорбном случае на всех углах, верно я говорю? Но ты мне внушаешь доверие, сам не знаю почему. Думаю, мы с тобой сойдемся.

- Надеюсь, - ответил Поль.

- В последнее время мне очень не хватало товарища, - говорил Граймс. - До тебя тут работал неплохой парень, задавался малость, правда. Гонял себе на мотоцикле. Директорские девицы его невзлюбили. С мисс Фейган ты уже познакомился?

- Их ведь, кажется, две?

- И обе стервы, - молвил Граймс и добавил мрачно: - Я ведь женюсь на Флосси.

- Не может быть. Это на которой же?

- На старшей. Мальчишки зовут их Флосси и Динги. Старику мы пока что не объявились. Зачем спешить: вдруг опять в лужу сяду. Тогда-то и выложим козыри. Лужи мне все одно не миновать. А вот и наша пивная. Уютное местечко. Пиво здешнее делает Клаттербаков папаша. И неплохо, подлец, делает. Будьте добры, миссис Роберте, нам две кружечки.

В дальнем углу они заметили Филбрика, который что-то с жаром объяснял по-валлийски какому-то немолодому и малоприятному на вид субъекту.

- Его только тут не хватало, нахала этакого, - сказал Граймс.

Миссис Роберте принесла кружки. Граймс хлебнул пива и блаженно вздохнул.

- Два года учительствую, но еще ни разу до конца семестра дотянуть не удавалось, может, хоть теперь повезет? - задумчиво проговорил он. - Поразительное дело: месяц-другой все идет как по маслу, а потом бац! - и я в луже. По всему видать, не для того явился на божий свет, чтоб детей учить, - продолжал он, глядя в пространство. - Если что меня губит, так это темперамент. Страстный я больно.

- А легко потом бывает подыскать работу? - поинтересовался Поль.

- Поначалу не очень, но на все есть свои приемы. Опять-таки не следует забывать, что учился я не где-нибудь, а в привилегированной школе. А это кое-что да значит. В нашем благословенном английском обществе ведь как заведено: ежели ты в хорошей частной школе обучался, с голоду тебе помереть не дадут ни за что. Бывает, сперва помучаешься лет пять - ну и что, все равно возраст такой, что все в это время мучаются, но потом зато система вывезет.

А я так и вообще легко отделался. Первый раз меня вытурили, когда мне только-только шестнадцать стукнуло. Но мой воспитатель сам в хорошей школе обучался. Знал человек, что к чему. "Слушай меня внимательно, Граймс, - сказал он, - наломал ты дров, и оставить я тебя не могу - я должен блюсти дисциплину. Но мне не хотелось бы поступать жестоко, начни-ка ты, братец, все сначала". В общем, сел он и написал рекомендательное письмо моим будущим хозяевам. Не письмо, а поэма! Я тебе как-нибудь его покажу. Если б ты знал, сколько раз оно меня выручало. Вот что значит аристократическое учебное заведение. Провинился - накажут, но уж зато и пропасть не дадут.

Я даже хотел пожертвовать гинеею в фонд помощи ветеранам войны. Я чувствовал, что прямо-таки обязан это сделать. Ей-богу, жаль, что так и не собрался.

В общем, устроился я на работу. У моего дядюшки в Эдмонтоне фабрика была, щетки делали. Все шло лучше не придумаешь. Но тут война началась, и стало мне не до щеток. Ты небось не воевал, молодой еще был? Да-а, доложу я тебе, вот было времечко - красота да и только. За всю войну, поверишь ли, и дня трезвым не был! А потом бац! - сел в лужу, и на сей раз основательно. Во Франции дело было. Они мне и заявили: "Будь мужчиной, Граймс! Не позорь полк трибуналом. Даем тебе револьвер. И полчаса времени. А что делать - сам знаешь. Не поминай лихом, дружище!" Говорят они, а сами только что не рыдают.

Сижу я, значит, и на револьвер пляжу. Несколько раз его к виску подносил - и опускал. А в голове одно: "Те, кто в хороших школах обучались, так не кончают!" И тянулись эти самые полчаса целую вечность. Но, на мое счастье, стоял там графинчик с виски. Они тоже к нему, надо полагать, приложились, а то с чего бы им, сам посуди, так растрогаться? Короче, когда они вернулись, графинчик был пуст, а

я смотрю на них - и не могу удержаться от смеха - на нервной почве, не иначе! Знаю, что не прав, но ты бы видел, как они удивились, когда оказалось, что я жив-здоров, да вдобавок пьян.

"Мерзавец!" - говорит наш полковник, а меня еще пуще смех разбирает. Одним словом, меня - под замок, а дело мое - в трибунал. Врать не стану - на следующий день мне уже не до смеха было. Судить меня приехал майор из другого батальона. Заходит он ко мне, а я смотрю на него и понимаю, что мы с ним вместе учились.

"Кого я вижу! - кричит майор с порога. - Старина Граймс! Почему под трибуналом? Выкладывай, что стряслось?" Я рассказываю. "Да-а, - загрустил майор, - плохо твое дело. Но расстрелять человека из Харроу? - об этом не может быть и речи. Не горюй - что-нибудь придумаем". На другой день отправили меня в Ирландию, сосватали мне там какую-то липовую работенку по почтовому ведомству. Там я и просидел до конца войны. Где-где, а в Ирландии в лужу не сядешь, даже если очень постараться. Я тебя совсем заговорил, да?

- Нисколько, - отвечал Поль. - Все это очень интересно.

- Бывал я и в других передрягах, но по сравнению с той они казались детскими игрушками. Всегда находился человек, который говорил: "Разве можно доводить до такого состояния того, кто обучался в закрытом учебном заведении! Надо протянуть ему руку помощи". Думаю, - заключил Граймс, - что мало кому столько раз протягивали руку помощи, как мне!

К ним подошел Филбрик.

- Скучаете, наверно? - начал он. - А я тут потолковал с начальником станции, и если кто-нибудь из вас желает познакомиться с очаровательной юной особой, то...

- Ни в коем случае, - отрезал Поль.

- Вас понял, - ответил Филбрик и удалился.

- Женщина - это сфинкс, - изрек Граймс. - Во всяком случае, для старика Граймса.

Глава 4

МИСТЕР ПРЕНДЕРГАСТ

На следующее утро Поль проснулся от громкого стука в дверь. В комнату заглянул Бест-Четвинд. На нем был роскошный халат от Шарве^[5].

- Доброе утро, сэръ, - сказал он. - Вы, наверное, не знаете, что для учителей есть всего одна ванная комната, вот я и решил вас предупредить. Если хотите успеть раньше мистера Прендергаста, то поторопитесь. Капитан Граймс моется редко, - добавил он и убежал.

Поль отправился в ванную и вскоре услышал, как по коридору зашаркали шлепанцы, и дверь ванной неистово задергалась.

Поль одевался, когда появился Филбрик.

- Забыл вас предупредить. Через десять минут завтрак. После завтрака Поль отправился в учительскую. Там уже расположился мистер Прендергаст и замшевой тряпочкой наводил блеск на свои трубки. На Поля он взглянул с укоризной.

- Хорошо бы нам прийти к какому-то соглашению насчет ванной, - сказал он. - Граймс ванной практически не пользуется. Я же обычно принимаю ее перед завтраком.

- Я тоже, - не без вызова ответил Поль.

- В таком случае мне придется выбрать другое время, - горестно вздохнул мистер Прендергаст и вернулся к трубкам. - И это после того, как я проработал здесь десять лет. Ситуация осложняется. Впрочем, я бы и сам мог догадаться, что вы захотите пользоваться ванной. Ах, как просто все было, когда работали Граймс и тот молодой человек. Он всегда просыпал завтрак. Да-а, ситуация заметно осложняется.

- Но разве нельзя найти выход?

- Не в этом дело. Час от часу не легче. С тех пор, как я сложил с себя сан, все идет кувырком.

Поль промолчал, а мистер Прендергаст, сопя, продолжал работать над трубками.

- Вас, наверно, удивляет, почему я здесь оказался?

- Что вы, - поспешил утешить его Поль. - Ничего удивительного. Все вполне естественно.

- Вовсе не естественно. Напротив, все совершенно противоестественно. Сложись моя судьба хоть чуточку иначе, был бы я сейчас приходским священником и имел бы собственный домик с ванной. Возможно, я бы дослужился и до благочинного, если бы, - тут мистер Прендергаст перешел на шепот, -если бы не мои Сомнения.

Сам не знаю, зачем я вам все рассказываю, этого не знает никто, но надеюсь, вы меня правильно поймете.

Десять лет тому назад я был англиканским священником. Меня направили в Уортинг. Очаровательная церковь - не из старинных, но очень уютная и с таким вкусом украшенная - шесть свечей у алтаря, часовня богоматери, а в комнатухе за ризницей помещалась отличная калориферная система - церковь отапливалась коксом. Кладбища не было, а между церковью и домом священника - живая изгородь.

Как только я получил приход, ко мне приехала матушка вести хозяйство. Она купила ситцу на занавески в гостиной из собственных сбережений. Раз в неделю устраивала приемы для наших прихожанок. Одна из них, супруга местного зубного врача, подарила мне Британскую энциклопедию для моих научных штудий. Все шло прекрасно, пока не начались Сомнения...

- И серьезные? - осведомился Поль.

- Просто непреодолимые, - отвечал мистер Прендергаст. - Потому-то я здесь и оказался. Я вас не утомляю?

- Нет, нет, бога ради, продолжайте. Если, разумеется, вам это не в тягость.

- Я все время думаю об этом. Все было как гром среди ясного неба. Жили мы там уже три месяца, и матушка очень подружилась с Узлами - странная, согласитесь, фамилия. Мистер Узл был на пенсии, а в свое время он, кажется, служил страховым агентом. По воскресеньям после вечерни миссис Узл приглашала нас ужинать. Все у них было по-дружески и без церемоний, и я жду, бывало, не дождусь воскресенья. Как сейчас помню тот самый вечер - за столом сидели мы с матушкой, чета Узлов, их сынишка, прыщавый такой, в колледже в Брайтоне учился, каждый день на поезде ездил туда и обратно, потом мать миссис Узл - некая миссис Крамп - почти совсем глухая,

но отличная при том прихожанка, и миссис Абер, супруга зубного врача, та, что подарила мне Британскую энциклопедию, да еще старик майор Финиш, церковный староста. В тот день я прочитал две проповеди, потом учил детей закону божьему, словом, несколько устал и как-то выпал из общего разговора. За столом обсуждали, как готовят пирс к новому курортному сезону, беседа была очень оживленной, а меня вдруг внезапно и самым непостижимым образом охватили Сомнения.

Мистер Прендергаст замолчал, и Поль решил, что самое время выразить сочувствие.

- Какой кошмар, - сказал он.

- Вот именно. С тех пор я не знал ни минуты покоя. Дело в том, что это не были обычные сомнения насчет Каиновой жены^[6], чудес Ветхого Завета или законности посвящения архиепископа Паркера. Все это нас учили объяснять еще в семинарии. На сей раз все оказалось куда серьезнее. Я никак не мог взять в толк, зачем вообще Господь решил создать наш мир. Матушка, Узлы и миссис Крамп увлеченно беседовали, а я сидел и тщетно пытался побороть свои Сомнения. Ведь они подрывали самые основы! Если принять эти основы как нечто само собой разумеющееся, то все остальное становится ясно и понятно: вавилонское пленение, вавилонское столпотворение, епископаты, воплощение Господа во Христе, ладан, но тогда я задался вопросом, на который не могу ответить и поныне, - зачем Господь сотворил мир?

Я обратился к нашему епископу, он сказал, что как-то не задумывался над этим вопросом, и прибавил, что не понимает, какое это может иметь отношение к моим непосредственным обязанностям приходского священника. Я решил посоветоваться с матушкой. Вначале она сказала, что все образуется. Но не тут-то было. Тогда она согласилась со мной, что единственный честный выход в сложившихся обстоятельствах - это сложить с себя сан. Она так и не оправилась от удара, бедная душа. Сами посудите - и ситцевые занавески повесила, и с Узлами так подружилась - и вдруг все пошло прахом...

Где-то вдалеке зазвонил звонок.

- Вот и молитва начинается, а я с трубками еще не управился.

Мистер Прендергаст снял с крючка мантию и облачился в нее.

- Как знать, вдруг мне еще суждено увидеть свет истины и я смогу вернуться в лоно церкви. Ну а пока...

Мимо учительской с диким посвистом промчался Клаттербак.

- Не мальчишка, а исчадье ада, - в сердцах заметил мистер Прендергаст.

Глава 5

ДИСЦИПЛИНА

Молитва проходила внизу, в актовом зале. Вдоль обшитых панелями стен выстроились ученики с учебниками в руках. Вошел Граймс и плюхнулся на стул возле величественного камина.

- Привет, - буркнул он Полю. - Чуть было не опоздал, черт возьми. От меня спиртным не пахнет?

- Пахнет, - сказал Поль.

- Это потому что не позавтракал - не успел... Пренди уже рассказывал тебе про свои Сомнения?

- Рассказывал, - ответил Поль.

- Удивительное дело, но со мной почему-то ничего подобного не приключалось. Не то что я такой уж набожный, но чего-чего, а Сомнений у меня и в помине не было. Когда то и дело садишься в лужу, начинаешь ведь как рассуждать? А может, и впрямь все к лучшему... Как говорится, Господь на небе - мир прекрасен^[7]...

Как бы это сказать - в общем, живи как живется, а на остальное - плевать... Тип, который вытаскивал меня из последней передрыги, сказал, что во мне на редкость гармонично сочетаются все самые элементарные человеческие инстинкты. Верно подметил, ничего не скажешь - вот я и запомнил. Внимание, идет наш начальник. Стало быть, подъем.

Звонок перестал звенеть, и в зал вихрем ворвался доктор Фейган в развевающейся мантии. В петлице у него была орхидея.

- Доброе утро, джентльмены, - сказал доктор Фейган.

- Доброе утро, сэр, - хором откликнулись ученики. Доктор прошествовал к столу в конце зала, взял Библию и, раскрыв ее наугад, стал читать на редкость заунывным голосом про какие-то леденящие кровь ратные подвиги. Затем он ни с того ни с сего перешел на молитву, а мальчики тихо ему вторили. Мистер Прендергаст, интонации которого выдавали бывшего священника, руководил хором.

Затем доктор взглянул на исписанный листок, который держал в руке.

- Дети, - сказал он, - у меня есть для вас сообщение. Соревнования в беге по пересеченной местности на кубок Фейгана в этом году отменяются - в связи с неблагоприятными погодными условиями...

- Похоже, старик загнал кубок, - шепнул на ухо Полю Граймс.

- ...равно как и традиционный конкурс на лучшее сочинение...

- В связи с неблагоприятными погодными условиями, - пояснил Граймс.

- Мне только что прислали счет за телефон, - продолжал тем временем доктор Фейган, - из которого явствует, что за истекший квартал имело место не менее двадцати трех телефонных разговоров с Лондоном, к которым ни я, ни члены моей семьи отношения не имеют. Настоятельно прошу префектов положить этому конец, если только сами они в этом не замешаны. В противном случае хочу напомнить, что в деревне работает отделение связи, где вам будут только рады. Вот, кажется, и все. Не так ли, мистер Прендергаст?

- Сигары! - подсказал тот театральным шепотом.

- Сигары? Ах да, конечно. Дети, к моему величайшему огорчению, я узнал, что несколько сигарных окурков было обнаружено... где, кстати сказать?

- В котельной.

- В котельной! Это форменное безобразие. Кто из вас курил сигары в котельной?

Наступила продолжительная пауза, взгляд доктора блуждал по лицам учеников.

- Хорошо, разрешаю вам подумать до обеда. Но если к обеду виновный не объявится, вся школа будет строго наказана.

- Дьявол! - сказал Граймс. - И дернула же меня нелегкая дать сигары Клаттербаку. Надеюсь, у паршивца хватит ума держать язык за зубами.

- Идите на уроки, - сказал доктор. Мальчики стали расходиться.

- Судя по виду, сигары самые дешевые, - грустно сказал мистер Прендергаст. - Желтые, как солома.

- Тем хуже, - сказал доктор. - Подумать только, мой ученик курит в котельной дешевые и желтые, как солома, сигары. Проступок, недостойный джентльмена!

Педагоги стали подниматься в классы.

- Твоя рота - вон там, - сообщил Граймс Полю. - В одиннадцать часов отпустишь их на перемену.

- А чему мне их учить? - забеспокоился Поль, которого внезапно охватила паника.

- Будь на то моя воля, я бы их вообще ничему не учил. А уж сегодня и подавно. Главное, чтобы тихо сидели и не баловались.

- Это как раз самое трудное, - вздохнул мистер Прендергаст. С этими словами он заковылял в свой класс в конце коридора, где его появление было встречено бурными аплодисментами. Цепенея от ужаса, Поль отправился на урок.

В классе было десять учеников, они сидели, сложив руки перед собой в радостном ожидании предстоящего.

- Доброе утро, сэр, - сказал тот, что сидел ближе всех.

- Доброе утро, - сказал Поль.

- Доброе утро, сэр, - сказал следующий.

- Доброе утро, - сказал Поль.

- Доброе утро, сэр, - сказал следующий.

- Заткнись, - сказал Поль.

Мальчик тотчас же извлек носовой платок и тихо заплакал.

- За что вы его так, сэр, - поднялся хор упреков. - Он у нас знаете какой чувствительный! А все валлийская кровь. Валлийцы, они такие обидчивые. Пожалуйста, скажите ему "доброе утро", а то он до вечера проплачет. Утро ведь и правда доброе, сэр.

- Тихо, - рявкнул Поль, и наступило недолгое затишье.

- Прошу прощения, сэр, - прозвенел голосок. Поль обернулся и увидел серьезного мальчугана с поднятой рукой. - Прошу прощения, сэр, но он, должно быть, накурился сигар, и теперь ему нехорошо.

- Тихо, - снова рявкнул Поль.

Все десятеро разом замолчали и молча уставились на учителя. Поль почувствовал, что безудержно краснеет под их изучающими взглядами.

- Прежде всего, - выдавил он из себя, - нам надо познакомиться. Как тебя зовут? - обратился он к мальчику на первой парте.

- Тангенс, сэр!

- А тебя?

- Тангенс, сэр, - ответил следующий ученик. Поль так и обмер.

- Вы что, оба Тангенсы?

- Конечно, нет, сэр. Тангенс - это я, а он просто валяет дурака.

- Хорошенькое дело. Это я валяю дурака! Прошу прощения, сэр, но Тангенс я, честное слово.

- Если уж на то пошло, - отозвался с последней парты Клаттербак, -то здесь есть один-единственный настоящий Тангенс, и этот Тангенс я. Все остальные - наглые самозванцы.

Поль совсем оторопел,

- Есть среди вас хоть кто-нибудь, кого зовут по-другому? Тотчас же послышалось:

- Я не Тангенс, сэр.

- И я.

- Да я бы просто помер, если б меня так назвали. Класс мгновенно раскололся на две группировки - на Тангенсов и не Тангенсов. Посыпались было и тумачи, но распахнулась дверь, и вошел капитан Граймс. Шум мигом стих.

- Решил, что вам может пригодиться эта штука, - сказал Граймс, вручая Полю трость. - И послушайте моего совета: неплохо бы их чем-то занять.

Он вышел, а Поль, крепко сжимая трость, принял вызов.

- Плевать я хотел, - сказал он, - на то, кого как зовут, но если кто-нибудь из вас хоть пикнет, то вы проторчите здесь до вечера.

- Мне нельзя до вечера, - сказал Клаттербак, - я иду на прогулку с капитаном Граймсом.

- Тогда я отделаю тебя этой тростью так, что ты своих не узнаешь. Ну а пока вы напишете мне сочинение на тему "Что такое невоспитанность". Тот, кто напишет самую длинную работу, получит приз - полкроны, независимо от ее качества.

С этого момента и до самого звонка в классе царила полная тишина. Поль, не расставаясь с тростью, мрачно глядел в окно. С улицы доносились крики прислуги - шла визгливая перебранка по-валлийски. К перемене Клаттербак исписал шестнадцать страниц и был удостоен обещанной награды.

- Ну как, трудно вам пришлось? - поинтересовался мистер Прендергаст, набивая трубку.

- Ничуть, - отвечал Поль.

- Вы счастливый человек. Меня же сорванцы совершенно не уважают, сам не знаю почему. Конечно, парик многое подпортил. Вы

заметили, что я ношу парик?

- Нет, нет...

- А дети сразу заметили. Парик был моей роковой ошибкой. Уезжая из Уортинга, я вдруг решил, что выгляжу очень старым и не смогу из-за этого быстро устроиться на работу. Мне тогда исполнился сорок один год. Хорошие парики стоили целое состояние, вот я и решил выбрать подешевле. Потому-то он и выпядит так ненатурально. Кошмар! Я сразу понял, что совершил ошибку, но раз уж дети видели меня в парике, было поздно что-либо менять. Теперь они только и делают, что строят насмешки на этот счет.

- Я полагаю, что, если бы не было парика, они смеялись бы над чем-то еще.

- Пожалуй, вы правы. Пусть уж смеются над париком. Господи! Если бы не трубки, то просто не представляю, как бы я все это выдержал. А вы к нам какими судьбами?

- Меня отчислили из Скона за непристойное поведение.

- Ясно. Стало быть, как Граймса.

- Нет, - отрезал Поль. - Вовсе не как Граймса.

- Впрочем, не все ли равно как. Вот и звонок. Господи, опять этот дрянной человек взял мою мантию!

Прошло два дня. Бест-Четвинд уселся за орган и заиграл плясовую.

- А знаете, сэръ, пятиклассники от вас в восторге. Они с Полем расположились на хорах местной церкви. Это был их второй урок музыки.

- Ради всех святых, оставь инструмент в покое. Что значит - в восторге?

- А вот что. Сегодня утром Клаттербак стащил из кладовки банку ананасов. Тангенс его и спроси: "В столовой будешь лопать?" Тот отвечает: "Еще чего! Съем на пеннифезеровском уроке!" - "А вот и нет! - говорит Тангенс. - Конфеты или печенье - это еще куда ни шло, но ананасы - это уже безобразие. Из-за таких гадов, как ты, даже невредные учителя и то начинают черт знает что выделявать".

- Что же тут такого лестного?

- Лично я первый раз слышу, чтобы об учителях так хорошо отзывались, - сказал Бест-Четвинд. - Можно еще разочек псалом сыграть?

- Нельзя, - сказал Поль.

- Нельзя так нельзя, - согласился Бест-Четвинд. - А вы Филбрика помните? Загадочный тип, правда?

- Это точно, - сказал Поль.

- Дело даже не в том, что он никудышный дворецкий. Слуги у нас здесь один другого хуже. Просто, похоже, он вообще никакой не дворецкий.

- А кто же он тогда?

- Вот и я про это - вы встречали дворецких с алмазными булавками в галстуках?

- Не приходилось.

- Мне тоже. А у Филбрика есть и булавка и кольцо. С большими бриллиантами. Он их Брюксу показывал. А Брюкс нам рассказал. Филбрик говорит, что до войны он мерил изумруды и алмазы стаканами, а ел только на золоте. Мы решили, что он русский князь в изгнании.

- Русские, вообще-то, не стесняются своих титулов. Да и непохож он на иностранца.

- Мы тоже так сначала думали, но потом Брюкс сказал, что перед войной в наших школах появилось много русских. А теперь, - продолжал он, - я все-таки поиграю. В конце концов, мамаша платит за это пять гиней в семестр.

Глава 6

ИСПЫТАНИЕ

В тот день Поль сидел в учительской у камина в ожидании звонка к чаю и вдруг поймал себя на том, что думает о проведенной здесь неделе и о том, что, вопреки всем его предчувствиям, жизнь оказалась вполне сносной. По словам Бест-Четвинда, пятиклассники были от него в восторге. Может быть, "в восторге" и сильно сказано, но между учителем и учениками с первых уроков действительно установилось неплохое взаимопонимание. Когда Полю нужно было написать письмо или хотелось почитать, дети охотно предоставляли ему такую возможность, за что преподаватель, в свою очередь, позволял им распоряжаться учебным временем по их усмотрению. Если на Поля вдруг нападал преподавательский раж, дети сидели и помалкивали, если он задавал домашнее задание, то находились энтузиасты, это задание выполнявшие. Погода была дождливой, так что ни о каких уроках гимнастики не было и речи. Поль никого не наказывал, ученики не подстраивали ему в ответ пакостей, и все шло без осложнений. Вечерами Граймс потчевал его рассказами о своем прошлом с такими подробностями, которые свели бы с ума выдавшего виды психоаналитика.

Вошел мистер Прендергаст с почтой.

- Одно письмо вам, два Граймсу, а мне опять ничего, - объявил он. - Мне никто не пишет. А ведь было время, когда я получал в день по пять-шесть писем, и это не считая официальных. Матушка раскладывала корреспонденцию по порядку. В одну стопу - просьбы о вспомоществовании, в другую - личные письма, отдельно - приглашения на похороны и свадьбы, отдельно - на крещения и благодарственные молитвы, и, наконец, ругательные анонимки. Ума не приложу, почему священники получают такую массу анонимок, и причем порой от людей образованных. Помню, мой отец в свое время от них страшно страдал, в конце концов даже в полицию вынужден был обратиться - угроза за угрозой... А сочиняла эти анонимки, как потом оказалось, супруга нашего викария, тихая, маленькая женщина. Держите ваше письмо. Граймсу, похоже, прислали какие-то счета;

просто непостижимо, как таким людям кредит открывают. Я, например, всегда плачу наличными. Вернее, платил бы, если бы покупал. Я ведь уже два года ничего себе не покупаю, если не считать табаку, "Дейли ньюс", а когда совсем холодно - кагору. Последнее мое приобретение - вот эта трость. В Шанклине купил. А Граймс берет ее, чтобы наказывать учеников. И купил-то я ее совершенно случайно. Приехал я в Шанклин на один день - в августе как раз два года исполнится, - зашел в табачный магазин табаку купить. Нужного мне сорта не оказалось, а уходить с пустыми руками я постеснялся, вот и пришлось купить трость - она обошлась мне в один шиллинг шесть пенсов, - добавил он тоскливо, - так что пришлось вечером отказаться от чая.

Поль взял письмо. Его переслали с Онслоу-сквер. На конверте был герб Скон-колледжа. Писал один из его немногочисленных друзей.

"Скон-колледж. Оксфорд

Дорогой Пеннифезер! - гласило письмо. - "Стоит ли говорить, как огорчился я, когда узнал о постигшем Вас несчастье. У меня складывается впечатление, что Вы пали жертвой самой настоящей несправедливости. Я, правда, не успел ознакомиться со всеми обстоятельствами, но странное событие, которое случилось вчера вечером, лишь укрепило меня в моих подозрениях. Я ложился спать, когда открылась дверь и ко мне заявился Аластер Дигби-Вейн-Трамплингтон. До этого мы с ним никогда не общались, и визит его меня немало удивил. Он сказал: "Вы, говорят, приятель Пеннифезера?" Я сказал, что это действительно так. Он продолжал: "Мне кажется, я впутал его в хорошенькую историю". Я сказал: "Мне тоже так кажется". Он сказал: "Не могли бы вы извиниться от моего имени, когда станете ему писать?" Я сказал, что могу. Он подумал и добавил: "Кстати, он, вроде бы, небогат. Не послать ли мне ему фунтов двадцать, в возмещение, так сказать, убытков, а? Больше у меня сейчас нет. Как вы на это

смотрите?" Тут я, признаться, не выдержал и сообщил ему все, что думаю о нем и о его гнусном предложении. Я осведомился, по какому праву он смеет так обращаться с человеком, вся вина которого заключается в том, что он, видите ли, не принадлежит к его отвратительной компании. Он как-то опешил, пробормотал: "Странно,

странно, что до моих дружков, например, так они только и знают, что с меня деньги тянут", - и убрался восвояси.

На днях я совершил велосипедную прогулку в Литтл-Бичли, побывал в церкви Св. Магнуса, там есть очень интересные надгробья - я сделал эскизы. Жаль, что Вас не было.

Ваш Артур Поттс.

P. S. Насколько я могу понять. Вы решили всерьез посвятить себя преподавательской деятельности. На мой взгляд, образование прежде всего должно способствовать развитию нравственных качеств, а не только смирять инстинкты. Будущее, как мне кажется, принадлежит тем, кто умеет тонко чувствовать, а не волевым натурам. Было бы интересно узнать, что подсказывает Вам Ваш опыт в этом вопросе. Наш капеллан, кстати, со мной не согласен. Он полагает, что утонченность восприятия ослабляет силу воли. Хотелось бы познакомиться и с Вашей точкой зрения".

- Что вы на это скажете? - спросил Поль мистера Прендергаста, подавая ему письмо.

Тот внимательно изучил его и изрек:

- По-моему, ваш друг заблуждается насчет чувств, на его месте я бы так не полагался на голос сердца.

- Да нет же, я про деньги спрашиваю.

- Боже правый! И вы еще сомневаетесь. Немедленно соглашайтесь.

- Это самое настоящее искушение.

- Мой мальчик, вы согрешите, если откажетесь. Подумать только, двадцать фунтов. Жалованье за полсеместра.

Зазвонили к чаю. В столовой Поль протянул письмо Граймсу.

- Как мне поступить?

- Ты про денежки, что ли? Бери, пока не раздумали.

- Боюсь, что все не так просто.

Поль думал про деньги на уроках, думал одеваясь к обеду, думал за обедом. В тяжелой борьбе принципы, усвоенные с детства, одержали верх.

"Если я возьму эти деньги, - рассуждал Поль, - я так и не пойму, правильно я поступил или нет. Мне не будет покоя. Если же я их не приму, я буду твердо знать, что поступил правильно. Отказавшись, я

смогу уверить себя, что, несмотря на все нелепые приключения последних десяти дней, я по-прежнему тот самый

Поль Пеннифезер, к которому я всегда относился с уважением. Это превосходная проверка жизнеспособности моих идеалов".

Он попытался объяснить свое состояние Граймсу, когда они вечером сидели у миссис Роберте.

- Может статься, моя позиция выглядит странной, - начал он. - Ничего не поделаешь, так уж я воспитан. На первый взгляд, деньги взять следует. Дигби-Вейн-Трампингтон баснословно богат, и эти двадцать фунтов он все равно прокутит или просадит на скачках. Устроенный им кутеж принес мне невосполнимые потери. Рухнула моя будущая карьера, а кроме того, я лишился одновременно ста двадцати фунтов годовой университетской стипендии и двухсот пятидесяти фунтов, что выплачивались мне ежегодно опекуном из отцовского состояния. Казалось бы, эти двадцать фунтов принадлежат мне по праву. Но, - воскликнул Поль Пеннифезер, - как же тогда быть с чувством собственного достоинства? Из поколения в поколение мы, представители английской буржуазии, именуя себя джентльменами, вкладываем в это понятие среди всего прочего уважение к себе и презрение к благам, которые мы не заработали своим трудом. Именно это и отличает джентльмена от аристократов, с одной стороны, и от представителей артистической богемы, с другой. Да, я джентльмен и ничего не могу с этим поделать: таким я родился. Ни за что не возьму этих денег.

- Я и сам джентльмен, старина, - отозвался Граймс, - и, опасаясь, что ты начнешь рассуждать именно так, как рассуждаешь сейчас, я решил оказать тебе маленькую услугу и спас тебя от тебя же самого.

- Что значит - спас?

- Дружище, ты, ради бога, не сердись, но сразу же после чая я отправил твоему приятелю Поттсу телеграмму: "Вели Трампингтону срочно выслать сумму", - и подписался: "Пеннифезер". А пока суд да дело, мой кошелек к твоим услугам.

- Негодяй! - сказал Поль и вдруг почувствовал неизъяснимое облегчение. - Слушай-ка, а не выпить ли нам по этому поводу?

- Умница! - ответил Граймс. - Причем на сей раз угощаю я.

- За нерушимость наших идеалов! - провозгласил Поль, когда принесли пиво.

- Красиво говоришь! - подал голос Граймс. - Будем здоровы!

Через два дня пришло второе письмо от Поттса.

"Дорогой Пеннифезер!

Посылаю Вам чек от Трампингтона на двадцать фунтов. На этом наши с ним отношения, слава богу, заканчиваются. Не буду скрывать. Ваша позиция в данном вопросе меня удивила, но Вам, безусловно, виднее. Стиггинс на днях читает у нас доклад на тему: "Подавление сексуальных инстинктов и религиозное сознание". Ожидается потасовка. Вы ведь знаете, какое значение придает Уолтон мистическому началу, которое Стиггинс, со своей стороны, склонен недооценивать.

Ваш Артур Поттс.

P. S. В "Учительском обозрении" на днях появилась весьма любопытная статья насчет новых методов обучения, практикуемых в средней школе Иннсборо с целью развития координации чувств учащихся. В рот ученику помещается небольшой предмет, форму которого он должен определить и воспроизвести на доске красным мелком. Вы не пробовали применять этот метод на Ваших уроках? Прогрессивно ли настроены Ваши коллеги?"

- Зануда этот твой Поттс, - заметил Граймс, ознакомившись с посланием. - Самый настоящий зануда. Но дело сделано, а это главное. С тебя, брат, причитается!

- Конечно, конечно, - сказал Поль. - Непременно отпразднуем это. Может, и Пренди пригласим, а?

- Почему бы и нет? Ему это будет только на пользу. Он что-то совсем зачих. Закатимся вечерком в "Метрополь", что в Кимприддиге, и отобедаем там. Но сначала надо, чтобы старик уехал, а то он заметит, что никто не дежурит.

В тот же день Поль посвятил в планы мистера Прендергаста.

- Знаете, Пеннифезер, - сказал тот, - это так любезно с вашей стороны, что я просто слов не нахожу. С превеликим удовольствием. И не припомню, когда я в последний раз был в ресторане. Пожалуй, что до войны. Во всяком случае, никак не после войны. Мой мальчик, я просто растроган. Это замечательная идея.

И, к немалому смущению Поля, в глазах мистера Прендергаста показались слезы, мгновение - и они покатались по щекам педагога.

Глава 7

ФИЛЬРИК

Перед самым обедом погода совсем разгулялась, а к половине второго даже выплянуло солнце. Доктор почтил своим присутствием школьную трапезу, что бывало, надо сказать, нечасто. Когда он вошел, еда прекратилась, ножи с вилками были отложены.

- Друзья, - начал доктор, благосклонно поглядывая на своих питомцев, - у меня есть для вас новости... Клаттербак, перестань жевать, когда я говорю... Манеры наших воспитанников, мистер Прендергаст, оставляют желать лучшего. Обращаю на это внимание префектов... Итак, друзья, завтра на школьном стадионе состоится главное спортивное событие года. Я имею в виду наш традиционный спортивный праздник, который в прошлом году, увы, пришлось отменить по причине всеобщей забастовки. Проведение праздника возлагается на мистера Пеннифезера, нашего выдающегося спортсмена. Сегодня -предварительные соревнования. Каждому из вас предстоит выступить во всех видах программы. Графиня Периметр любезно согласилась вручить награды победителям. Главный арбитр - мистер Прендергаст, хронометрист - капитан Граймс. У меня все, благодарю за внимание... Мистер Пеннифезер, после обеда загляните, пожалуйста, ко мне.

- Боже правый, - пробормотал Поль.

- Прошлый раз я выиграл прыжки в длину, - сообщил Бриггс, - но все стали кричать, что у меня туфли с шипами. А у вас туфли с шипами?

- Разумеется, - ответил Поль.

- А они говорят - так нечестно. Мы никогда не знаем про соревнования заранее, попробуй подготовиться.

- Завтра ко мне прикатит мамаша, - сообщил Бест-Четвинд. - Удивительное невезение. Торчи при ней целый день...

Отобедав, Поль направился в гостиную, где и застал доктора. Он расхаживал по комнате в явном возбуждении.

- Милости прошу, Пеннифезер. А мы, как видите, в праздничных хлопотах. Флоренс, позвони Клаттербакам и пригласи их, а заодно и

Хоуп-Браунов. Уоррингтоны далеко, но их тоже позвать не мешает. Не забудь и про нашего викария со стариком майором Сайдботтомом. Словом, чем больше гостей, тем лучше. Ты же, Диана, займись угощением. Во-первых, бутерброды и непременно с foie gras^[8], а то прошлый раз ты купила ливерную колбасу, и у леди Банвей сделалось расстройство... Затем пирожные, побольше пирожных с плазурью. В общем, бери машину и поезжай в Лландидно за покупками. Вас, Филбрик, я попрошу заказать крющон и помочь рабочим установить шатер, там у нас будет буфет. А флаги, Диана? С прошлого раза у нас должны были остаться флаги.

- Я их пустила на тряпки, пыль вытирать, - сказала Динги.

- Не беда, купим новые. Не надо жалеть расходов... К четырем часам, Пеннифезер, у нас должны быть результаты предварительных соревнований. Сообщите их по телефону в типографию, чтобы к завтрашнему дню нам могли напечатать программки. Скажите, что пятидесяти экземпляров будет достаточно, пусть только обязательно украсят их золоченой эмблемой школы... Нам понадобятся и цветы, Диана, много цветов, - говорил доктор, широко разводя руками. - Среди корзин с цветами мы разместим призы. Кстати, не купить ли нам букет для леди Периметр?

- Нет, - сказала Динги.

- Что значит - нет? - сказал доктор. - Букет нужен непременно. В те редкие мгновения, когда академический покой Лланабы сменяется праздничным ликованием, изящество и тонкий вкус не должны вестись прагматизму... Роскошный букет, источающий упоительный аромат гостеприимства. Выбери лучшие цветы Уэльса, Диана, и не скупись... Цветы, юность, умудренная науками, драгоценности, музыка... - вещал доктор, уносясь на крыльях фантазии в заоблачные выси и все более воодушевляясь от собственных же слов, - музыка. Нам нужен оркестр.

- Начинается, - не выдержала Динги. - Оркестр! Ты еще скажи, фейерверк.

- Кстати, и фейерверк тоже не повредит, - сказал доктор. - Как ты полагаешь, не купить ли нам заодно и галстук мистеру Прендергасту? Сегодня я вдруг обратил внимание на то, как он убого одет.

- Нет уж, - отрезала Динги. - Цветы или фейерверк еще куда ни шло, но всему есть предел. При чем тут, скажи на милость, галстук для мистера Прендергаста?

- Пожалуй, ты права, - согласился доктор. - Но без музыки нам никак нельзя. Насколько мне известно, местный духовой оркестр занял на музыкальном фестивале Северного Уэльса третье место - это было месяц назад. Поговори с ними, Флоренс. Главный у них, если мне не изменяет память, мистер Девис, начальник станции. А что Клаттербаки?

- Приедут, - сообщила Флосси. - Все шестеро.

- Вот и чудесно. Теперь о прессе. Надо позвонить во "Флинт энд Денби геральд", пусть пришлют фоторепортеров. Если будут репортеры, значит, понадобится виски. Проследите, Филбрик, чтобы все было как положено. А то, помнится, на одном таком празднестве я совсем забыл про виски для представителей прессы. В результате в газетах появился в высшей степени неудачный снимок. Дело в том, что во время бега с препятствиями мальчики порой оказываются в таких неэстетичных позах...

Теперь о призах. Ты, Диана, бери машину и поезжай в Лландидно, да захвати с собой Граймса, он тебе поможет приобрести призы. Здесь, думается, излишняя расточительность ни к чему. В противном случае у детей может возникнуть превратное представление о спорте. Интересно, а что скажет леди Периметр, если мы попросим увенчать наших юных чемпионов венками из петрушки? Как бы не обиделась?! Тем не менее следует помнить, что при выборе наград главными критериями отбора должны служить практичность, экономичность и долговечность.

Вы же, Пеннифезер, должны проследить, чтобы призовые места распределялись справедливо. Не допускайте, чтобы один и тот же ученик побеждал более чем в двух видах программы. Прошу вас обратить на это особое внимание! Неплохо было бы, я полагаю, если бы среди наших чемпионов оказался юный лорд Тангенс или, к примеру, юный Бест-Четвинд. Между прочим, его мать завтра тоже будет у нас в гостях.

Я прекрасно понимаю, что все это для вас несколько неожиданно, но, признаться, не далее как сегодня утром я узнал о намерении леди Периметр посетить наши края. Поскольку миссис Бест-Четвинд тоже к нам собиралась, я решил, что было бы просто грешно не воспользоваться таким благоприятным стечением обстоятельств. Нечасто, согласитесь, совпадают намерения столь именитых особ.

Достопочтенная миссис Бест-Четвинд, - кстати, она невестка лорда Пастмастера, - дама весьма состоятельная. Она родом из Южной Америки. Говорили, что она отравила своего супруга, но юный Бест-Четвинд об этом, разумеется, не знает. До суда это не дошло, но толков в свое время было немало. Помните?

- Нет, - сказал Поль.

- Она ему в кофе толченого стекла подсыпала, - злобно подсказала Флосси.

- Кофе по-турецки! - хмыкнула Динги.

- За работу же, - воскликнул доктор. - У нас дел по горло.

Когда Поль с мистером Прендергастом подошли к спортивной площадке, снова зарядил дождь. Полуголые и дрожащие от холода мальчики поджидали их, сбившись в жалкие кучки. Клаттербак успел шлепнуться в грязь и теперь тихо скулил за деревом.

- Как же нам их делить? - задумался Поль.

- Понятия не имею, - отозвался мистер Прендергаст. - По правде сказать, не нравится мне эта затея.

Возник Филбрик - он был в пальто и котелке.

- Мисс Фейган передает вам свои извинения, но барьеры и шесты для прыжков она в свое время пустила на дрова. Говорит, что завтра попробует взять новые напрокат в Лландидно. Доктор надеется, что вы пока что-нибудь придумаете. А мне надо к садовникам, шатер дурацкий ставить.

- Спортивные состязания, на мой взгляд, куда хуже концертов, - заметил мистер Прендергаст. - Те хоть в помещении проводились. Господи, да я насквозь промок. Если б я знал про эти соревнования, я бы хоть обувь сдал в починку...

- Извините, пожалуйста, - подошел к ним Бест-Четвинд, - но мы совсем оочеченели. Может быть, пора начинать?

- Давайте, - согласился Поль. - А что вы, собственно, должны делать?

- Нам надо разделиться и пробежать дистанцию.

- Прекрасно, тогда разбейтесь на четыре группы. Это оказалось не так-то просто. Дети требовали, чтобы в забеге принял участие и мистер Прендергаст. Наконец Поль возвестил:

- Первый забег. Дистанция - миля. Пренди, побудь-ка с ними, а мы с Филбриком пока постараемся как-то организовать прыжки.

- А что я должен делать? - забеспокоился мистер Прендергаст.

- Пусть мальчишки пробегут до замка и обратно, а ты запишешь тех, кто займет первые два места в каждом из забегов.

- Попробую, - грустно отозвался мистер Прендергаст. Поль с Филбриком двинулись к павильону.

- Я, между прочим, дворецкий, - заговорил Филбрик, - а вожусь с шатрами, точно бедуин какой.

- Это ненадолго, - заметил Поль.

- Я и сам здесь ненадолго, - ответил Филбрик. - Не для того я родился, чтобы быть на побегушках.

- Я вас понимаю.

- Знаете, почему я здесь оказался?

- Нет, - отрезал Поль. - Не знаю и знать не хочу, вам ясно?

- Сейчас я вам все расскажу, - продолжал как ни в чем не бывало Филбрик. - Вышла вот такая штука.

- Ваши гнусные признания меня не интересуют, сколько раз повторять.

- Они никакие не гнусные, - отвечал Филбрик. - Это история любви. И, скажу вам честно, я не знаю истории прекраснее. О сэре Соломоне Филбрике, наверное, слышали?

- Нет.

- Не может быть! Не слышали о старине Солли?

- Нет, а что?

- А то, что это я. И, смею вас уверить, к югу от моста Ватерлоо^[9] это имя кое-что да значит. Скажите только: "Солли Филбрик из "Барашка и флага", если будете в Лондоне, - поймете тогда, что такое слава.

- Хорошо, попробую.

- И учтите, я говорю: "Сэр Соломон Филбрик", но это так, больше для смеха. Так меня наши школьники называют. На самом-то деле я никакой не сэр, а самый обыкновенный Соломон Филбрик. Как вы или он. - Филбрик ткнул пальцем себе за спину, откуда слабо доносились команды мистера Прендергаста: "На старт, на старт, непослушные мальчишки!" - А они меня сэром величают. Из уважения.

- Когда я скомандую: "Внимание, марш", начинайте бег, - слышался голос мистера Прендергаста. - Итак, внимание, марш...

Почему же вы стоите на месте? - И его призывы тотчас же утонули в звонких ребячьих протестах.

- И учтите, - не унимался Филбрик, - слава пришла ко мне не сразу. Вырос я среди грубых людей, ох каких грубых. Вы с Птенчиком Филбриком знакомы не были?

- Боюсь, что нет.

- Еще бы! Дело-то давнее. А ведь неплохой боксер был. Не скажу великий, - пил запойно, да и руки коротковаты, но свои пять фунтов за вечер он в нашем Ламбет-клубе зарабатывал исправно. К нему все там хорошо относились, а ведь иной раз налижется до чертиков, какой уж тут бокс. Короче, то был мой папаша, золотое сердце, но грубиян, что верно, то верно. Разнесчастную мою родительницу лупцевал - страшное дело. Пару раз за это в кутузку попадал, а как выпустят, он опять так наподдаст... Нынче таких людей уж не встретишь, образованные все больно стали, да и виски, между прочим, не подешевело... Птенчик из меня тоже хотел боксера сделать. По субботам я стоял с губкой у канатов в нашем клубе и кое-что, между прочим, зарабатывал, а ведь совсем сопляком был. В клубе я и познакомился с Тоби Кратвеллом, о нем тоже не слыхали?

- Мне, право, неловко, но не слыхал. Я вообще плохо знаю спортсменов.

- Спортсменов? Так, по-вашему, выходит, Тоби Кратвелл спортсмен? Вот умора! Тоби Кратвелл, - вновь оживился Филбрик, - это тот, кто свистнул буллеровские бриллианты в девятьсот двенадцатом году, обчистил Объединенный стальной трест в девятьсот десятом, а в четырнадцатом хорошенько выпотрошил сейфы на острове Уайт. Нет, кем-кем, а спортсменом Тоби Кратвелл отродясь не бывал. Хорош спортсмен! Знаете, какую штуку он выкинул с Альфом Ларриганом, когда тот закрутил было с одной его подружкой? Нет? Так слушайте. Был у Тоби знакомый доктор по фамилии Питерфилд, жил он на Харли-стрит, а пациентов у него хоть пруд пруди. Так вот Тоби кое-что про него знал. Питерфилд угробил очередную его девчонку, когда та пришла к нему, потому что не хотела рожать. Тоби про это пронюхал, так что доктор был у него в руках. Альфа он убивать не стал - не так был Тоби воспитан. Тоби вообще никого никогда не убивал, если не считать, конечно, всех этих поганых турок в войну, за что, если хотите знать, он орден заработал.

Словом, подкараулил он Альфа, сводил его к доктору Питерфилду, ну и... - Филбрик перешел на шепот.

- Внимание, второй забег, приготовились. Если вы не побежите по команде "марш", я вас всех до одного дисквалифицирую, вы меня слышите? Внимание, марш...

- В общем, с той поры Альф Ларриган больше за девчонками не бегал. Хе-хе-хе. А вы говорите - спортсмен! Ну а мы с Тоби проработали на паях целых пять лет. Вместе Стальной трест чистили, вместе Буллера обрабатывали, и кое-что заработали. Тоби брал себе три четверти, как старший, но и я внакладе не оставался. Расстались мы уже перед самой войной. Тоби продолжал сейфы потрошить, а я обосновался в "Барашке и флаге", в том, который в Кембервелл-Грине, стало быть. Перед войной это была не пивная, а одно загляденье, да и теперь лучше нее в округе не найти, вы уж мне поверьте. Времена нынче, конечно, не те, но все равно жаловаться грех. Я и "Синематограф" приобрел там же, под боком. Будете в тех краях - заходите, сошлитесь на меня - для вас всегда контрамарочка найдется.

- Очень вам признателен.

- Сущие пустяки. Стало быть, началась война. Тоби за Дарданеллы орден получил и важной птицей заделался. Теперь он, фу-ты ну-ты, майор Кратвелл, член парламента от консерваторов, какую-то дыру на юге Англии представляет. А в пивной у меня всем распоряжалась моя толстуха. Я ведь женился - забыл вам рассказать. В невестах она была красавицей, только вот потом располнела. Обычное дело, при пивной-то. После войны дела наши пошли на убыль, а потом толстуха моя приказала долго жить. Сперва я не думал, что буду особо убиваться, располнела уж больно, повторяю, и вообще. Поначалу так оно и вышло, но когда я ее схоронил и все постепенно в свою колею входить стало, вдруг я затосковал. Почему да отчего, сам не знаю. Стал газеты читать. раньше-то моя супруга мне вслух читала, выбирала, что ей больше нравилось, а я когда слушаю, когда нет, в общем, особо никогда не интересовался. Про преступления она никогда не читала, разве только убийство какое громкое. А я сразу взялся за уголовную хронику, и у себя в "Синематографе" ни одной картины про жуликов не пропускал. Спалось мне неважно, все лежу себе да бывшее вспоминаю. Я бы и по

второму разу мог запросто жениться, за меня бы любая пошла, но мне чего-то другого все хотелось.

Как-то субботним вечером в бар заглядываю. По субботам я всегда там -сигару выкурю, ребятам стаканчик-другой поставлю. Чтобы чувствовали, с кем дело имеют. На пальце у меня кольцо с бриллиантом, а летом я всегда при бутоньерке. Значит, захожу я и вижу - кого бы вы думали - Джимми Дреджа. Я с ним познакомился, еще когда с Тоби работал. Сидит - лица на парне нет.

"Здорово, Джимми, - окликаю. - Сколько лет, сколько зим! - Спрашиваю его приветливо, но осторожно, бог его знает, что он теперь за птица: - Как дела?"

"Как сажа бела, - отвечает. - Работу запарол".

"Что за работа?" - спрашиваю.

"Детская, - отвечает. Ребенка, понимать надо, умыкнул. - В общем, все по порядку, - начинает свой рассказ Джимми. - Ты лорда Аттриджа знаешь?"

"Того, что электрическую сигнализацию от воров завел? Который на Белгрейв-сквер проживает? В Аттридж-хаусе?"

"Он самый, чтоб ему пусто было. Так вот, есть у этого Аттриджа сынок лет двенадцати, только недавно в колледж пошел. Я его взял на заметку, -продолжает Джимми, - потому как он у папаши единственный отпрыск, а денег у лорда Аттриджа куры не клюют. Короче, доделал я одно дельце и на Аттриджей переключился. Сперва все шло как по маслу", - рассказывает Джимми. Возле самой Белгрейв-сквер, по его словам, был гараж, и мальчишка вечно там по утрам сшивался, все смотрел, как с автомобилями возятся. На автомобилях он был помешан. Вот и подкатывает в одно прекрасное утро наш Джимми к гаражу на своем мотоцикле с коляской, бензин, дескать, кончился. Парень, понятно, тут как тут. Уставился.

"Машина-то барахло", - заявляет он.

"Сам ты барахло, - отвечает Джимми. - Я с этим мотоциклом и за сто фунтов не расстанусь. На этом мотоцикле, если хочешь знать, я Гран-при выиграл в Булони".

"Будет заливать-то, - смеется паршивец. - На этом драндулете и тридцати миль в час не сделать, даже в горки!"

"Погоди, - сказал тут Джимми. - Ты лучше залезай в коляду, все сам и увидишь. На спор - восемьдесят выжму на шоссе".

Сел мальчишка, поехали они и приехали в одно укромное местечко. Там Джимми свою добычу припрятал, а сам давай скорее писать письмо папаше. Мальчишка на седьмом небе от радости - с мотоциклом возится, мотор разбирает. Собрать-то его Джимми потом собрал, но, как он мне жаловался, не тот уже стал мотоцикл, хотя, по правде сказать, это всегда была самая настоящая рухлядь. В общем, живут они душа в душу и вдруг бац! - ответ приходит. Хотите верьте, хотите нет, но папаша не желает раскошелиться, и точка. А ведь он-то, со своими шахтами да пароходами, богат, что твой Английский банк. И пишет лорд Аттридж, что за оказанную услугу он чрезвычайно благодарен, что благодаря хлопотам Джимми сбылась его, Аттриджа, давнишняя мечта и рухнула последняя преграда на пути к полному счастью, но поскольку Джимми проделал все это по собственному почину, то он считает, что ни о каком вознаграждении не может быть и речи, всего, мол, наилучшего, искренне ваш, Аттридж. Это был тяжелый удар для Джимми.

Пару раз еще писал он папаше - ни ответа ни привета. К тому времени мальчишка окончательно развинтил мотоцикл и все винтики по комнате разбросал, в общем, Джимми велел ему проваливать на все четыре стороны.

"А зубы ты ему вырывал, отцу посылал? - спрашиваю я Джимми.

"Нет, - говорит, - не вырывал".

"А слезные письма он у тебя писал?- спрашиваю. - О выкупе умолял?"

"Нет, - говорит, - не писал".

"Ну хорошо, а палец-то ты ему, надеюсь, оттяпал, папаше в почтовый ящик подсунул?"

"Нет", - отвечает.

"Ну, брат, - говорю я ему, - значит, так тебе и надо. Какой же ты после этого специалист?"

"Да ладно, - говорит тут Джимми, - трепаться все мы мастера. Ты сам десять лет не у дел. Поглядел бы я, что бы ты на моем месте сделал".

Тут-то я и призадумался. Я ведь уже говорил, что совсем одурел оттого, что день-деньской по пивной слоняюсь и бездельничаю. "Ты погоди, - говорю я, - лучше давай поспорим, что я проверну такое вот дельце, ты только скажи, с кем и когда". - "А почему бы нет! -

отвечает Джимми и за газету берется. - Значит, единственное чадо богатых родителей?" - спрашивает. "Вот именно", - отвечаю. В общем, искать долго не пришлось - сразу же наткнулись на фото леди Периметр с единственным сыном лордом Тангенсом на скачках в Уорике. "Вот он, твой клиент", - сказал мне Джимми. Потому-то я сюда и приехал...

- Господи! - ахнул Поль. - Ума не приложу, для чего вы мне рассказали про все эти гнусности. Ничего себе история! Можете не сомневаться - я обо всем сообщу в полицию.

- Да вы не беспокойтесь, - сказал Филбрик. - Дело-то лопнуло! Джимми выиграл пари. А знаете почему? - Потому что я встретил Дину.

- Дину?

- Мисс Диану. Я зову ее Диной, потому что есть такая песня. Увидел ее и пропал. И этот вечер нашей встречи в моей душе запечатлен. Это тоже из песни, - пояснил Филбрик. - Эта девушка способна вырвать вас из когтей дьявола.

- Вы так сильно влюблены?

- Да я готов за нее в огонь и в воду. Плохо ей тут, бедняжке. По моему, отец ее обижает. Иногда мне даже кажется, что и за меня она выходит, лишь бы поскорее уехать отсюда.

- Господи, боже мой! Так вы, значит, женитесь?

- В прошлый четверг приняли такое решение. Гуляем-то мы уже порядочно. Барышням вредно сидеть взаперти. Когда я здесь появился, она была готова сойтись с первым встречным, до того ей обрыдло хозяйство, день-деньской на ногах... Только и радости у нее - на всем экономить и слуг, чуть что, увольнять. Впрочем, они и сами бегут без оглядки, и месяца не проработав, -держат их тут впроголодь. Да, министерская голова у этой девушки, ей-богу. Всем хозяйкам хозяйка, такая-то и нужна мне в "Барашке". Однажды она услышала, как я по телефону даю указания своему директору в "Синематографе". Услышала и призадумалась. Решила, что я переодетый принц, так сказать. Она-то и завела разговор насчет женитьбы. У меня бы и духу не хватило сделать предложение. Пока я для нее только дворецкий. Мечталось мне - найму автомобиль и подкачу как-нибудь с бриллиантовым кольцом и при бутоньерке, тогда и поговорим. Не понадобилось. Вот что значит любовь.

Филбрик умолк, по-видимому, растроганный собственным же монологом. Дверь павильона отворилась, и вошел мистер Прендергаст.

- Ну как там соревнования? - спросил Поль.

- Так себе, - ответил мистер Прендергаст. - По правде говоря, они не состоялись.

- Не состоялись?

- Нет. Дело в том, что никто из участников первого забега назад не вернулся. Добежали до конца аллеи, скрылись за деревьями, и больше я их не видел. Наверное, решили пойти переодеться. Я на них не сержусь. Страшный холод. Хотя, приятного мало, когда все по твоей команде куда-то бегут, а назад не возвращаются. Словно солдаты на поле боя.

- Нам и самим, кстати сказать, не мешало бы пойти переодеться.

- Совершенно с вами согласен. Ну и денек! В учительской они обнаружили Граймса.

- А я только что из веселого города Лландидно, - доложил он. - Для того ли я, спрашивается, в закрытой школе обучался, чтобы бегать по магазинам с Динги, а? Ну а что соревнования?

- Так и не состоялись, - признался Поль.

- Не беда, - утешил его Граймс. - Положитесь на меня. Я в этом кое-что смыслю. Такие соревнования надо проводить у камина. Сейчас мы тихо и мирно напишем, кто и как выступил. Но лучше не мешкать. Наш начальник хочет, чтобы результаты сегодня отослали в типографию.

И, вооружившись листом бумаги и огрызком карандаша, Граймс набросал программу.

- Прошу оценить, - сказал он.

- Клаттербак у тебя как преуспел! - удивился Поль.

- Одно слово - талант, - сказал Граймс. - Ну, теперь звони в типографию и продиктуй им результаты, тогда они сегодня напечатают программки. Не знаю только, не включить ли нам еще и бег с препятствиями.

- Нет, - сказал мистер Прендергаст.

Глава 8

СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК

На следующий день дождя, к счастью, не было, и после утренних занятий все разоделись в пух и прах. Доктор Фейган облачился в светло-серую визитку и щегольские клетчатые брюки - ни дать ни взять *jeune premier*^[10]. Его походка сделалась пружинистой, а в манере держаться обнаружилась удивительная молоджавость, чего Поль за ним раньше не замечал. Флосси нарядилась в фиолетовое шерстяное платье, которое ей связала прошлой осенью сестра. Казалось, кто-то разлил по промокательной бумаге химические чернила, у талии платье украшали цветы из розовой и изумрудно-зеленой шерсти. Шляпка на Флосси тоже была самодельной, результат самоотверженного труда долгими зимними вечерами. На отделку пошли остатки многочисленных старых шляп. Сама Динги украсилась маленькой металлической брошкой в форме бульдога. Граймс напялил негнувшийся целлулоидовый воротничок.

- Праздник, как-никак! - подмигнул он Полю. - Вот и решил надеть ошейник. Тьфу, черт, до чего же тугой. Ты обратил внимание на последнее творение моей ненаглядной? Одно слово, Париж! Слетаем-ка к миссис Роберте, пропустим по одной, пока праздничные толпы не заполонили окрестности?

- Я бы с радостью, но нам с доктором нужно осмотреть спортплощадку.

- Ясно, дружище. Тогда до скорого! Ба! Это что еще за радуга! На мистере Прендергасте был полинялый разноцветный блейзер, от которого немилосердно разило нафталином.

- Сегодня, как мне кажется, доктор Фейган поощряет отступление от обычного распорядка, - сказал мистер Прендергаст. - Я играл в колледже в крикет, неважно играл, по причине близорукости, но все же завоевал право носить этот блейзер, который, - не без вызова продолжал он, - куда больше приличествует сегодняшнему событию, нежели целлулоидовый воротничок.

- Пренди, дружище! - воскликнул Граймс. - Сменить одежду - великое дело! Совсем другим человеком становишься - лихим. Я это

понял, когда впервые надел военную форму. Ну да ладно, счастливо оставаться! Мне некогда. Пошли со мной, Пренди, - пропустим по маленькой!

- А знаете что! - сказал вдруг мистер Прендергаст. - Я, пожалуй, не откажусь.

Поль удивленно проводил взглядом удаляющуюся по аллее парочку, потом ринулся на поиски доктора.

- Откровенно говоря, - вещал доктор Фейган, - я и сам не могу понять, что со мной происходит. Казалось бы, нет в мире зрелища, которое внушало бы мне большее отвращение, нежели легкоатлетические соревнования - разве что только народные пляски. И, опять-таки, общество многих представительниц женского пола мне неприятно, но особенно в тягость мне миссис Бест-Четвинд и леди Периметр. В довершение ко всему, у меня только что состоялся крайне странный разговор с нашим дворецким, который распорядился на обеде, облачившись в сюртук болотного цвета, брюки гольф, а в галстук у него я заметил алмазную заколку. Я сделал ему замечание насчет его вида, а он в ответ понес какую-то совершенную чепуху то ли о цирке, то ли о плавательном бассейне, которым он якобы владеет. И все же, несмотря на все это, - продолжал доктор Фейган, - я охвачен приятным волнением. Сам не знаю почему. Подобные празднества нам не в диковинку. За четырнадцать лет, что я провел в Лланабе, у нас было шесть спортивных праздников и два концерта, и хоть бы один прошел удачно! То отравилась леди Банвей, то фоторепортеры отличились с этим снимком - я вам рассказывал, - то какие-то ровным счетом ничего собой не представляющие родители привезли собаку, которая покусала двух учеников и одного учителя. Если б вы слышали, как он сквернословил. Я понимал его состояние, но тем не менее пришлось с ним расстаться. На одном из концертов дети наотрез отказались петь "Боже, храни короля" - потому что им не понравился пудинг, который был подан на обед. Словом, как ни старался я создать в школе атмосферу веселья и непринужденности, все шло прахом. И вот я снова радуюсь - а чему, спрашивается? Не очередному ли фиаско? Но кто знает, Пеннифезер, а вдруг вы принесете нам удачу. Уже принесли - посмотрите, какое солнце!

Старательно выбирая сухие островки на раскисшей аллее, они подошли к спортивной площадке и убедились, что лихорадочные

усилия, предпринятые за последние двадцать четыре часа, не пропали даром. Высился большой шатер, а Филбрик, по-прежнему в брюках гольф, и с ним три садовника хлопотали, устанавливая шатер поменьше.

- Здесь будет духовой оркестр, - пояснил доктор. - Филбрик, разве я не просил вас сменить этот шутовской наряд?

- Когда я его покупал, он был как новый, - сказал Филбрик, - если хотите знать, восемь фунтов пятнадцать шиллингов выложил. И вообще, не могу же я делать два дела сразу - или переодеваться, или работать.

- Нет, нет, сначала надо все закончить. Проверим, не забыли ли мы чего. В шатре наши гости будут пить чай. Здесь всем заправляет Диана. Наверное, трудится не покладая рук.

И верно - Диана вместе с двумя помощницами расставляла на длинном, поставленном на козлы столе тарелочки с пирожными ядовитой расцветки. Две другие служанки резали в углу хлеб - для бутербродов. Диана блаженствовала.

- Джейн, Эмили! - покрикивала она. - Учтите, что масла должно хватить на три батона. Мажьте ровно, но знайте меру, а куски режьте как можно тоньше. Папа, проследи, чтобы дети не приводили с собой никого, кроме родителей. А то в прошлый раз Бриггс явился с четверьмя приятелями, они набросились на бутерброды, и полковнику Лоддеру ничего не досталось. А вы, мистер Пеннифезер, учтите, что крошечки только для гостей. И капитану Граймсу так и передайте... Впрочем, скорее всего, вам будет не до еды - столько всего сделать придется. Что касается мистера Прендергаста, то в его деликатности я не сомневаюсь.

Возле шатра стояли скамейки, кадки, а в них какие-то пальмы и цветущие кустарники.

- Все это надо расставить поэлегантнее, - сказал доктор. - С минуты на минуту могут начать прибывать гости. Машины будут сворачивать с аллеи и подъезжать прямо к нашему стадиону. Создастся прекрасный фон для фотографий. Только, милейший Пеннифезер, вам следует тактично порекомендовать фоторепортерам сосредоточить свое внимание не на малолитражке леди Периметр, а на "испано-сюизе" миссис Бест-Четвинд. Так будет лучше.

- По-моему, дорожки не размечены, - сказал Поль.

- Не размечены? - удивился доктор, впервые за все время окидывая взором спортплощадку. - Надо найти какой-то выход из положения. Наши сотрудники и без того хорошо поработали.

- А барьеры доставлены?

- Заказывать их заказывали, - сказал доктор. - Я это хорошо помню. Скажите, Филбрик, барьеры доставлены?

- Доставлены, - усмехнулся тот.

- А что в этом смешного?

- Полюбуйтесь сами, - был ответ. - Они за шатром.

За шатром Поль с доктором обнаружили груды чугунных секций вышиной в человеческий рост, выкрашенных в зеленый цвет и с позолоченными шишечками.

- Судя по всему, они не поняли, о каких барьерах шла речь, - сказал доктор.

- Не иначе.

- Надо что-то придумать. Что у нас еще в программе, какой потребуется инвентарь?

- Метание ядра, молота, копья, прыжки в длину, прыжки в высоту, барьерный бег, бег с завязанными глазами с яйцом в ложке, карабканье по намыленному шесту.

- Все это у нас было и раньше, - невозмутимо отвечал доктор. - Что-нибудь еще?

- Еще просто бег, - подсказал Поль.

- Господи, да к нашим услугам весь парк. Как вы определяли дистанцию в предварительных забегах?

- На глаз.

- Думаю, что и сегодня придется поступить так же. Признаться, дорогой мой Пеннифезер, не ожидал я, что вы станете делать из мухи слона. Вы переутомились. Пусть себе дети бегают до чая. И учтите, - глубокомысленно прибавил он, - чем длиннее дистанция, тем больше времени уходит на то, чтобы ее пробежать. Детали продумайте сами. Главное - изысканность. К примеру, неплохо бы иметь стартовый пистолет.

- Этот не подойдет? - осведомился Филбрик, извлекая из кармана внушительных размеров маузер. - Только осторожно - он заряжен.

- То, что нам нужно! - воскликнул доктор. - Но стрелять попрошу в землю. Во избежание несчастных случаев. Вы всегда его с собой

носите?

- Только когда на мне бриллианты, - был ответ.

- Надеюсь, это случается не каждый день. Господи, а это что за чудовищные создания?

Со стороны аллеи к ним приближалось человек десять отталкивающей наружности. Все они были как на подбор низколобы, косолазы и кривоноги. Продвигались они, тесно прижавшись друг к дружке, волчьей трусцой, то и дело озираясь по сторонам, словно опасаясь засады, слюнявые рты выступали над скошенными подбородками. Каждый из них по-обезьяньи прижимал к груди загадочных очертаний предмет. Завидев доктора, отряд затормозил и попятился, задние напирали на передних, выглядывали из-за спин, щурясь и моргая.

- Психи какие-то, - хмыкнул Филбрик: - Я в таких случаях стреляю без предупреждения!

- Прямо глазам не верится, - сказал доктор. - Как их только земля носит?

После недолгого топтания и взаимоподталкивания из задних рядов вышел пожилой человек. У него была густая черная борода, а на плечах, одно из которых было выше другого, красовалось подобие друидического венка с медными ягодами-бубенчиками.

- Да это же мой приятель, начальник станции, - догадался Филбрик.

- Мы духовой оркестр господь вас всех помилуй и спаси, - выпалил одним духом начальник станции. - Оркестр никому не уступивший лишь двум другим оркестрам на фестивале Северного Уэльса, вот как.

- Так, так, - сказал доктор. - Очень рад. Прошу вас пройти вон в тот шатер.

- Маршировать не надо? - осведомился начальник станции. - Имеем желтый флаг большой чудесный шелком вышитый...

- Нет, нет, прошу вас в шатер.

Начальник станции отправился держать совет со своими молодцами. Отчетливо слышалось рычание, тьяканье и завывание, словно на восходе луны в джунглях, наконец начальник станции снова предстал перед доктором с видом почтительно-раболепным.

- Музыка три фунта?

- Да, да, три фунта, прошу в шатер.

- Нет денег - нет музыки! - отрезал начальник станции.

- А что, если я влеплю ему хорошую затрещину? - предложил Филбрик.

- Ни в коем случае. Вы не жили в Уэльсе так долго, как я... С этими словами доктор извлек бумажник, при виде которого музыканты ожили, задержались и залопотали, отсчитал три бумажки по фунту и протянул их начальнику станции.

- Держите, Девис, - сказал он. - А теперь ведите вашу команду в шатер и ни в коем случае не выходите оттуда, пока не разъедутся гости. Вам понятно?

Оркестр удалился, а Поль с доктором зашагали назад по направлению к замку.

- Валлийский национальный характер - благодатная тема для исследования, - сказал доктор. - Я давно собираюсь написать небольшую монографию, боюсь только, как бы местные жители не обиделись. Невежды считают валлийцев кельтами, что совершенно ошибочно. Это самые настоящие иберийцы, коренные жители Европы, которые сохранились в наши дни лишь в Португалии и Басконии. Кельты охотно вступали в смешанные браки и поглотили своих соседей. Валлийцы же издавна считались нечистым народом. Этим и объясняется их относительная этническая целостность. Кровосмешение у них в порядке вещей. В Уэльсе не было необходимости вводить закон, запрещающий завоевателям жениться на аборигенах. Вот в Ирландии это было обязательно, проблема смешанных браков там приобрела политический характер. В Уэльсе - исключительно моральный. Надеюсь, у вас в роду нет валлийцев?

- Нет, нет, - сказал Поль.

- Я так и думал, но осторожность, знаете ли, превыше всего. Однажды я беседовал на эту тему с шестиклассниками, а потом выяснилось, что у одного из них бабушка валлийка. Представляете, как расстроился мальчуган. Правда, она родом из Пембрукшира, а это еще куда ни шло. Порой мне кажется, - продолжал доктор, - что едва ли не все катаклизмы английской истории так или иначе объясняются тлетворным влиянием Уэльса. Судите сами - Эдуард из Карнарвона, первый принц Уэльский, - жил беспутно и помер бесславно, потом Тюдоры и раскол церкви; Ллойд-Джордж, общества трезвости,

нонконформисты и иже с ними копают могилу доброй старой Англии. Вы, конечно, можете сказать, что я преувеличиваю. Я и в самом деле не лишен этакой ораторской жилки...

- Что вы, что вы, - сказал Поль.

- Валлийцы, - продолжал доктор, - единственный народ в мире, у которого нет ни изобразительных искусств, ни архитектуры, ни литературы. Они знают одно - петь, - с отвращением произнес он, - петь и дудеть в свои так называемые духовые инструменты. Они не умеют отличить правду от лжи, и как результат - они вероломны; их не заботят последствия страстей - они распутны. Теперь разрешите обратить ваше внимание, - продолжал доктор, - на некоторые этимологические особенности валлийского диалекта.

В это время к ним подбежал совершенно запыхавшийся мальчик.

- Прошу прощения, сэр, - перебил он доктора, - но приехали лорд и леди Периметр. Мисс Флоренс принимает их в библиотеке. Она велела мне предупредить вас.

- Праздник начинается через десять минут, - отчеканил доктор. - Беги к ребятам и скажи им: пусть переоденутся и немедленно отправляются на стадион... А к валлийскому вопросу мы еще вернемся. У меня есть кое-какие соображения на этот счет. Да и у вас, милый Пеннифезер, я вижу, эта тема вызывает интерес. А теперь пойдете к Периметрам.

Периметры сидели в библиотеке, Флосси занимала гостей.

- Значит, вам понравилась расцветка? - щебетала она. - Я обожаю все яркое... Вязала платье Диана, но цвет я выбрала сама. Диане нравятся какие-то скучные тона. Даже мрачные. А вот и папочка. Леди Периметр говорит, что платье замечательное, а ты сказал, что оно вульгарное...

Дородная матрона в твидовом костюме и в веселой тирольской шляпке устремилась к доктору.

- Привет, привет! - пробасила она. - Как поживаете? Простите, что опоздали. Мой Периметр сшиб по дороге какого-то паршивца мальчишку. У вашей дочки не платье, а загляденье. Эх, жаль, годы не те, а то бы заказала себе такое же. Обожаю яркие цвета - старею, не иначе. Да и вы не молодеете, верно? - Она от души пожала руку доктору, что, по-видимому, причинило ему сильную боль.

Затем обратила внимание и на Поля.

- А это ваш новый наемный убийца, так, что ли? Надеюсь, вы держите моего мерзавца в ежовых рукавицах? Как он у вас учится?

- Неплохо, - сказал Поль.

- Так я и поверила. Он у меня дурак дураком. Иначе здесь бы не учился, его надо драть три раза в день, и то не известно, будет ли толк. Газон у вас просто дрянь, доктор. Надо его засыпать песком, а потом засеять травой, а если хотите, чтобы трава росла хорошо, срубите этот кедр. Жалко, конечно, дерево рубить, все равно что зуб вырвать, но надо выбирать. Или - или. Деревья или трава. Сколько получает ваш управляющий?

Посреди этого монолога, откуда ни возьмись, появился лорд Периметр и пожал Полю руку. У него были длинные светлые усы и водянистые глаза -чем-то он напоминал Полю мистера Прендергаста.

- Здравствуйте, - сказал лорд Периметр.

- Здравствуйте, - сказал Поль.

- Я пляжу, вы здесь увлекаетесь спортом, - сказал лорд Периметр. - Бегаете, прыгаете...

- Увлекаемся, - ответил Поль. - Детям от этого только польза.

- Вы так считаете? - задумчиво спросил лорд Периметр. - Значит, по-вашему, детям от этого только польза?

- Конечно, - отвечал Поль. - А вы иного мнения?

- Я? Нет, что вы. Совершенно с вами согласен. Только польза.

- На войне может пригодиться, - сказал Поль.

- Вы полагаете? Вы действительно так думаете? По-вашему, будет война?

- Конечно, будет. Вы со мной не согласны?

- Почему же не согласен, совершенно согласен. Снова будет этот ужасный хлеб, снова будут приходиться какие-то типы и распоряжаться маслом и молоком, снова лошадей забирать начнут... Опять все сначала. В прошлый раз моя жена собственноручно пристрелила всех наших лошадей, чтобы в армию не отдавать... Опять все сначала, и девушки в брюках на фермах... Хотел бы я знать, с кем мы теперь будем воевать.

- С Америкой, - авторитетно заявил Поль.

- Не приведи господь. На наших фермах работали военнопленные немцы, и неплохо работали, но если нам пришлют американцев, я

этого просто не потерплю. Наша дочь на днях пригласила к обеду американца, так вы представляете, он...

- Посадить и удобрить навозом, - учила леди Периметр. - Только учтите, что сажать надо глубоко. Как у вас в прошлом году цвели кальцеолярии?

- Право, не знаю, - отвечал доктор. - Флосси, как у нас в прошлом году цвели кальцеолярии?

- Неплохо, - отвечала Флосси.

- Так я и поверила. В прошлом году кальцеолярии не цвели ни у кого.

- Не пора ли нам на стадион, - предложил доктор. - Дети, вероятно, уже нас ждут.

Увлеченно беседуя, гости прошли через вестибюль и стали спускаться по ступенькам в парк.

- У вас не аллея, а самое настоящее болото, - заявила леди Периметр. - Наверное, трубу где-то прорвало. Не дай бог, канализационную.

- Спринтер из меня был никудышный, - говорил лорд Периметр. - Со старта отставал безнадежно. Но как-то в забеге на кубок Рагби пришел восемнадцатым. Ну, а в университете мы относились к спорту с прохладцей. Зато верховой ездой увлекались. А вы где обучались?

- В Сконе.

- Серьезно? А вам не приходилось встречаться там с Аластером Дигби-Вейн-Трампингтоном - это племянник жены.

- Пришлось однажды, - сказал Поль.

- Неужели? Грета, ты слышала? Мистер Пеннифут знаком с Аластером.

- Поздравляю! Аластер скоро допрыгается. На днях его мать жаловалась - оштрафовали лоботряса на двадцать фунтов. А ему хоть бы хны. Нет, был бы жив брат, он бы показал голубчику, где раки зимуют. Вот что значит - нет в семье мужчины.

- Вот именно, - проямлил лорд Периметр.

- Ну а кого еще вы знали в Оксфорде? С Фредди Галломаном не знакомы?

- Нет.

- Может быть, Тома Туралея знаете? Или, скажем, младшего Каслтона?

- К сожалению, нет. Но у меня был очень близкий друг по фамилии Поттс.

- Ах, Поттс! - фыркнула леди Периметр и больше вопросов не задавала.

На спортивной площадке к этому времени собралась вся школа и кое-кто из гостей, живших неподалеку. Граймс стоял один-одинешенек и был мрачнее тучи. Раскрасневшийся мистер Прендергаст что-то с жаром втолковывал викарию. При появлении директора школы и высоких гостей оркестр грянул "Воины Харлеха" [11].

- Ишь, завыли, - прокомментировала это событие леди Периметр.

Старший префект сделал шаг вперед и вручил ей программку с золотым тиснением и перевязанную ленточкой. Другой префект подал ей стул. Она уселась между доктором и лордом Периметром.

- Пеннифезер, - возопил доктор, сияясь перекричать оркестр. - Начинаем забеги!

Филбрик подал Полю рупор. "В павильоне откопал, - сообщил он. - Решил захватить на всякий случай".

- А это что за личность? - удивилась леди Периметр.

- Тренер по боксу и пловец-профессионал, - и глазом не моргнув, отвечал доктор. - Вы только полюбуйте на мускулатуру.

- Первый забег, - сказал Поль в рупор. - Младшая группа. Дистанция четверть мили. - И стал читать составленный Граймсом список участников.

- А Тангенс как здесь оказался? - сказала леди Периметр. - Тоже мне бегуна нашли.

Оркестр умолк.

- Трасса, - объявил Поль, - начинается у павильона, потом проходит мимо вязов...

- Буков! - громко поправила его леди Периметр.

- ... и заканчивается возле оркестра. Стартер - мистер Прендергаст, хронометрист - мистер Граймс.

- Я скомандую: "раз, два, три", а потом дам сигнал выстрелом, - сообщил мистер Прендергаст. - Внимание, раз... - Раздался страшный грохот. - Ой, подождите, я нечаянно... - Но забег начался. Без Тангенса. Он сидел на земле и горько плакал, раненный в ногу выстрелом мистера Прендергаста. Филбрик отнес на руках

рыдающего спортсмена в шатер, где Динги разула его. На пятке была царапина. Динги надела пострадавшего огромным куском пирога, и, сопровождаемый толпой сочувствующих, Тангенс захромал обратно.

- До свадьбы заживет, - сказала леди Периметр. - Но все-таки не мешало бы отобрать револьвер у этого субъекта, а то он тут такого натворит...

- Я так и знал, - сказал лорд Периметр.

- Неудачное начало, - заметил доктор.

- Я теперь умру, да? - спрашивал Тангенс с набитым ртом.

- Ради бога, присмотри за Пренди, - шепнул Полю Граймс. - Пьян вдребадан, и главное - с одной рюмки.

- Крови жажду! - резвился мистер Прендергаст.

- Старт будет дан вторично, - сказал Поль в рупор. - Стартер - мистер Филбрик, хронометрист - мистер Прендергаст.

- По местам, внимание...

Снова грохнул выстрел, но на сей раз обошлось без жертв. Шестерка бегунов зашлепала по лужам, мальчики скрылись за буками, потом - уже совсем медленно - потрусили обратно. Капитан Граймс и мистер Прендергаст натянули финишную ленточку.

- Давай, жми! - завопил полковник Сайдботтом. - Превосходный забег, молодцы!

- Забег отличный, - согласился мистер Прендергаст и, бросив вдруг свой конец ленты, вприпрыжку устремился к полковнику. - Я вижу, сэр, вы разбираетесь в легкой атлетике. Как и я в свое время. Как и капитан Граймс. Отличный парень этот Граймс; грубиян, это верно, но, повторяю, сплошь и рядом отличные парни. Я бы даже взял на себя смелость утверждать, что все отличные парни - грубияны. Разве я не прав? Пеннифезер, прекратите меня дергать! У нас с полковником Сайдботтомом чрезвычайно интересная беседа о грубиянах.

Снова грянул духовой оркестр, и мистер Прендергаст пустился в пляс, приговаривая: "Грубияны молодцы!" - и прищелкивая пальцами.

Поль подхватил его и повел в шатер.

- Помогите Динги по хозяйству, - сказал он сурово, - и, бога ради, побудьте там, пока вам не станет лучше.

- Мне никогда не будет лучше, чем сейчас, - вознегодовал мистер Прендергаст и снова завел: "Грубияны молодцы!"

- Мое дело - сторона, - говорил между тем полковник Сайдботтом, -но сдается мне, что этот тип здорово надрался.

- Он рассказывал мне с невероятным воодушевлением, как отапливается какой-то собор в Уртинге, - сказал викарий, - а также об апостольских притязаниях абиссинской церкви. Честно говоря, я ничего не понял. Боюсь, что у бедняги не все дома. Я уже неоднократно убеждался, что повышенный интерес к религии у мирян - первый признак начинающегося умственного расстройства.

- Пьян в стельку, и все тут, - изрек полковник. - Но интересно, где это он раздобыл спиртное? Хорошо бы сейчас пропустить по стаканчику!

- Забег на четверть мили, - сказал Поль в рупор.

В этот момент прибыли Клаттербаки: упитанные папаша с мамашей, двое младших детей с гувернанткой и великовозрастный сын. Из автомобиля выгружались, с видимым наслаждением разминая затекшие руки и ноги.

- Это Сэм, рекомендую, - говорил мистер Клаттербак. - Он у нас только что из Кембриджа. Но решил тоже стать пивоваром. Заодно уж захватили и наших малышей, вы не возражаете, док? А вот, наконец, и моя благоверная...

Доктор Фейган поприветствовал новоприбывших радушно, но вместе с тем чуть снисходительно и рассадил их по местам.

- Боюсь, что соревнования по прыжкам вы уже пропустили, - сказал он. - Но вот результаты. Как видите, ваш Перси отличился.

- Подумать только. Не ожидал я, что наш озорник на такое способен. Ты только посмотри, Марта, Перси-то, оказывается, выиграл прыжки в длину, прыжки в высоту и бег с барьерами. А как поживает ваше юное дарование, леди Периметр?

- У моего сына повреждена нога, - ледяным тоном отвечала леди Периметр.

- Какой кошмар. Надеюсь, это не опасно. Наверное, он неудачно прыгнул и подвернул ногу?

- Нет, - сказала леди Периметр. - Его ранил преподаватель. Но все равно я вам признательна за заботу.

- Дистанция три мили, - возвестил Поль. - Трасса та же, но бежать шесть кругов.

- По местам, приготовились... - Снова грохнул Филбриков револьвер, снова затрусила к букам стайка бегунов.

- Папа, - сказала Флосси, - не пора ли нам устроить перерыв?

- Никаких перерывов, пока не приедет миссис Бест-Четвинд, - сказал доктор.

Бегуны все кружили и кружили по грязной дорожке, а духовой оркестр играл не переставая одно и то же.

- Последний круг, - сообщил Поль.

Школьники и гости столпились возле финиша, чтобы приветствовать победителя. Под аплодисменты бег с заметным преимуществом выиграл Клаттербак.

- Отменный забег, - рявкнул полковник Сайдботтом. - Молодцы.

- Так их. Перси, знай наших, - крикнул мистер Клаттербак.

- У-ра, Пер-си! - по наущению гувернантки, проскандировали младшие Клаттербаки.

- Мальчишка сжульничал, - сказала леди Периметр. - Он пробежал только пять кругов. Я посчитала.

- Стоит ли омрачать празднество? - кротко заметил викарий.

- Да как вы смеете! - вскипела миссис Клаттербак. - Я обращаюсь к арбитру. Клаттербак пробежал всю дистанцию или нет?

- Первое место занял Клаттербак, - объявил капитан Граймс.

- Ничего подобного, - не унималась леди Периметр. - Мальчишка нарочно приотстал, а там, за деревьями, присоединился к остальным. Дрянь этакая!

- Грета, - сказал лорд Периметр. - Мне кажется, надо согласиться с решением арбитра.

- Пусть тогда арбитр и выдает призы. Ни за что не стану награждать этого мальчишку.

- Отдаете ли вы себе отчет, сударыня, что предъявленные вами обвинения ставят под сомнение порядочность моего сына? - осведомился мистер Клаттербак.

- Обвинения, порядочность... Выпороть его надо хорошенько, вот и весь разговор.

- Напрасно вы судите о чужих детях, леди Периметр, по вашим собственным. Скажу вам прямо...

- А вы, сэр, напрасно стараетесь меня запугать. Обман есть обман.

В этот момент доктор Фейган оставил миссис Хоуп-Браун, с которой он обсуждал успехи ее сына в геометрии, и присоединился к спорщикам.

- Если имеются разногласия, - мягко заметил он, - то забег можно повторить.

- Зачем же его повторять, если Перси и так выиграл? - обиделся мистер Клаттербак. - Он официально признан победителем.

- Отлично, отлично. В таком случае поздравляю тебя, Клаттербак. Продолжай и впредь в таком духе.

- Но он пробежал только пять кругов, - вставила леди Периметр.

- Следовательно, он одержал победу в забеге на две с половиной мили, это весьма почетная дистанция.

- Но другие, - сказала возмущенная леди Периметр, - пробежали шесть кругов.

- В таком случае, - невозмутимо парировал доктор, - они заняли соответственно первые пять мест в забеге на три мили. Так что инцидент исчерпан. Не пора ли нам пить чай, Диана?

Ситуация оставалась напряженной, но, к счастью, не успел доктор договорить, как огромный серебристо-серый лимузин бесшумно подрулил к стадиону.

- Какая удача! Вот и миссис Бест-Четвинд.

В три прыжка доктор подскочил к автомобилю, но его опередил ливрейный лакей. Он отворил дверцу, и из машины вышел высокий молодой человек в сером костюме в обтяжку. За ним, словно первое дуновение парижской весны, выпорхнула миссис Бест-Четвинд: туфли крокодиловой кожи, шелковые чулки, шиншилловый палантин, маленькая черная шляпка с пряжкой из платины, усыпанной бриллиантами, и высокий голос, который нередко можно слышать в отелях "Ритц" от Нью-Йорка до Будапешта.

- Решила захватить с собой Чоки, вы не против, доктор? - осведомилась она. - Чоки обожает спорт.

- Еще как! - подтвердил Чоки.

- Драгоценнейшая миссис Бест-Четвинд... - начал было доктор. Он пожал ручку в перчатке и на мгновение осекся, не находя слов, приличествующих моменту, ибо тот, кого миссис Бест-Четвинд представила как Чоки, -прекрасно сложенный и одетый с иголки - был негром.

Глава 9

СПОРТИВНЫЙ ПРАЗДНИК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В шатре, где происходило чаепитие, все радовало глаз. Длинный стол в центре был покрыт белоснежной скатертью. Через равные промежутки на нем стояли вазы с цветами, а между ними разместились тарелки с пирожными и бутербродами, кувшины с крошоном и лимонад. Чуть дальше, возле пальм в кадках, четыре служанки-валлийки в чистеньких фартучках и наколках разливали чай. Еще дальше, за ними, сидел мистер Прендергаст с бокалом крошоно в руке и в парике набекрень. При появлении гостей он судорожно приподнялся, отвесил неловкий поклон и рухнул на стул.

- Мистер Пеннифезер, - окликнула Поля Динги. - Передайте, пожалуйста, гостям бутерброды с foie gras. Но детям и капитану Граймсу не давайте.

- А мне, бедненькой, бутербродик? - капризно протянула Флосси, когда Поль проходил мимо нее.

Филбрик, который, судя по всему, тоже считал себя гостем, увлеченно обсуждал собачьи бега с Сэмом Клаттербаком.

- Почему сегодня негры? - спросил он Поля, получая от него бутерброд.

- Прямо-таки душа поет, когда видишь, как весело нашему Пренди, - сказал Граймс. - Напрасно он только мальчишку подстрелил.

- По его виду я бы никак не сказал, что ему весело, - возразил Поль. - Вообще, сегодня у нас все идет шиворот-навыворот.

- А ты не отлынивай, дружище, работай. Как бы не было беды.

Граймс знал, что говорил. Появление миссис Бест-Четвинд хоть и положило конец дебатам по поводу забега, но ситуация оставалась напряженной: углы обиды продолжали тлеть. Общество расколосось на два враждебных лагеря. В одном углу сосредоточились викарий, Периметры, Тангенс, полковник Сайдботтом и Хоуп-Брауны, в другом углу - семеро Клаттербаков, Филбрик, Флосси и кое-кто из родителей, которым уже успело нагореть от леди Периметр. О забеге разговоров не заводили, но в глазах у противников полыхала готовность

отплатить за поруганную спортивную честь и втопанную в грязь справедливость. Прочие гости, делая вид, что ничего не произошло, усиленно угощались чаем в обществе Динги. Только миссис Бест-Четвинд и ее спутник совершенно не подозревали о разгоревшихся страстях. В сложившихся обстоятельствах их мнение могло оказаться решающим: с негром или без него, миссис Бест-Четвинд оставалась непререкаемым авторитетом.

- Какая жалость, доктор Фейган, что мы опоздали на забеги, - говорила она. - Но мы ужасно медленно ехали. Здесь столько церквей, а Чоки не может проехать спокойно мимо старинного собора. Мы все время останавливались. Он просто без ума от старины, верно, радость моя?

- Вот именно! - сказал Чоки.

- Как вы относитесь к музыке? - осведомился доктор.

- Ты слышишь, малышка? - сказал Чоки. - Он меня спрашивает, как я отношусь к музыке! Очень даже неплохо - вот как.

- Он играет просто божественно, - сообщила миссис Бест-Четвинд.

- Как ты думаешь, он слушал мои новые пластинки?

- Наверное, нет, мой золотой.

- Так пусть он их послушает, и тогда ему сразу станет ясно, как я отношусь к музыке.

- Не надо так расстраиваться, моя радость. Пойдем, я познакомлю тебя с леди Периметр. У этого ангела комплекс неполноценности, - пояснила миссис Бест-Четвинд. - Обожает общаться с аристократами, верно, солнышко?

- Вот именно, - сказал Чоки.

- Что за напость - приехать сюда с негром, - сказала миссис Клаттербак. - Она нас всех оскорбила.

- Лично я против негров ничего не имею, - отозвался Филбрик, - а вот китайцев не выношу, что правда, то правда. Дружка у меня ухлопали - ножом по горлу, - и привет!

- Боже праведный! - ахнула Клаттербакова гувернантка. - Это, наверное, случилось во время Боксерского восстания?

- Да нет, - ухмыльнулся Филбрик. - Субботним вечером на Эджвер-роуд. Обычное дело!

- О чем это дядя рассказывает? - затеребили гувернантку младшие Клаттербаки.

- Так, ничего особенного. А ну-ка, мои хорошие, кто хочет еще пирожное?

Малыши не заставили себя долго упрашивать и убежали, но впоследствии выяснилось, что перед отходом ко сну, когда девочка, стоя на коленках, читала молитву, братик прошептал ей на ухо: "Ножом по горлу и привет!" -так что еще долгое время мисс Клаттербак вздрагивала при виде автобуса с табличкой "Эджвер-роуд".

- У меня есть приятель в Саванне^[12], - взял слово Сэм Клаттербак, - так я от него такого понаслушался о неграх... Не при дамах будь сказано, они совершенно не умеют себя сдерживать... Понимаете, что я хочу сказать?

- Страсти-то какие! - ужаснулся капитан Граймс.

- А я про что! Главное, даже и винить-то их за это нельзя. Так уж они устроены. Животные инстинкты, одним словом. Я лично так считаю - подальше от них надо!

- Это точно! - согласился Клаттербак-папа.

- Только что у меня состоялся презагадочный разговор с дирижером вашего оркестра, - пожаловался Полю лорд Периметр. - Он спросил меня, не хотел бы я познакомиться с его свояченицей; я сказал, что ничего не имею против, на что он сообщил, что обычно берет за это фунт, но для меня готов сделать скидку. Как вы полагаете, милейший Пеннифут, что он все-таки имел в виду?

- Не нравится мне этот негритос, и все тут, - говорил викарию полковник Сайдботтом. - Я их знаю как облупленных еще по Судану. Отличные, доложу я вам, враги и отвратительные союзники. Пойду-ка потолкую в миссис Клаттербак. Откровенно говоря, леди П.хватила через край. Я, правда, забега не видел, но всему, согласитесь, есть свои границы...

- Репа дождя не любит, - говорила леди Периметр.

- Не любит, не любит, - поддакивала миссис Бест-Четвинд. - А в Англию вы надолго?

- Мы все время живем в Англии, - отвечала леди Периметр.

- Не может быть! Это просто прелестно... Но ведь здесь такая дороговизна, вы не находите?

На эту тему леди Периметр могла говорить часами, но присутствие миссис Бест-Четвинд вдохновляло ее явно меньше, нежели общество полковницы Сайдботтом или супруги викария. С людьми побогаче леди Периметр чувствовала себя неудобно.

- Послевоенные трудности, - кратко ответствовала она. - А как поживает Бобби Пастмастер?

- Совсем спятил, - сообщила миссис Бест-Четвинд. - К тому же они с Чоки что-то не очень поладили. Вам Чоки понравится. Он просто влюблен во все английское. Мы уже осмотрели все соборы, а теперь начинаем знакомиться с загородными особняками. Кстати, собираемся заглянуть и к вам в Тангенс.

- Милости просим. Теперь мы, правда, все больше в Лондоне... А какие соборы, мистер Чоки, произвели на вас наибольшее впечатление?

- Видите ли, - внесла поправку миссис Бест-Четвинд. - Это я называю его Чоки. А вообще эту прелесть зовут мистер Себастьян Чолмондлей.

- Все произвели впечатление, - ответил мистер Чолмондлей. - Все до одного. Когда я гляжу на собор, у меня внутри все поет. Обожаю культуру. Вы-то думаете - раз ты негр, то тебе на все, кроме джаза, наплевать. Да весь джаз в мире ничто перед одним камнем старинного собора!

- Это он серьезно, - вставила миссис Бест-Четвинд.

- Вы так интересно рассказываете, мистер Чолмондлей... В детстве я жила недалеко от собора в Солсбери, но таких сильных чувств, признаться, не испытывала, хотя джаз я и вовсе не переношу.

- Собор в Солсбери представляет, леди Периметр, несомненную историческую ценность, но, на мой взгляд, в архитектурном отношении собор в Йорке утонченнее.

- Ах ты мой архитектор! - воскликнула миссис Бест-Четвинд. - Так бы тебя и съела.

- Вы, наверное, впервые в английской школе? - осведомился доктор.

- Ну да, впервые! Расскажи-ка, пупсик, где мы с тобой побывали.

- Мы осмотрели все школы, даже самые новые. И знаете, новые ему понравились больше.

- Они просторнее. В Оксфорде бывали?

- Я там учился, - кротко заметил доктор.

- Серьезно? А я и в Оксфорде был, и в Кембридже, и в Итоне, и в Харроу. Вот это да! Люблю, чтоб все было культурно. Кое-кто из наших приезжает сюда и дальше ночных клубов ни ногой. А я Шекспира читал, -сказал Чоки. - Читал "Макбета", "Гамлета", "Короли Лира". А вы?

- И я читал, - сказал доктор.

- Мы ведь все такие артистичные, - продолжал гость. - Как дети, любим петь, любим яркие краски, у нас у всех врожденный вкус. А вы презираете несчастного черного человека.

- Да нет, отчего же, - запротестовал доктор.

- Дайте ему договорить до конца, - попросила миссис Бест-Четвинд. -Согласитесь, что он - просто чудо!

- По-вашему, у несчастного черного человека нет души. Плевать вы хотели на несчастного черного человека. Бейте его, опутайте цепями, морите голодом и непосильным трудом... - Поль обратил внимание, что при этих словах глаза леди Периметр загорелись хищным огнем. - Но черный человек и тогда останется таким же человеком, как и вы. Разве он не дышит тем же воздухом? Разве он не ест и не пьет? Разве он не ценит Шекспира, старинные церкви, картины великих мастеров, как и вы? Он так нуждается в вашем сострадании. Протяните же ему руку помощи ? и вызволите из пучины рабства, куда ввергли его ваши предки. О, белые люди, почему вы отказываетесь протянуть руку помощи несчастному черному человеку, вашему брату?

- Радость моя, - сказала миссис Бест-Четвинд. - Не надо так волноваться. Здесь все друзья.

- Это правда? - спросил Чоки. - Тогда я им, пожалуй, спою.

- Не стоит, милый. Лучше выпей чаю.

- В Париже у меня была знакомая, - рассказывала гувернантка Клаттербаков, - так ее сестра знала девушку, которая во время войны вышла замуж за солдата-негра. Вы даже не можете представить, что он себе позволял. Джоан, Питер, бегите к папе, спросите, не хочет ли он еще чая... Он связывал ее по рукам и ногам и оставлял на всю ночь на каменном полу. Целый год она не могла развода добиться.

- ... подрезали крепления у палаток и закалывали наших бедняг прямо через парусину, - вспоминал полковник Сайдботтом.

- По вечерам их на Шафтсбери-авеню или Черинг-Кросс хоть пруд пруди, - рассказывал Сэм Клаттербак. - Женщины к ним так и липнут.

- Напрасно их вообще освобождали, - вставил викарий. - В прежние времена им жилось куда лучше, уверяю вас...

- Ума не приложу, - говорила Флосси, - почему миссис Бест-Четвинд так уныло одевается. При ее-то деньгах.

- Колечко на ней фунтов пятьсот стоит, не меньше, - заметил Филбрик.

- Не хочешь поговорить с викарием о Боге? - обратилась миссис Бест-Четвинд к своему спутнику. - Чоки без ума от религии, - пояснила она.

- Мы - народ набожный, - пояснил Чоки.

- Оркестр уже битый час играет "Воины Харлеха", - сказал доктор Фейган. - Диана, походи попроси их сыграть что-нибудь другое.

- Знаете, дорогая, иной раз я ловлю себя на мысли, что негры быстро надоедают, - сказала миссис Бест-Четвинд леди Периметр. - Вы со мной не согласны?

- У меня, к сожалению, недостаточный опыт в этой области.

- Уверяю вас, они бы вам понравились. Но иногда с ними ужасно тяжело. Они такие серьезные... А кто этот очаровательный пьяница?

- Этот человек стрелял в моего сына.

- Какой кошмар! Не убил? Мы с Чоки на днях были в гостях, так он, представляете, подстрелил одного типа. Развеселился! Порой с ним просто сладу нет. Это сегодня он паинька и помнит про социальные различия. Надо идти вызволять викария.

В шатер, бочком, как краб, проник почтительно-раболепный начальник станции.

- Чем порадуете, любезнейший? - приветствовал его доктор.

- Дама дымит при сигарете можно "Воины Харлеха" больше ничего, вот как.

- Ничего не понимаю!

- "Воины Харлеха" годится очень другая музыка священная никак не можем богохульство сделать при сигарете с дамой, вот как!

- Этого еще недоставало. Не могу же я запретить курить миссис Бест-Четвинд. Должен вам сказать, что ваше поведение просто возмутительно.

- Грех богохульствовать бесплатно спаси Создатель фунт добавить, вот как.

Доктор Фейган протянул начальнику станции еще один фунт. Тот удалился, и вскоре оркестр грянул на редкость трогательный вариант гимна "Льетса свет в твоих чертогах ярче солнца и луны".

Глава 10

POST MORTEM^[13]

Когда последняя машина с гостями скрылась из виду, доктор с дочерьми и Поль с Граймсом зашагали по аллее к замку.

- Откровенно говоря, сегодняшний праздник принес сплошные разочарования, - сказал доктор. - Все пошло насмарку, несмотря на наши старания.

- И расходы, - добавила Динги.

- Весьма огорчил меня и неуместный спор мистера Прендергаста с чернокожим спутником миссис Бест-Четвинд. Я десять лет работаю с мистером Прендергастом, но таким агрессивным вижу его впервые. Не к лицу ему это. И уж совсем напрасно вмешался Филбрик. Я, признаться, даже испугался. Все трое страшно рассердились, а все из-за какого-то небольшого разногласия в оценке церковной архитектуры.

- Мистер Чолмондлей такой ранимый, - заметила Флосси.

- Даже чересчур. Он, кажется, решил, что, коль скоро мистер Прендергаст приветствует введение перегородок, отделяющих клирос от нефа, то он расист. Почему вдруг? Не вижу в этом никакой логики. Конечно, мистеру Прендергасту следовало бы поскорее перевести разговор на другую тему, а уж какое отношение имеет Филбрик к церковной архитектуре, совсем непонятно.

- Филбрик не простой дворецкий, - заметила Динги.

- Вот именно, - сказал доктор. - Дворецкий в бриллиантах! Подумать только.

- Мне не понравилась речь леди Периметр, - сказала Флосси. - А вам?

- Мне тоже, - сказал доктор, - а уж миссис Клаттербак и подавно. Все эти разговоры насчет забега. Хорошо, что юный Клаттербак показал такие отменные результаты на предварительных соревнованиях.

- И еще она все время про какую-то охоту говорила, - вставила Динги. - При чем тут охота?

- Леди Периметр не слишком-то разбирается в спорте, - сказал доктор. - Я и раньше обращал внимание, что женщины ее круга

склонны видеть в легкой атлетике сильно ухудшенный вариант лисьей охоты. Что совершенно не соответствует действительности. Не могу взять в толк, почему она так остро восприняла слова мистера Чолмондlea насчет жестокого обращения с животными. Поистине неуместная обида! Не одобряю и ее реплики насчет либеральной партии. Ведь она же знала, что мистер Клаттербак трижды баллотировался от либералов. Одним словом, разговор получился на редкость неприятным. Когда она уехала, я, признаться, вздохнул с облегчением.

- Какое миленькое авто у миссис Бест-Четвинд, - сказала Флосси, - но зачем она хвастается ливрейным лакеем?

- Лакей еще что, - сказала Динги. - А вот ее спутник... Представляете - он спросил меня, слышала ли я о Томасе Гарди.

- А меня пригласил поехать с ним в Рейгейт^[14] на воскресенье, - сообщила Флосси. - Он такой галантный...

- Флоренс, надеюсь, ты отказала?!

- Да, - вздохнула Флосси, - отказала.

Некоторое время шагали молча, потом заговорила Динги:

- А что прикажешь делать с фейерверком? Из-за тебя ведь купили.

- Сейчас мне не до фейерверка, - сказал доктор. - Отложим до лучших времен.

Вернувшись в учительскую, Поль с Граймсом молча уселись в кресла. Оставленный без присмотра, камин еле теплился.

- Итак, старина, - сказал Граймс, - стало быть, конец?

- Конец, - сказал Поль.

- Растаяла веселая толпа?..

- Растаяла.

- И снова тишь да гладь да божья благодать?

- Именно.

- Воспитание леди Периметр оставляет желать лучшего, согласен?

- Согласен.

- А Пренди-то как осрамился, а? .

- Угу.

- Эге, дружище, да ты что-то совсем раскис. Праздничное похмелье? Устал от светской суеты?

- Послушай, - не выдержал Поль. - А какие, по-твоему, отношения у миссис Бест-Четвинд с этим самым Чолмондлеем?

- Вряд ли она печется исключительно о расширении его кругозора.

- Мне тоже так показалось...

- Похоже, все упирается в добрую старую постель.

- Может быть.

- Не может быть, а так оно и есть. Господи, это что еще за грохот? Вошел мистер Прендергаст.

- Пренди, старина, - сказал Граймс. - Ты изрядно подмочил репутацию педагогов нашего заведения.

- К чертовой бабушке педагогов. Что они смыслят в перегородках у клироса?

- Ты только не волнуйся. Здесь все свои. Поставим такие перегородки, какие скажешь.

- Дай им волю, так они и младенцев крестить перестанут. Нет-с, церковь была и будет непоколебимой в вопросах нравственных и духовных. Конечно, зайдя речь о проблеме еды и питья, - запинаясь продолжал мистер Прендергаст, - еды и питья, а не крещения младенцев... питья.

И он плюхнулся на стул.

- Печальный случай, - изрек Граймс. - Очень даже печальный. Пойми же, Пренди, ты сегодня дежуришь, а через две минуты звонок.

- Тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом!

- Пренди, это ребячество.

- Есть песенки про колокола и про колокольчики - дверные, лесные и пастушьи, про то, как на свадьбе звонят, и на похоронах, и при выносе святых даров.

Поль с Граймсом невесело переглянулись.

- Боюсь, что кому-то из нас придется отдежурить вместо него.

- Еще чего, - сказал Граймс. - Мы ведь с тобой собрались к миссис Роберте. От одного вида Пренди у меня в плотке пересохло.

- Нельзя же его так бросить.

- Ничего с ним не случится. Больше обычного наши паршивцы хулиганить не будут.

- А вдруг старик застучает его в таком виде?

- Не застучает.

Зазвенел звонок. Мистер Прендергаст вскочил, поправил парик и, опершись о камин, застыл в торжественной позе.

- Молодчина! - сказал Граймс. - А теперь ступай к нашим детишкам и немножко вздремни.

Напевая что-то себе под нос, мистер Прендергаст двинулся в путь.

- Так-то оно лучше будет, - сказал Граймс. - Временами, знаешь ли, я люблю его, как сына. А ловко он врезал этому мавру насчет церквушек, да?

Рука об руку шагали друзья по аллее.

- Миссис Бест-Четвинд приглашала меня навестить ее, когда я буду в Лондоне, - сказал Поль.

- Серьезно? В таком случае желаю удачи. Высший свет и блестящее общество не моя стихия, но если ты до этого охотник, миссис Бест-Четвинд -то, что надо. Какую газету ни откроешь - обязательно на ее фотографию наткнешься.

- Ну и как она получается? - полюбопытствовал Поль. Граймс с интересом на него уставился:

- Обыкновенно получается, а что ты, собственно...

- Нет, нет, я просто так спросил. Духовой оркестр Лланабы в полном составе расположился в пивной миссис Роберте: перебраниваясь, музыканты делили добычу.

- Вот и трудись "Воины Харлеха" потом священные нечестно давать мне сколько всем кормить свояченицу надо скажите джентльмены, вот как, - обратился к ним начальник станции.

- Не поднимай волну, старина, - шепнул Граймс, - а то возьму да и расскажу твоим ребятам про фунт, что ты содрал с доктора.

Дебаты продолжались по-валлийски, но было видно, что начальник станции умерил свой пыл.

- Ловко я его, а? - обратился Граймс к Полю. - Ты уж мне поверь - в валлийские тяжбы лучше не вмешиваться. Ирландцы набьют друг другу морды - и дело с концом, а эти будут нудить одно и то же до скончания века. Они еще год будут делить эти несчастные три фунта, помяни мое слово.

- А мистер Бест-Четвинд давно умер? - спросил вдруг Поль.

- По-моему, недавно, а что?

- Ничего, я просто так. Некоторое время они молча курили.

- Если Бест-Четвинду пятнадцать, - снова заговорил Поль, - то ей может быть всего тридцать один, так?

- Влюбился! - изрек Граймс.

- Ничуть.

- По уши!

- Глупости.

- Нежно, но страстна, а?

- Перестань.

- Сражен стрелой Купидона-проказника.

- Вздор.

- Весенние надежды, юные мечты?

- Нет.

- А учащение пульса?

- Нет же.

- А сладкое томленье взволнованной души, хе-хе?

- Ерунда.

- Любит не любит, так?

- Да ну тебя!

- Frisson? Je ne sais quoi?^[15]

- Ничего подобного.

- Лжец! - подвел итог Граймс.

Снова помолчали, потом Поль выдавил из себя:

- А знаешь, ты, кажется, прав.

- То-то же, старина. Скорее в бой и возвратись с победой. За вас и ваше счастье. Твое здоровье.

Поль, поддерживаемый заботливым Граймсом, возвращался домой новым человеком. Вечерние занятия давно окончились. У камина в учительской стоял Прендергаст и довольно ухмылялся.

- Привет старому винному бурдюку! Как дела, Пренди?

- Превосходно! - отвечал мистер Прендергаст. - Лучше не бывает. Я выпорол двадцать три ученика.

Глава 11

ФИЛБРИК (продолжение)

На другой день воинственность мистера Прендергаста бесследно улетучилась.

- Голова болит? - спросил Граймс.

- Признаться, побаливает.

- В глазах резь? Пить хочется?

- Немножко.

- Бедняга! Как мне все это знакомо. Зато хоть погулял на славу, скажешь - нет?

- Вчерашнее я помню весьма смутно, но в замок я возвращался с Филбриком, и он мне все про себя рассказал. Оказывается, он очень богат и никакой не дворецкий.

- Знаю, - сказали в один голос Поль с Граймсом.

- Как, вы оба знаете? Лично для меня это было полнейшей неожиданностью, хотя и раньше, признаться, я замечал в нем некоторую надменность. Но мне все кажутся надменными. Значит, он вам все-все рассказал? И как португальского графа застрелил, да?

- Нет, этого он мне не рассказывал, - сказал Поль.

- Португальского графа, говоришь, застрелил? А ты, часом, не ослышался, дружище?

- Нет, нет. Я был страшно удивлен. Наш дворецкий на самом деле - сэр Соломон Филбрик, судовладелец.

- Писатель, ты хочешь сказать, - возразил Граймс.

- Бывший взломщик, - сказал Поль. Коллеги переглянулись.

- Похоже, братцы, нас водят за нос, - подытожил Граймс.

- Вот что я услышал, - продолжал мистер Прендергаст. - Все началось с нашего спора с этим чернокожим юношей о церковной архитектуре. Тогда-то и выяснилось, что у Филбрика есть особняк и живет он на Карлтон-Хаус-Террас.

- Да нет же, в Кембервелл-Грине.

- А не в Чейни-Уоке?

- Я рассказываю с его собственных слов. Особняк у него, повторяю, на Карлтон-Хаус-Террас. Адрес я хорошо запомнил, потому

что сестра миссис Крамп одно время служила гувернанткой в доме по соседству. Филбрик поселился там с актрисой, которая, как это ни огорчительно, не была его женой. Как ее звали, я забыл, помню только, что имя очень известное. Однажды в клубе "Атенеум" к Филбрику подошел архиепископ Кентерберийский и сказал, что правительство обеспокоено его беспутной жизнью, но что если он пересмотрит свое поведение, то его сделают пэром. Филбрик отказался. Он, между прочим, католического вероисповедания, забыл вам сказать. Это, правда, ни в коей мере не объясняет, почему он у нас обосновался, несомненно лишь одно - он человек известный и влиятельный. Он рассказывал, что его корабли плавают по всему свету.

Как-то раз они с актрисой устроили званый ужин. Потом сели играть в баккара. Среди гостей был некий португальский граф, весьма подозрительная, по словам Филбрика, личность из дипломатической миссии. Вскоре игра превратилась в состязание между ними двоими. Филбрику страшно везло, и граф сначала проиграл все наличные, а затем стал писать долговые расписки и написал их великое множество.

Наконец где-то под утро граф сорвал с пальца графини - она сидела рядом и как замороженная следила за игрой - кольцо с громадным изумрудом. С голубиное яйцо, как сказал мне Филбрик.

"Это наша семейная реликвия со времен первого крестового похода, - сказал португальский граф. - Я так надеялся оставить ее моему несчастному маленькому сыну". - И с этими словами он бросил изумруд на стол.

"Ставлю новый четырехтрубный лайнер "Королева Аркадии"", - сказал Филбрик.

"Мало", - сказала графиня.

"...паровую яхту "Ласточка", четыре буксира и угольную баржу", - отчеканил Филбрик. Все встали и как один зааплодировали его великодушному жесту. Сдали карты. Выиграл Филбрик. Учтиво поклонившись, он вручил изумруд португальской графине.

"Вашему сыну", - сказал он. Опять все зааплодировали, но португальский граф был вне себя от ярости. "Вы растоптали мою честь, - заявил он. - Но мы, португальцы, знаем, как смывать подобные оскорбления".

Не теряя времени даром, они отправились в Хайд-парк, благо он был в двух шагах. Светало. Противники сошлись, грянули выстрелы. У подножия статуи Ахилла Филбик смертельно ранил португальского графа. Его так и оставили лежать с дымящимся пистолетом в руке.

Садясь в автомобиль, португальская графиня поцеловала Филбрику руку. "Никто ничего не узнает, - сказала она. - Пусть думают, что это самоубийство. Только мы с вами будем знать правду". Но Филбрика словно подменили. Он прогнал актрису и долгими ночами блуждал в глубокой печали по опустевшему дому, удрученный содеянным. Португальская графиня позвонила ему, но он сказал ей, что она не туда попала. Наконец, он решил исповедаться. Ему было сказано оставить дом и состояние и в течение трех лет жить среди обездоленных. Вот он и приехал к нам, - эпически закончил мистер Прендергаст. - Разве вам он рассказывал что-то другое?

- О да! - сказал Поль.

- Абсолютно ничего общего, - сказал Граймс. - Разговорились мы одним вечером у миссис Робертс. Вот что я услышал. Филбриков папаша был человек со странностями. Разбогател он еще в молодости, на алмазных приисках, а потом осел в провинции и решил на старости лет подзаняться изящной словесностью. У него было двое детей: Филбрик и дочка Грейси. В Филбрике старик души не чаял, а на Грейси смотрел как на пустое место. Грейси только-только читала по складам "Кошка села на окошко", а Филбрик уже шпарил наизусть всего Шекспира - "Гамлета" и все такое прочее. Когда Филбрику исполнилось восемь лет, в местной газете опубликовали сонет его сочинения. После этого для Грейси настали и вовсе черные дни, жила она на кухне, словно Золушка, а смысленый чертенок Филбрик как сыр в масле катался, сыпал цитатами, заливался соловьем. Потом Филбрик окончил Кембридж и в Лондоне обосновался, стал книги писать. Старик, сами понимаете, в полном восторге, Филбриковы творения в синий сафьян переплетает и в особый шкаф ставит, а на шкафу - бюст Филбрика. Бедняжке Грейси стало совсем невмоготу, вот она взяла и удрала с каким-то молодым человеком - он автомобилями торговал. В книгах он не смыслил ни черта, да и в автомобилях, как вскоре выяснилось, тоже. Помирая, старик все завещал Филбрику, а Грейси досталось несколько книжек и больше ничего. Автомобилист женился в надежде, что от тестя что-нибудь да перепадет, но когда

оказалось, что надеяться не на что, он живо смотал удочки. Филбрик и бровью не повел. По его словам, он жил тогда ради искусства. Он только нанял квартиру попросторнее и снова давай книжки писать. Не раз приходила к нему Грейси, просила ей помочь, но Филбрику было не до сестры - он писал. Делать нечего, нанялась Грейси кухаркой в один дом в Саутгейте, а через год померла. Поначалу Филбрик особо не огорчался, померла и померла, но недели через две начали твориться странности. В спальне, в кабинете, по всему дому запахло кухней. Филбрик позвал архитектора. Тот никакого запаха не учуял, но по требованию Филбрика перестроил кухню и понаставил уйму вентиляторов. Вонь только усилилась. Даже одежда насквозь пропахла горелым жиром, так что бедняга Филбрик нос на улицу высунуть боялся. Наладился он было за границу - но и Париж провонял английской кухней. А тут еще стал ему мерещиться стук тарелок - гремят по ночам, заснуть не дают, а днем в кабинете донимают, где уж тут книги сочинять. Сколько раз он просыпался ночью и слышал, как рыба на сковородке жарится, трещит и чайники свистят. Тогда его и осенило - Грейси! Это она не дает ему покоя. Не долго думая, отправился он в Общество Потусторонних Связей и попросил, чтобы ему устроили с ней разговор. Филбрик спросил, как искупить вину, а Грейси ему ответила, что он должен год прожить среди прислуги и написать книгу, чтобы все почувствовали, как ей несладко живется. Филбрик взялся за дело. Сперва он нанялся поваром, но это было не по его части: семья, на которую он готовил, отравилась, и ему пришлось уволиться. Вот он и приехал к нам. Филбрик говорит, что эту книгу нельзя читать без слез, и все обещал мне ее как-нибудь показать. Ну как, похоже на то, что он наплел Прейди?

- Не очень. А насчет женитьбы на Динги он ничего не говорил?

- И словом не обмолвился. Сказал только, что когда запах исчезнет, он будет самым счастливым человеком на свете. Невеста у него, правда, какая-то есть - поэтесса из Челси, кажется. Не пожелал бы я иметь такого шурина. Правда, и моя Флосси не подарок, что верно, то верно. Да уж чего тут говорить, старая песня...

Поль, со своей стороны, поведал друзьям о "Барашке и флаге", а также о Тоби Кратвелле.

- Хотелось бы только знать, - сказал он в заключение, - кто из нас услышал правду.

- Никто, - уверил его мистер Прендергаст.

Глава 12

АГОНИЯ КАПИТАНА ГРАЙМСА

Через два дня Поль и Бест-Четвинд встретились за органом в местной церкви.

- По-моему, я сейчас сыграл неважно?

- Ты прав.

- Можно, я чуточку передохну?

- Сделай милость.

- У Тангенса нога вся распухла и почернела, - весело сообщил Бест-Четвинд.

- Какой кошмар! - сказал Поль.

- Утром я получил письмо от мамы, - продолжал Бест-Четвинд.

- Там есть кое-что про вас. Хотите, прочитаю?

Он извлек конверт. Письмо было написано на очень плотной бумаге.

- Сначала тут о скачках и про ссору с Чоки. Ему, видите ли, не понравилось, как она перестроила наш загородный дом. Пора бы уж и спровадить этого типа, как вы думаете?

- А про меня что? - сказал Поль.

- Вот, пожалуйста: "И еще, моя радость, в твоём последнем письме столько ошибок, что просто ужас. Ты ведь знаешь, как я хочу, чтобы ты был умницей, поступил в Оксфорд и вообще. Может быть, тебе позаниматься немножко на каникулах, как ты считаешь? Ты только не сердись. С каким-нибудь славным молодым преподавателем. Например, с тем вашим симпатичным, ты еще его хвалил? Как ты думаешь, сколько ему предложить? Я ведь в таких делах ничего не смыслю. Я имею в виду не того, кто тогда напился, хотя и он очень мил". Вот видите, - сказал Бест-Четвинд. - О вас речь. Не о Граймсе же.

- Я подумаю, - сказал Поль. - Вообще-то мысль неплохая...

- Плохая-то она плохая, - задумчиво протянул Бест-Четвинд, - но когда преподаватель очень всерьез относится к своим обязанностям, хорошего мало - этот Прендергаст меня на днях выпорол.

- Значит, никаких уроков органа! - предупредил Поль. Вопреки ожиданиям Поля, Граймс выслушал вести без энтузиазма. Он сидел в учительской у камина и уныло грыз ногти.

- Поздравляю, дружище, - безучастно обронил он. - Это хорошо. Рад за тебя, ей-богу, рад.

- Говоришь, рад, а сам мрачный.

- Разве? Вообще-то, я опять в луже.

- Что-нибудь серьезное?

- Увы!

- Извини, я не знал. Что же теперь делать?

- Пока пришлось объявить о помолвке.

- Представляю, как радуется Флосси.

- Уж это как пить дать, радуется, черти бы ее драли.

- А как старик?

- Обалдел, конечно. Сидит теперь, думу думает. Ничего, глядишь, все еще образуется.

- Конечно, образуется, почему бы и нет?

- Есть, брат, одна тонкость. Я вроде бы тебе не говорил - я ведь уже женат.

Вечером Поля вызвали к директору. Доктор Фейган был в двубортном смокинге, который при появлении Поля он судорожно одернул. Вид у него был постаревший и больной.

- Видите ли, Пеннифезер, - начал он. - Сегодня утром на меня обрушилось несчастье, вернее сказать, два несчастья. Первого, как это ни прискорбно, следовало ожидать. Ваш коллега Граймс был изобличен - с предъявлением доказательств, не оставляющих сомнений в его виновности - в проступке, или, иначе выражаясь, в образе действий, которого я не в состоянии ни понять, ни извинить. С вашего разрешения, я опускаю подробности. Впрочем, это бы еще полбеды - за долгие годы работы в школе мне не раз приходилось сталкиваться с подобными случаями. В состоянии крайнего - скажем так - удручения меня повергло нечто совсем другое: сегодня я узнал, что этот человек помолвлен с моей старшей дочерью. Чего я, дорогой Пеннифезер, уж никак не ожидал. В сложившихся обстоятельствах я вынужден рассматривать помолвку как самое настоящее и, замечу, совершенно незаслуженное оскорбление в свой адрес. Я обращаюсь к

вам, Пеннифезер, исключительно потому, что за недолгое наше знакомство убедился, что вы человек достойный доверия и уважения.

Доктор вынул из кармана крепдешиновый платок, с чувством высморкался и продолжал:

- Согласитесь, что Граймс не тот человек, которого хотелось бы видеть своим зятем. Я бы простил ему его протез, вечное нищенство, вопиющую безнравственность, гадкую физиономию. И с его омерзительным лексиконом я бы тоже смирился - будь он хоть немного джентльменом. Не считите меня снобом. Конечно, как вы уже, вероятно, заметили, я отношусь с предубеждением к низшему сословию. Что поделаешь - это действительно так. Я был женат на женщине из низов. Но мы несколько отвлеклись. Я хотел вам сказать вот о чем. Побеседовав с этой несчастной, с Флосси, я пришел к выводу, что она не питает к Граймсу никаких нежных чувств. Это вполне естественно - она, как-никак, моя дочь. Однако она одержима желанием выйти замуж - и как можно скорее. Так вот, если бы моим зятем стал порядочный человек, я готов был бы сделать его своим партнером. Лланаба приносит три тысячи фунтов в год, во многом, разумеется, благодаря стараниям нашей милой Дианы. Следовательно, мой младший партнер первоначально мог бы рассчитывать на тысячу фунтов в год, а после моей смерти его доля, естественно, возрастет. Полагаю, что многие молодые люди нашли бы мое предложение заманчивым. Вот я и подумал, дорогой Пеннифезер, почему бы нам с вами не взглянуть на вещи по-деловому, без предрассудков. Не будем кривить душой, ходить вокруг да около, а вместо этого... как говорится, чем черт не шутит... словом, почему бы вам... Надеюсь, вы меня поняли?

- Да, сэр, - сказал Поль. - Но это исключено. Я не хотел бы вас обидеть, но, к великому сожалению, это невозможно.

- Не нужно извинений, мой милый. Я прекрасно вас понимаю. Увы, я ожидал именно такого ответа. Значит, чему быть, того не миновать, - Граймс. К мистеру Прендергасту, я полагаю, с подобными разговорами обращаться бесполезно.

- Если б вы знали, как я признателен за оказанное доверие...

- Не стоит благодарности. Итак, свадьба состоится ровно через неделю. Увидитесь с Граймсом - так ему и передайте. Мне хотелось бы свести наши отношения с ним до минимума. Но, может быть, надо

все же как-то отметить событие? - На мгновение в глазах доктора загорелись искорки и тотчас же погасли. - Впрочем, нет. Хватит и спортивного праздника. Юный лорд Тангенс по-прежнему в постели, бедный мальчик.

Поль отправился в учительскую и доложил Граймсу насчет свадьбы.

- Проклятье! - буркнул Граймс. - Я-то, дурень, надеялся, что все развалится.

Что тебе подарить на свадьбу? - спросил Поль.

Граймс вдруг просиял:

А кто нам с Прейди обещал попойку?

- Я! Пируем завтра! - торжественно возвестил Поль.

"Метрополь" в Кимприддиге - самый большой отель во всем Северном Уэльсе. Он величественно раскинулся на возвышенности, откуда открывается морской пейзаж, который в рекламных проспектах железнодорожных компаний дерзко сравнивается с Неаполитанским заливом. Строился "Метрополь" в сытые довоенные времена, и хозяева-основатели не поскупились на мрамор и зеркала. Однако, вопреки их чаяниям, долгожданная слава так и не пришла к отелю, и теперь повсюду проглядывает запустение. Цементный пол на главной террасе весь потрескался, по зимнему саду гуляют сквозняки, а в "Мавританском дворике" - кладбище кресел-каталок. Но это еще не все: фонтаны не работают, оркестр, в былые времена увеселявший вечерами гостей в бальной зале, теперь заменила радиола (правда, очень дорогая), и один из официантов умеет с ней обращаться, почтовая бумага с вензелем отеля исчезла, а простыни на кроватях сели от стирок. Про все эти недостатки Полю, Граймсу и мистеру Прендергасту доложил Филбрик, когда друзья перед обедом расположились с коктейлями в "Оазисе".

- Но при этом дороговизна несусветная, - жаловался Филбрик, который в последнее время сделался на редкость обходительным. - Правда, мы в Уэльсе, так что и на этом спасибо. Я, например, просто не могу без комфорта. Жаль, уезжать надо, а то бы я с радостью пригласил вас, джентльмены, отобедать.

- Филбрик, дружище, - молвил Граймс, - мы с ребятами давно собираемся тебя спросить, как там поживают твои пароходы, сейфы и романы?

- Если хотите начистоту, - ничуть не смутился Филбрик, - то все это, конечно, неправда. Но когда-нибудь вы узнаете правду. И ахнете. Ну, мне пора в замок. Счастливо оставаться.

- Нет, вы только посмотрите, как его здесь привечают, - подивился Граймс, глядя вслед уходящему в ночь Филбрику - того почтительнейше провожали к выходу управляющий с метрдотелем. - Представляю, что он им о себе наплел.

- Да это же ключи! - воскликнул мистер Прендергаст, до сих пор молчавший. За полчаса, проведенные в "Метрополе", он не шелохнулся на своем позолоченном стуле и, словно зачарованный, водил блестящими от возбуждения глазами по сторонам, стараясь ничего не пропустить из царившего вокруг веселья.

- Какие ключи, Пренди?

- От номеров. Видите, вон там дают. Я-то сначала подумал - деньги.

- Ах вон что тебе не дает покоя. А я-то, грешным делом, подумал, что ты решил приударить за барышней, что у конторки.

- Полно вам, Граймс, - хихикнул мистер Прендергаст и покраснел.

Поль повел спутников в ресторан.

- Как опытный учитель французского, - сказал Граймс, изучив меню, - начну-ка я с добрых старых *hu tres*^[16].

Мистер Прендергаст атаковал грейпфрут.

- Какой большой апельсин, - вздохнул он, одержав нелегкую победу. - Да-а, у них все здесь на широкую ногу. Суп подали в маленьких алюминиевых плошечках.

- Почему старинное серебро? - осведомился Граймс. Коммерсанты из Манчестера, кутившие рядом, стали коситься на друзей.

- Кто это тут шипучкой накачивается? - сказал Граймс, заметив официанта, согнувшегося под тяжестью ведерка со льдом, из которого торчала большая бутылка шампанского. - Батюшки! Да это же нам!

- Сэр Соломон Филбрик просит передать капитану Граймсу свои самые сердечные поздравления по случаю его предстоящей женитьбы, сэр!

Граймс ухватил официанта за рукав:

- Постой-ка, приятель, ты сэра Соломона Филбрика хорошо знаешь?

- Он наш частый гость, сэр.
- Кутит небось напропалую, а?
- Он всегда бывает у нас один, но ни в чем себе не отказывает, сэр.

- Платит-то наличными?
- Не могу сказать ничего определенного, сэр. Чего-нибудь еще принести, сэр?

- Ладно, старина, не нервничай. Мы ведь с ним не разлей вода, учти.

- Послушайте, Граймс, - не выдержал мистер Прендергаст, - ваш допрос вывел его из себя, и теперь вон тот полный человек не спускает с нас глаз.

- Ну и ладно! У меня появился тост. Ты лучше, Пренди, налей себе. За здоровье Трампингтона, кем бы он ни был. На его ведь денежки пируем.

- И за здоровье Филбрика, - подхватил Поль. - Кем бы он ни был.

- И за здоровье мисс Фейган, - добавил мистер Прендергаст, - с нашими самыми искренними пожеланиями будущего счастья.

- Аминь, - заключил Граймс.

За супом последовало сомнительного качества жаркое. Мистер Прендергаст сострил, что это не жаркое, а заливное. Праздник удался на славу.

Может быть, я и не прав, - начал Граймс, - но, на мой взгляд, в браке есть что-то жуткое.

- Три довода в пользу супружества, приводимые в Священном писании, - поддакнул мистер Прендергаст, - никогда не казались мне убедительными. Я не испытывал ни малейшего затруднения в воздержании от прелюбодеяния, а два других преимущества брачной жизни меня не слишком-то вдохновляли.

- Моя первая женитьба была просто курам на смех, - сказал Граймс. - Дело было в Ирландии. Я надрался тогда в стельку, да и все остальные тоже. Одному богу известно, что подельывает теперь миссис Граймс. Зато от Флосси, похоже, легко не отделаться. Эх, была бы моя воля, задал бы я стрекача, только бы меня и видели. И все же женитьба еще не самое худшее из того, что меня ожидало. Ведь моя педагогическая карьера-то уж было совсем погорела. Пришлось бы помучиться, пока не нашел бы я другое занятие. Нет уж, хватит.

Теперь я, что ни говори, обеспеченный человек, и никаких больше писем-рекомендаций. А это кое-что да значит. Но только кое-что, увы. Если честно, то за последние сутки при мысли, на что я себя обрекаю, я не раз и не два покрывался холодным потом.

- Мне не хотелось бы омрачать вам настроения, - робко вставил мистер Прендергаст, - но, зная Флосси вот уже десять лет...

- Насчет Флосси меня уже ничем не удивить. Я даже думаю, не лучше ли Динги... Нет, переигрывать поздно. Господи! - в отчаянии воскликнул Граймс, глядя в бокал. - Боже праведный! До какой жизни я докатился!

- Не падай духом, - сказал Поль. - Это на тебя непохоже.

- Мои верные друзья, - начал Граймс, и его голос дрогнул. - Перед вами человек, которому пристало время держать ответ. Не осуждайте беднягу, даже если не можете его понять. Кто в грехе живет, тот в грехе и погибнет. Я много грешил, и мои молодые годы позади. Кто уронит надо мной слезу, когда я рухну в ту бездонную пропасть, куда меня неотвратимо влечет судьба? В молодости я жил как живется и шествовал с гордо поднятой головой, но и тогда неотступно и невидима следовала по моим пятам Справедливость с обоюдоострым мечом.

Официант принес новый поднос. Мистер Прендергаст ел с завидным аппетитом

- Почему меня не предупредили? - надрывался безутешный Граймс. - Почему меня не предостерегли? Не адским огнем нужно было меня стращать, а женитьбой на Флосси. Я прошел огонь и воду и медные трубы и не прочь повторить маршрут, но почему мне не сказали про женитьбу? Почему мне не сказали, что веселая прогулка по усыпанной цветами тропинке заканчивается у гадкого семейного очага, где верещат дети? Почему не сказали, что мне уготовано пахнущее лавандой супружеское ложе, герань на окнах, тайны и откровения супружеской жизни? Впрочем, я тогда и слушать бы не стал. Наша жизнь - два дома, родительский и супружеский. Лишь на мгновение дано нам увидеть свет, а потом бац! - и дверь захлопывается. Ситцевые занавесочки прячут от нас солнце, подомашнему уютно рдеет камин, а наверху, над самой твоей головой, беснуется подрастающее поколение. Мы все приговорены к дому и к семейной жизни. От них никуда не денешься, как ни старайся. В нас

это заложено, мы заражены домостроительством. Нам нет спасения. Как личности мы просто-напросто не существуем. Мы все потенциальные очагосози-датели, мы бобры и муравьи. Как мы появляемся на свет божий? Что значит родиться?

- Я тоже думал об этом, - сказал мистер Прендергаст.

- Что движет мужчиной и женщиной, когда они начинают вить свое идиотское гнездышко? Это я, ты, он еще не рожденные, стучимся в мир. Каждый из нас - всего-навсего очередное проявление семейносозидательного импульса, и даже если кто-то, по чистой случайности, лишен этого зуда, Природа все равно не оставит его в покое. Что с того, что я от него избавлен, - у Флосси его на двоих хватит с избытком. Я - тупиковая ветвь магистрали, имя которой - размножение, ну и что с того? Природа все равно торжествует. Господи, твоя власть! Зачем не погиб я в своем первом доме? Зачем понадеялся на спасение?

Граймс еще долго предавался стенаниям, страдая всей душой. Потом он затих и уставился в бокал.

- Прошу прощения, - прервал молчание голос мистера Прендергаста. -Что, если я положу себе еще кусочек этого восхитительного фазана?

- Как бы там ни было, - изрек Граймс, - но уж детей у нас не будет. Я об этом позабочусь.

- Для меня всегда оставалось загадкой, - сказал мистер Прендергаст, - зачем люди вступают в брак. Не вижу к этому причин. Главное, нормальные, благополучные люди. Граймса я еще могу понять. Ему, по крайней мере, брак сулит определенные выгоды, но что, спрашивается, выигрывает от этого Флосси? А она ведь здесь куда активнее Граймса. Моя беда в том, что всякий раз стоит мне задуматься над самой простой проблемой, как я тут же натыкаюсь на непреодолимые противоречия. Вам не приходилось рассматривать проблему брака в теоретическом плане?

- Нет, - сказал Поль.

- Мне как-то не верится, - продолжал мистер Прендергаст, - что люди влюблялись бы и женились, если б им не внушали, что так и надо. Любовь как заграница. Никто бы не стремился туда, если б не было известно, что существуют другие страны.

- Боюсь, что вы не совсем правы, - сказал Поль. - Ведь и животные тоже влюбляются.

- Правда? - удивился мистер Прендергаст. - Я и не знал. Скажите пожалуйста! Хотя у моей тетушки, например, была кошка, которая когда зевала, то всегда подносила лапу ко рту. Чему только нельзя научить зверей. Я как-то читал в газете про морского льва, так он мог жонглировать зонтиком и двумя апельсинами.

- Вот что я сделаю, - перебил его Граймс. - Куплю-ка я мотоцикл. - Это несколько примирило его с действительностью.

Он выпил вина и слабо улыбнулся: - О чем вы, друзья? Я малость отвлекся и не слушал. Задумался.

- Пренди рассказывал про морского льва, который умел жонглировать зонтиком и двумя апельсинами.

- Тоже мне невидаль. Я могу жонглировать этой вот бутылки щей, куском льда и двумя ножами. Смотрите!

- Не надо, Граймс, все на нас смотрят. К ним подбежал негодующий метрдотель.

- Прошу, сэр, не забывать, где вы находитесь.

- Я-то знаю, где нахожусь, - возразил Граймс. - В отеле, который собирается купить мой приятель сэр Соломон Филбрик. А ты, дружище, заруби себе на носу - если он его купит, то тебя мы вытурим первого.

Но жонглировать он все же перестал, и мистер Прендергаст без помех доел два персика в сиропе.

- Тучи развеялись, - возвестил Граймс. - Будем же веселиться.

Глава 13

СМЕРТНЫЙ ЧАС ПИТОМЦА ЗАКРЫТОЙ ШКОЛЫ

Через неделю - занятий в тот день после обеда не было - в приходской церкви Лланабы состоялось бракосочетание капитана Эдгара Граймса и девицы Флоренс Седины Фейган. В связи с незначительным растяжением руки Поль не смог сыграть на органе. В церкви он стоял рядом с перепуганным мистером Прендергастом, которому доктор Фейган поручил быть посаженным отцом.

- О моем присутствии не может быть и речи, - заявил доктор. - Эта процедура для меня слишком мучительна.

Кроме него отсутствовал лишь юный лорд Тангенс, которому в этот день в местной больнице должны были ампутировать ногу. Бракосочетание, нарушившее однообразное и вместе с тем суматошное течение школьных будней, было встречено большинством учащихся с энтузиазмом. Только Клаттербак ходил надутый.

- Представляю, каких уродов они нарожают, - высказался Бест-Четвинд.

Были и подарки. Школьники сложились по шиллингу, и в Лландидно был приобретен посеребренный чайник, являвший собой весьма робкое подражание стилю модерн. Доктор Фейган подарил чек на двадцать пять фунтов. Мистер Прендергаст подарил Граймсу трость - "а то все равно он ее у меня брал", - а Динги и вовсе расщедрилась, вручив молодым две рамочки для фотографий, календарь и индийский латунный подносик из Бенареса. Поль был шафером.

Брачная церемония прошла без сучка без задоринки: ирландская супруга капитана Граймса, к счастью, не явилась, чтобы воспрепятствовать заключению брака. Флосси надела вельветовое платье смелой расцветки и шляпку с двумя розовыми перьями - якобы в тон.

- Я так рада, что он возражал против белого платья, - говорила флосси, - хотя потом, конечно, его можно было бы перекрасить...

Жених с невестой держались хоть куда, а викарий произнес трогательную речь на тему семейного очага и супружеской любви.

- Радостно созерцать юношу и девушку, с благословения церкви пускающихся в совместный путь, - сказал он. - Но еще прекрасней, когда умудренные опытом мужчина и женщина приходят к нам и говорят: "Жизнь учит -счастье возможно только вдвоем".

Школьники выстроились по обе стороны дороги у ворот церкви, и старший префект провозгласил: "Гип-гип ура капитану Граймсу с супругой!"

После этого все возвратились в замок. Медовый месяц решено было отложить до каникул, тем более что до них оставалось всего десять дней, а чтобы устроить молодых на первых порах, больших изменений не потребовалось.

- Надо что-нибудь придумать, - сказал доктор. - Насколько я понимаю, вам понадобится общая спальня. Надеюсь, не будет возражений, если мы поместим вас в Западной башне, в парадном зале. Там, правда, сыровато, но Диана затопит камин. Обедать Граймс будет не в общей столовой, как прежде, а за моим столом. Из этого, однако, не следует, что мне хотелось бы видеть его в гостиной или в библиотеке. Книги и учебные принадлежности он будет держать в учительской, как и прежде. В следующем семестре мы, возможно, пойдем еще на кое-какие нововведения. Не исключено, что мы оборудуем в той же башне гостиную и отдадим вам одну из кладовок. Не скрою, этот домашний переворот застал меня несколько врасплох...

Диана с честью справилась с возложенными на нее обязанностями: она поставила в спальне вазу с цветами и розожгла грандиозных размеров огонь в камине, пожертвовав поломанной партой и несколькими ящиками из-под игрушек.

В тот же самый вечер, когда мистер Прендергаст надзирал за готовившими уроки учениками, а Поль сидел в учительской, туда заглянул Граймс. Ему было явно не по себе в вечернем костюме.

- Только что отобедали! - доложил он. - Старик пока держится в общем-то ничего.

- А у тебя как настроение?

- Так себе, старина. Как говорится - лиха беда начало; даже при самых романтических отношениях сперва приходится нелегко. А тесть мой, сам понимаешь, не сахар. К нему подход требуется. Ты

лучше вот что скажи: к лицу ли мне, женатому человеку, появиться сегодня у миссис Робертс?

- В первый же вечер это выглядело бы, как мне кажется, несколько странно.

- Флосси бренчит на пианино. Динги проверяет счета. Старик заперся у себя в библиотеке. Эх, была не была: пропустим по одной и мигом обратно, а?

Рука об руку шагали они по знакомому маршруту.

Сегодня угощаю я, - предупредил Граймс.

Духовой оркестр Лланабы снова был у миссис Роберте в полном составе. Низко склонившись над столом, музыканты продолжали делить заработанное.

- Сегодня утром сочтались браком я слышал от людей? - пропел начальник станции.

- Сочетался, - буркнул Граймс.

- Моя свояченица загляденье обещали познакомиться не захотели, -упрекнул его руководитель оркестра.

- Слушай-ка, друг любезный, - вспыхнул вдруг Граймс. - А ну-ка заткнись. Не лезь в душу. Сиди себе да помалкивай - пивком угощу, ясно?

Когда миссис Роберте запирала на ночь свое заведение, Граймс с Полем карабкались в гору. В Западной башне горел огонек.

- Ждет не дождется, - вздохнул Граймс. - Найдутся такие, кто скажет: ах, как романтично - огонек в старинном замке. Когда-то я даже помнил стихотворение про что-то в этом роде. Теперь, конечно, позабыл. В детстве я знал наизусть массу стихов - про любовь, понятное дело. Сплошные замки да рыцари. Сейчас вот самому смешно - нашел чем увлекаться.

В замке он свернул в боковой коридорчик.

- Счастливо, старина. Мне теперь сюда. Приятных снов. Обитая сукном дверь захлопнулась за ним, и Поль отправился спать.

Теперь Поль почти совсем не виделся с Граймсом. Они кивали друг другу на молитве, сталкивались на переменах, но обитая сукном дверь, которая отделяла докторскую половину от школьной, отныне разделяла и друзей. Как-то вечером мистер Прендергаст, получивший наконец второе кресло в свое безраздельное пользование, курил-курил, а потом сказал:

- Странное дело: что-то я соскучился по Граймсу. При всех его недостатках, он был веселый человек. По-моему, в последнее время мы с ним стали лучше понимать друг друга.

- Сейчас ему не до веселья, - сказал Поль. - Жизнь в башне ему, как мне кажется, не на пользу.

Случилось так, что как раз в этот вечер Граймс решил посетить коллег.

- Я немножко посижу - вы не возражаете? - с необычной застенчивостью осведомился он.

Поль и Прендергаст вскочили навстречу гостю.

- Может, я некстати? Я ненадолго.

- Граймс, милый, мы только что говорили, как по тебе соскучились. Проходи и садись.

- Табачку не желаете ли? - осведомился мистер Прендергаст.

- Спасибо, Пренди. Я просто не мог не прийти, столько накипело. В супружеской жизни не все пироги да пышки, уж это точно. Дело даже не во Флосси - с ней как раз никаких проблем. Я даже к ней привязался. Она ко мне хорошо относится, а это кое-что да значит. Вся загвоздка в докторе. Извел он меня. Сил моих больше нет. Вечные насмешки, а я из-за этого чувствую себя полным ничтожеством. Помните, как леди Периметр с Клаттербаками разговаривала, - так и он со мной. Обедать хожу, как на пытку. У него всегда такое выражение лица, точно он наперед знает, что я хочу сказать, а когда я что-то из себя выдавливаю, он делает вид, словно сказанное мной даже превзошло его худшие опасения. Флосси говорит, что и с ней он иногда обращается точно так же. Ну а со мной-то каждый божий день, черт его подери.

- Вряд ли он нарочно, - сказал Поль. - На твоём месте я бы не обращал внимания.

- Легко сказать - не обращал бы внимания. Ужас в том, что я и сам начинаю думать - а вдруг он и в самом деле прав. Я ведь, что и говорить, человек неотесанный. В искусстве полный профан, со знаменитостями дружбу не водил, у портного приличного - и то не бывал. Таких, как я, он называет плебеями. Пусть так, я и не прикидывался аристократом, другое дело, что раньше плевать я на все это хотел с высокой колокольни. И не потому, что много о себе понимал - боже упаси, просто мне казалось, что я не хуже других, что

если живешь неплохо, то не все ли равно, что там про тебя говорят. А жил я, и правда, неплохо. Весело жил. А с этим человеком провел без году неделю - и словно кто меня подменил. Сам себе противен сделался. Главное, все время такое ощущение, что не только доктор, но и другие смотрят на меня свысока.

- Ах, как мне это знакомо! - вздохнул мистер Прендергаст.

- Раньше я думал, что ученики меня уважают - черта с два! Да и в пивной миссис Роберте все только притворялись, что от меня без ума - лишь бы я им пива ставил. А я и рад стараться. Они же меня никогда не угощали. Я думал, - это все потому, что они валлийцы, что, мол, с них взять, а теперь вижу, не в этом дело, просто они меня презирали - и правильно делали. Я теперь и сам себя презираю. Помните, как я любил при случае вернуть что-нибудь эдакое французское - "savoir faire"^[17] или там "je ne sais quoi"^[18].

Произношение у меня, конечно, хромает, да и откуда ему взяться? Во Франции я не бывал, война не в счет. Короче, если теперь я по-французски начинаю, доктор морщится, будто ему мозоль отдавили. Так что, прежде чем рот открыть, я должен дважды подумать, чтобы, не дай бог, ничего не ляпнуть по-французски или не сморозить какой-нибудь глупости. Начинаю что-то лепетать, голос дрожит, язык заплетается, а доктор опять давай свои гримасы строить. Дорогие мои, неделю эту я как в аду прожил. Комплекс неполноценности заработал. Динги он тоже совсем затуркал. Она и рта открыть не смеет. Насчет туалетов Флосси он постоянно прохаживается, только бедняжке невдомек, что он над ней издевается. С ума от него сойду и каникул не дождусь.

- Ты уж потерпи недельку, - сказал Поль. Но это было единственное утешение, что пришло ему на ум.

Следующим утром на молитве Граймс протянул Полю письмо.

- Ирония судьбы, - только и смог он сказать. Поль открыл конверт и прочитал:

"Джон Клаттербак и сыновья,
Пивовары и виноторговцы
Дорогой Граймс!

Недавно, на спортивном празднике, вы спрашивали насчет работы по нашей части. Не знаю, шутили вы тогда или нет, но буквально на днях у нас открылась вакансия, и она, мне кажется,

могла бы вас устроить. Я с радостью предлагаю ее человеку, который был всегда так добр к нашему Перси. У нас существует штат инспекторов, они посещают отели и рестораны, пробуют наше пиво и следят за тем, чтобы его не разбавляли и ничего в него не подмешивали. Наш младший инспектор - мы с ним учились в Кембридже - заболел белой горячкой и работать не сможет. Жалованье - двести фунтов в год плюс автомобиль и командировочные. Ну как, устраивает? Если да, то дайте мне знать в самое ближайшее время.

Искренне ваш
Сэм Клаттербак".

- Ты только полюбуйся, - сказал Граймс. - Такое место и само плывет в руки. Приди письмо дней на десять раньше, моя судьба сложилась бы совсем иначе.

- Ты что, хочешь отказаться? Почему?

- Слишком поздно, старина. Слишком поздно. Какие это печальные слова!

На перемене Граймс снова подошел к Полю.

- Знаешь что, приму-ка я предложение Сэма Клаттербака, а Фейганов пошлю подальше. - Граймс так и сиял. - И слова не скажу. Уеду по-тихому и все. А они пусть живут как знают. Плевать я на них хотел.

Правильно, - отозвался Поль. - Соглашайся обязательно. Это лучшее, что ты можешь сделать.

Сегодня же и смоюсь, - заверил его Граймс.

Через час, после уроков, они столкнулись опять.

- Письмо не дает покоя, проклятое, - сказал Граймс. - Теперь мне все ясно. Это розыгрыш.

- Чепуха, - сказал Поль. - Никакой это не розыгрыш. Сегодня же отправляйся к Клаттербакам.

- Нет, нет, они дурака валяют. Перси небось рассказал им, что я женился, вот они и решили подшутить. Все это слишком прекрасно, чтобы быть правдой. С какой стати им предлагать такую расчудесную работу мне, да и бывает ли такая работа?

- Граймс, милый, я абсолютно уверен в искренности предложения. Ты ничего не потеряешь, если съездишь к Клаттербакам.

- Слишком поздно, старина, слишком поздно. К тому же в жизни такого не бывает. - И Граймс исчез за обитой сукном дверью.

На следующий день на Лланабу обрушилось новое несчастье. В замок явились двое в ботинках на грубой подошве, в толстых драповых пальто, в котелках и с ордером на арест Филбрика. Его бросились искать, но не нашли: выяснилось, что он уехал утренним поездом в Холихед. Мальчики обступили сыщиков, однако почтительное любопытство вскоре сменилось разочарованием. Ничего таинственного и загадочного в этих двух субъектах не было - они неловко толкались в вестибюле, мяли в руках шляпы, угощались виски и величали Диану "барышней".

- Гоняемся за ним, гоняемся, а все без толку, - сказал один, - верно я говорю, Билл?

- Почти полгода... Надо же, опять удрал. Начальство уже ворчать начинает - на одни разъезды сколько денег ухлопали.

- А что, дело очень серьезное? - полюбопытствовал мистер Прендергаст. К этому времени вся школа собралась в вестибюле. - Неужели он кого-нибудь застрелил?

- Да нет, пока, слава богу, без крови обходилось. Вообще-то, нам ведено помалкивать, но раз вы все его знаете, так я вот что скажу: он все равно сухим из воды выйдет. Добьется, чтоб его неменяемым признали. Психом то есть.

- Что же он натворил?

- Самовольное присвоение званий и титулов, сэр. Важной персоной притворяется. За ним уже пять случаев числится. Все больше по отелям работает. Приезжает, пускает всем пыль в глаза, мол, денег у него видимо-невидимо, живет словно лорд, выписывает кучу чеков, а потом ищи ветра в поле. Называет себя сэром Соломоном Филбриком. Но самое смешное в том, что, похоже, он сам верит собственным басням. Я с такими типами уже сталкивался. В Сомерсете, например, жил один - воображал себя епископом Батским и Веллским, все детей крестил, редкой был набожности человек!

- Как бы там ни было, - сказала Динги, - он уехал и жалованья не получил.

- Я всегда говорил, что в нем есть что-то подозрительное, - сказал мистер Прендергаст.

- Счастливчик! - сказал уныло Граймс.

- Меня очень беспокоит Граймс, - сказал тем же вечером мистер Прендергаст. - Удивительно изменился человек. Помните, каким он был раньше самоуверенным и бойким? А вчера вечером вошел в учительскую, да так робко, и спросил меня, как я считаю, в земном или загробном существовании воздается нам по грехам нашим. Я стал объяснять, но довольно быстро понял, что он меня не слушает. Он посидел, повздыхал, а потом вдруг встал и вышел, не дожидаясь, пока я закончу говорить.

- Бест-Четвинд рассказал мне, что Граймс оставил после уроков третьеклассников за то, что на него упала классная доска. Он был убежден, что они это нарочно подстроили.

- С них станется!

- Да, но на сей раз они, вроде бы, и правда были не виноваты. Бест-Четвинд рассказывал, что все даже переполошились, настолько странно он с ними говорил. Словно трагический актер.

- Бедняга Граймс. У него совершенно расшатались нервы. Скорее бы каникулы.

Но каникулы наступили для капитана Граймса гораздо раньше, нежели предполагал мистер Прендергаст, и наступили они при весьма неожиданных обстоятельствах. Три дня спустя Граймс не явился на утреннюю молитву, и заплаканная Флосси сообщила, что накануне вечером ее муж отправился в деревню, но ночевать не вернулся. Мистер Девис, начальник станции, показал, что в тот вечер видел Граймса и что Граймс был в крайне подавленном состоянии. Перед самым обедом в замке объявился молодой человек с узелком одежды, которую он обнаружил на берегу моря. Без особого труда было установлено, что одежда принадлежала капитану Граймсу. В нагрудном кармане пиджака был конверт, адресованный доктору Фейгану, а в конверте листок со словами: "Кто в грехе живет, тот в грехе и погибнет".

Было сделано все возможное, чтобы скрыть эту новость от учащихся.

Флосси была страшно удручена столь скоропостижным окончанием своего замужества, но траур надеть отказалась. "Я убеждена, что мой муж меня бы не осудил", - сказала она.

При таких невеселых обстоятельствах школьники стали собираться к отъезду - наступили пасхальные каникулы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

КОРОЛЕВСКИЙ ЧЕТВЕРГ

У Марго Бест-Четвинд в Англии было два дома: один в Лондоне, другой - в Хемпшире. Ее лондонский особняк, отстроенный в царствование Вильгельма и Марии, по общему мнению, был самым красивым зданием между Бонд-стрит и Парк-лейн. Насчет ее загородного дома единого мнения не было. Дом был новехонький. В сущности, его еще толком не достроили, когда - в канун пасхальных каникул - туда явился Поль. Ничто за всю бурную, а во многих отношениях и сомнительную жизнь миссис Бест-Четвинд не вызвало таких толков, как постройка или, точнее сказать, перестройка этого замечательного здания.

Дом именовался "Королевский Четверг" и стоял на том самом месте, которое со времен царствования Марии Кровавой^[19] было родовым гнездом графов Пастмастеров. Целых триста лет, благодаря безденежью и бездействию этого почтенного семейства, дом выстаивал против капризов архитектурной моды. Никто не пристраивал к нему флигелей, не прорубал окон. Ни портик, ни колоннада, ни терраса, ни оранжерея, ни башни, ни бойницы не обезобразили его деревянный фасад. Вопреки всеобщему помешательству на светильном газе и ватерклозетах. Королевский Четверг избег руки водопроводчиков и инженеров. Плотник, которому должность его досталась от предка, некогда смастерившего деревянные панели в залах и соорудившего огромную лестницу, время от времени чинил только то, без чего здание могло бы развалиться, притом - следуя традициям и действуя только инструментами прадеда, так что через несколько лет его собственную работу непросто было отличить от дела рук его предков. В спальнях по-прежнему коптели свечи, а у соседей лорда Пастмастера давно всюю сияла электричество; вот почему последние лет пятьдесят хемпширцы проникались все большей гордостью за Королевский Четверг.

Если прежде он считался язвой на лице передового Хемпшира, то теперь по субботам и воскресеньям превращался в место паломничества. "А не съездить ли нам на чай к Пастмастерам? -

возникал вопрос после воскресного обеда. - На их дом стоит взглянуть! Там все, ну буквально все, как бывало прежде. На прошлой неделе их посетил профессор Франке. Представляете, профессор сказал: если где и сохранились лучшие образцы старой доброй тюдоровской архитектуры, так это у Пастмастеров!"

Телефона у Пастмастеров не было, но они всегда были дома и неизменно радовались приезду соседей. После чая лорд Пастмастер, как правило, отправлялся с гостем-новичком на экскурсию по дому: показывал ему длинные галереи и просторные спальни, причем не забывал и о некоем чулане, куда третий граф Пастмастер упрятал свою жену за то, что ей вздумалось перестроить печь. "Печь дымит по-прежнему, особенно если ветер восточный, - присовокуплял граф, - все руки до нее не доходят".

И вот гости уезжали восвояси в громоздких лимузинах, а дома, в современных особняках, самые впечатлительные из них, принимая перед обедом горячую ванну, размышляли, должно быть, об обретенном ими высоком праве на полтора часа выпасть из нашего столетия и пожить беспечной ленивой жизнью английского Возрождения. Вспоминали они и беседы за чаем: об охоте и о новой редакции англиканского молитвенника; а ведь лет триста назад у того же камина и в тех же креслах ту же беседу вели прапрадедушки и прапрабабушки радушного хозяина, в то время как предки гостей, надо полагать, спали на мешках с пряностями в каком-нибудь ганзейском городке или просто на соломе.

Но пришло время продать Королевский Четверг. Он был построен в ту эпоху, когда человек двадцать слуг никому не казались из ряда вон выходящим излишеством, а держать меньше в таком доме вряд ли было возможно. Однако прислуга, в отличие от хозяев, как стали примечать Бест-Четвинды, оставалась равнодушной к очаровательной простоте времен Тюдоров. Конуры, отведенные лакеям в переплетениях балок, державших угловатые своды каменной крыши, не удовлетворяли современным требованиям, и лишь самые грязные и спившиеся из поваров соглашались крутить вертела над открытым огнем в холодной каменной кухне. Горничные все чаще убывали в неизвестном направлении, не выдержав ежедневных восхождений по крутым черным лестницам в сумрачный час перед завтраком и путешествий по нескончаемым коридорам с кувшинами теплой воды

для утреннего умывания. Современная демократия властно напоминала о лифтах и прочих облегчающих труд устройствах, о горячей и холодной воде и - подумать только! - о питьевых фонтанчиках, газовых горелках и электрических плитах.

Против всякого ожидания, лорд Пастмастер довольно охотно пошел на то, чтобы продать имение. Он, признаться, никогда не понимал, из-за чего весь этот шум. Место, конечно, чертовски историческое и все такое прочее, но зеленые ставни и тропическая растительность его виллы на французской Ривьере были ему куда милее. Там, хоть этого и не понять недоброжелателям, там, а не за стенами Королевского Четверга, сможет он полностью проявить свои фамильные достоинства. Но эти соображения не доходили до хемпширцев; в растерянности оцепенели Лучшие Дома Графства, призадумались виллы, заволновались по всей округе дачки, а в близлежащих приходах дышащий на ладан причт уже занимался тем, что сочинял предания в народном вкусе о великом опустошении, которое грозит хемпширским нивам и садам, буде последний Бест-Четвинд покинет Королевский Четверг. В "Лондонском Геркулесе" появилась красноречивая статья мистера Джека Нефа, в которой говорилось, что пора создать Фонд по спасению Королевского Четверга и сберечь особняк во имя нации. Впрочем, удалось собрать лишь мизерную часть той большой суммы, которую запросил хитроумный лорд Пастмастер, так что куда большую поддержку вызвало предложение перевезти Королевский Четверг в Америку и установить его в Цинциннати.

Вот почему новость о том, что родовое гнездо лорда Пастмастера куплено его невесткой, привела в полный восторг и ее новых соседей, и мистера Джека Нефа, и всех лондонских газетчиков, сообщивших о сделке. Всюду с ликованием повторяли: "Teneat bene Best-Chetwynde" [\[20\]](#), - девиз, высеченный над камином в главной зале. Дело в том, что в Хемпшире мало знали о Марго Бест-Четвинд, а иллюстрированные журналы всегда были рады украсить свои страницы ее новыми фотографиями. Правда, репортеру она бросила: "Что за уродство эти деревянные тюдоровские замки!" - но репортер не обратил на эти слова никакого внимания и выкинул их из статьи.

К тому времени, когда Марго купила Королевский Четверг, он пустовал уже два года. До этого она побывала там только раз - перед

помолвкой.

- Я думала, здесь лучше. В сто раз лучше, - сетовала она, проезжая по главной аллее, которую местные жители в честь ее приезда украсили флагами недавних союзников Британии. - Он и в сравнение не идет с новым зданием универсального магазина "Либертиз"... - добавила Марго и заерзала на сиденье, вспомнив, как много лет тому назад она, юная и мечтательная наследница колоссального состояния, проходила под сенью этих стриженных вязов и как в зарослях жимолости Бест-Четвинд равнодушно домогался ее согласия на брак.

Мистер Джек Неф давно уже хлопотал, спасая церковь Вознесения Господня, что на Эгг-стрит (там, говорят, побывал у заутрени сам доктор Джонсон), когда Марго Бест-Четвинд публично заявила о своем намерении перестроить Королевский Четверг. На это мистер Джек Неф, нахмурясь, молвил: "Ну что ж, мы сделали все, что могли", - и выбросил эту историю из головы.

Соседи, однако, не дремали. В то время как с помощью самых современных и хитрых камнедробилок вершилось дело разрушения, они все больше неистовствовали, и наконец, стремясь сохранить для Хемпшира хоть малую толику замечательного сооружения, прибегли к грабительским набегам, из которых возвращались, нагруженные кусками резного камня, как нельзя лучше подходившего для садовых оград, но тут подрядчик нанял ночного сторожа. Деревянные панели отправились в Кенсингтон, где вызвали восхищенные толки среди индийских студентов. Прошло девять месяцев с тех пор, как миссис Бест-Четвинд стала хозяйкой дома, и для перестройки был приглашен архитектор.

Для Отто Фридриха Силенна это был первый серьезный заказ. "Мне бы что-нибудь чистенькое и простенькое..." - так сказала ему миссис Бест-Четвинд, после чего отбыла в одно из своих таинственных кругосветных путешествий, обронив напоследок: "К весне все должно быть закончено".

Профессор Силенн - именно так титуловал себя этот необыкновенный молодой человек - был очередной "находкой" миссис Бест-Четвинд. Он, правда, не достиг еще вершин славы, но у каждого, кто с ним знакомился, его таланты оставляли глубокое и противоречивое впечатление. Профессор обратил на себя внимание

миссис Бест-Четвинд отвергнутым проектом фабрики по производству жевательной резинки (проект напечатали в прогрессивном турецком журнале). Единственной работой, которую профессор Силен довел до конца, была декорация для немислимо длинного фильма с чрезвычайно запутанным сюжетом: распутать его не было никакой возможности, потому что придирчивый режиссер выкинул из сценария всех действующих лиц, - что нанесло кассовому сбору непоправимый урон. После этого Силен самоотверженно подыхал с голоду в своей комнатухе в Блумсбери, несмотря на неустанные попытки его разыскать, предпринимаемые его родителями, богатыми гамбургцами, и тут-то он и получил заказ на перестройку Королевского Четверга. "Чистенькое и простенькое..." - еще три дня он морил себя голодом, размышляя над эстетической подоплекой этих слов, а потом взялся за работу.

- Задачи зодчества, как я их понимаю, - внушал он журналисту, посетившему его, чтобы узнать, как продвигается его удивительное создание из железобетона и алюминия, - те же, что у искусства вообще. Архитектуре должно быть чуждо все человеческое. Фабрика - вот совершенное строение, ибо там живут не люди, а машины. Жилой дом не должен быть красивым. Но я делаю все, что в моих силах. Зло исходит от человека, - мрачно добавил Силен. - Доведите это до сведения ваших читателей. Человек прекрасен и счастлив, только когда служит проводящим устройством для распределения механической силы.

Журналист озадаченно кивнул:

- Скажите, профессор, верно ли, что вы, простите за любопытство, отказались от всякого вознаграждения за свой труд?

- Нет, - ответил профессор, - это неверно. "Мнение архитектора о городе будущего", - сочинял тем временем журналист. - "Будут ли машины жить в домах?", "Головокружительные прогнозы профессора".

Профессор Силен проследил, как репортер свернул за угол, после чего достал из кармана печенье и начал жевать.

- В доме должна быть лестница, - мрачно произнес он. - Отчего им не сидится на месте? Вверх-вниз, взад-вперед, туда-сюда! Отчего они не могут сидеть и работать? Разве фрезерному станку нужна лестница? Разве маргышки нанимают квартиры? Человек - незрелое,

вредоносное, отжившее начало. Находясь на весьма низкой ступени эволюции, он нахально пыжится и болбочет всякую чушь. Как омерзительны, как безгранично скучны мысли и дерзания этого побочного продукта жизни! Хлипкое, никуда не годное тело! Неточный, разболтанный механизм души! С одной стороны - гармонические инстинкты и сбалансированное поведение животного, с другой - нестигаемая целенаправленность машины, а между ними - человек, равно чуждый и б ы т и ю Природы, и д е й с т в и ю Машины, одно жалкое с т а н о в л е н и е.

Спустя два часа мастер, работавший на бетономешалке, явился к профессору за советом. Силен сидел там, где его оставил репортер, и смотрел в одну точку. Рука, в которой уже не было печенья, то поднималась ко рту, то опускалась. Челюсти монотонно двигались вхолостую. В остальном профессор был неподвижен.

Глава 2

ИНТЕРМЕДИЯ В БЕЛГРЕВИИ

Артур Поттс уже был наслышан о Королевском Четверге и профессоре Силене.

Приехав в Лондон, Поль сразу позвонил старому приятелю, и договорились отобедать в ресторане "Куинс" на Слоун-сквер. Полю казалось вполне естественным вновь сесть вдвоем за столик, которым они, бывало, обсуждали важнейшие мировые проблемы - от бюджета и византийских мозаик до контроля над рождаемостью. Впервые после прискорбной боллинджеровской истории Поль почувствовал себя беззаботно. Лланаба со всеми ее претензиями на средневековые и нелепыми аборигенами канула в небытие и забылась, как кошмарное сновидение. Перед ним были - свежий хлеб, красный сладкий перец, белое бургундское и задумчивые глаза Артура Поттса, а над головой висел черный котелок, только что купленный на Сент-Джеймс. В тот вечер тень, мелькавшая в нашем рассказе под именем Поль Пеннифезер, на время материализовалась и обрела прочную оболочку умного, интеллигентного, воспитанного молодого человека, который проголосует на выборах с должной осмотрительностью и благоразумием, который основательнее других судит о балете и литературной критике, который способен, не краснея и со сносным произношением, заказать обед по французской карте, которому с легкой душой можно доверить на вокзале чужие чемоданы и который, надо полагать, решительно и достойно поведет себя в любых мыслимых обстоятельствах. Таков и был Поль Пеннифезер в безмятежные годы, предшествовавшие нашей истории. Собственно говоря, вся эта книга - повесть о таинственном исчезновении Поля Пеннифезера, так что читателю не стоит пенять, если тень по имени Пеннифезер так и не выполнит той значительной роли, которая первоначально отводилась нашему герою.

- В Мюнхене я видел кое-какие работы Отто Силене, - рассказывал Поттс. - Любопытное явление. Он был сперва в Москве, потом - в "Баухаузе"^[21] в Дессау. Ему сейчас не больше двадцати пяти лет. Недавно в газете я видел фото Королевского Четверга.

Необыкновенно интересно! Считают, что это первое поистине грандиозное сооружение со времен Французской революции. Силен - это вам не Корбюзье!

- Пора понять, - заметил Поль, - что Корбюзье - чистой воды утилитарист манчестерской школы. Деятнадцатый век! Потому, кстати сказать, с ним так и носятся...

Потом Поль поведал Поттсу о гибели Граймса и о Сомнениях мистера Прендергаста, а Поттс, в свою очередь, рассказал Полю о том, что получил чрезвычайно увлекательную работу под эгидой Лиги наций, а посему решил не сдавать выпускных экзаменов, а также о том, какую обскурантистскую позицию занял по этому вопросу отец Поттса.

На один вечер Поль превратился в живого человека, но проснувшись на следующее утро, он потерял свою телесную оболочку где-то между Слоун-сквер и Онслоу-сквер. Он встретил Бест-Четвинда, и утренним поездом они поехали в Королевский Четверг: там необыкновенные приключения Поля начались заново. По мнению автора, второе исчезновение Поля необходимо, потому что, как, вероятно, уже догадался читатель, из Поля Пеннифезера никогда не выйдет настоящего героя, а значит, единственная причина, по которой он может вызвать интерес, - это череда удивительных событий, свидетелем которых явилась его тень.

Глава 3

PERVIGILIUM VENERIS^[22]

- Охота мне посмотреть на наш новый дом! - сказал Бест-Четвинд по дороге со станции. - Мама писала, что мы просто ахнем.

Ограда и сторожка у ворот были оставлены без изменений; супруга сторожа - в белом фартуке, как Ноева жена, - встретила их реверансом у поворота на главную аллею. Мягкое апрельское солнце пробивалось сквозь распускающиеся кроны каштанов, а за ними светились зеленые пятна газона и мерцал пруд. "Вот она, наша английская весна... - думал Поль. - Весна и дремлющая прелесть древней английской земли..." Воистину, думал он, старые каштаны, освещенные утренним солнцем, символизируют нечто вечное и светлое в этом спятившем мире. Будут ли они все так же стоять, когда пройдут смятение и хаос? Да, нет сомнения: пока он катил в лимузине Марго Бест-Четвинд, дух Уильяма Морриса^[23] нашептывал ему что-то о поре сева и сбора плодов, о величественной череде времен года, о гармонии богатства и бедности, о достоинстве, чести и традициях. Но вот машина сделала поворот, и цепочка его мыслей распалась: Поль наконец увидел дом.

- Вот это да! - присвистнул Бест-Четвинд. - На этот раз маме есть чем похвалиться.

Авто остановилось. Поль и Бест-Четвинд вылезли, размяли затекшие ноги - и вот по коридорам с бутылочно-зелеными стеклянными полами их ведут в столовую, где за эбонитовым столом сидит и завтракает миссис Бест-Четвинд.

- Милые вы мои! - воскликнула она и протянула им руки. - Как я рада! Наконец-то я пойду спать!

Она была в сто раз красивее жарких видений, бердивших душу Поля. Потрясенный, он смотрел на нее во все глаза.

- Как дела, мой мальчик? - между тем спрашивала она. - Знаешь, ты стал похож на хорошенького жеребенка. Как по-твоему, Отто?

До этого Поль не замечал в комнате никого, кроме миссис Бест-Четвинд. Теперь он увидел, что рядом с ней сидит русоволосый молодой человек в очках с толстыми стеклами, за которыми, как

рыбки в аквариуме, поворачиваются из стороны в сторону глаза. Глаза эти медленно выплыли из дремоты, радужно сверкнули на солнце и уставились на юного Бест-Четвинда.

- Голова велика, - сказал профессор Силен. - Руки короткие. Но кожа - довольно красивая.

- Может, сделать мистеру Пеннифезеру коктейль? - предложил Бест-Четвинд.

- Сделай, Питер, сделай, лапочка... Он очень мило сбивает коктейли... Ох, ну и неделя! Сперва переезд, потом соседи, с которыми пришлось таскаться по всему дому. Репортеры... Проект Отто хемпширцам не понравился - верно, Отто? Что тебе сказала леди Вагонсборо?

- Это дама, похожая на Бонапарта?

- Да, дорогой.

- Она сказала, что мне особенно удалась канализация, но трубы, к сожалению, спрятаны под землей. На это я спросил ее, не угодно ли ей воспользоваться моей канализацией, потому что иначе я воспользуюсь ею сам, и ушел. Но если говорить серьезно, она права. Канализация - единственное, чем хорош этот дом. Вот закончат мозаику, и я уеду.

- Ну как? - спросил Питер Бест-Четвинд, отставив в сторону миксер. - Должно быть очень вкусно. Это любимый коктейль Чоки.

- Я ненавижу и презираю каждую половицу этого дома, - с достоинством продолжал профессор Силен. - Из всего, что я создал, он вызывает во мне самое непреодолимое отвращение.

Тяжко вздохнув, он встал из-за стола и удалился, унося с собой вилку.

- Отто - гений, - пояснила миссис Бест-Четвинд. - Будь с ним поласковой, Питер. Завтра сюда заявится целая орда. К тому же, милый мой, этот Контроверс опять навязался на субботу и воскресенье. Хочешь, чтобы он стал твоим папой, дорогой?

- Еще чего! - ответил Питер. - Если тебе приспичило выходить замуж, найди себе кого-нибудь помоложе да потише.

- Питер, ты ангел. Так я и поступлю. А теперь пойду спать. Я так хотела повидать вас обоих! Покажи мистеру Пеннифезеру его комнату, Питер.

Алюминиевая дверца лифта захлопнулась, и Поль спустился с небес на землю.

- Довольно странная просьба: я здесь сам первый день, - пожал плечами Питер. - Ладно, давайте-ка перекусим.

В следующий раз Поль увидел миссис Бест-Четвинд через трое суток.

- Правда она самая замечательная женщина в мире? - сказал Поль.

- Замечательная? В каком смысле?

Поль и профессор Силен вышли после обеда на террасу. Незаконченная мозаика была прикрыта досками и брезентом. В лунном свете сияли высокие колонны темного стекла. Под сверкающей алюминиевой балюстрадой простирался парк - безграничный и молчаливый.

- Она красива и свободна. Как бы существо другой породы, верно?

- Нет, - не спеша ответил профессор. - Не верно. Сравните ее с другими женщинами ее возраста, и вы увидите, что детали, которые отличают ее от других, неизмеримо менее значительны, чем общее сходство. Два миллиметра тут, три миллиметра там - такие колебания неизбежны при принятом у людей механизме воспроизводства. А вот во всем, что касается основных функций -пищеварения, например, - она вполне отвечает норме.

- Ну, это можно сказать о ком угодно!

- Да, можно. Но как раз отклонения Марго от нормы особенно отвратительны! Они мало что значат, но действуют на нервы, как визг пилы. Не будь их, я бы на ней женился.

- А она бы за вас пошла?

- Разумеется. Ведь, как я уже говорил, все ее основные функции близки к норме. Кроме того, она дважды просилась за меня замуж. В первый раз я ответил, что подумаю, во второй - отказался. И правильно поступил. Она бы меня связывала. К тому же она стареет и лет через десять начнет барахлить.

Профессор Силен взглянул на часы - платиновый диск от Картье, дар миссис Бест-Четвинд.

- Без четверти десять, - сообщил он. - Пора в постель. - Он бросил недокуренную сигару вниз, и она очертила в воздухе дымящуюся

параболу. -Что вы принимаете, чтобы заснуть?

- Я превосходно сплю, - ответил Поль. - Только в поезде засыпаю с трудом.

- Рад за вас. Марго пьет веронал. А я не сплю уже больше года, и поэтому всегда рано ложусь. Если не спишь, длительный отдых совершенно необходим.

Ночью Поль - заложив закладкой "Золотую ветвь"^[24] и выключив свет - думал о молодом человеке, покоящемся в темной комнате, лежащем, вытянув ноги, закрыв глаза и скрестив руки на груди. Ночь напролет шевелятся его мозги, собирают новые и новые мысли, распределяют их, как мед в сотах, по ячейкам и галереям. И воздух вокруг застаивается и делается затхлым, а мозги все шевелятся во тьме с той же монотонностью.

Марго Бест-Четвинд хочет выйти замуж за Отто Силен... Где-то в другом крыле этого фантастического дома ее нежное прохладное тело застыло под тонкой простыней в наркотическом забытии. А за оградой парка спят тысячи других - и среди них Артур Поттс, мистер Прендергаст и начальник станции Лланаба... Вскоре Поль уснул. Внизу Питер Бест-Четвинд выпил стаканчик бренди с содовой и перевернул страницу Хевлока Эллиса^[25] - его самой любимой книжки, если, конечно, не считать "Ветра в ивах"^[26].

Взвилась алюминиевая штора - солнце засияло сквозь кварцевые стекла, наполняя комнату благодатным светом. В Королевском Четверге занимался новый день.

Из окна ванной Поль смотрел на террасу. Дерюгу сняли, открыв незаконченный мозаичный пол, серебряный с алым. Профессор Силен, справляясь с чертежом, руководил работой двух мастеров.

Прибывали все новые гости, но миссис Бест-Четвинд не выходила из своей комнаты, предоставив Питеру принимать их, по возможности любезно. Поль так и не запомнил, кого как зовут: он даже не мог понять, сколько их понаехало. Гостей, скорее всего, было человек восемь-девять, но они были одеты как близнецы и все говорили на один лад. Вдобавок, к столу они выходили весьма неаккуратно, так что, может, их было больше, а может, и меньше.

Первыми прибыли сэр Майлс Мошеннинг и Дэвид Леннокс, фотограф. Похохатывая, они вылезли из электромобиля новейшей марки и устремились к зеркалу в передней.

Через минуту уже громыхал патефон. Майлс и Дэвид плясали, а Питер сбивал коктейли. Началось веселье. В течение всего дня приезжали новые гости - пробираясь бочком или с криком врываясь в дом, кому как понравится.

Памела Попем, дама с тяжелым подбородком и ухватками укротительницы львов, вздела на нос очки, огляделась, выпила три коктейля, дважды сказала: "О боже!" - обхватила двух-трех знакомых и отправилась спать.

- Когда приедет Оливия, передай ей, что я здесь, - буркнула она Питеру.

После обеда прокатились с ветерком и посетили деревенскую танцульку. В половине третьего ночи уgomонились. В половине четвертого прибыл лорд Какаду, слегка навеселе и во фраке. Он сообщил, что "еле унес ноги" из Лондона, с празднования двадцать первого дня рождения Аластера Трампингтона.

- Сначала мы ехали вместе, - добавил он, - но Аластер, должно быть, выпал по дороге.

Вся - или почти вся - компания вышла в пижамах поприветствовать лорда. Какаду прошелся по комнате, веселый и похожий на птичку, покивал длинным белым носом и каждому отпустил по нахальной шуточке своим крикливым, изнеженным голосом. К четырем в доме снова все стихло.

Вероятно, лишь одному гостю - сэру Хамфри Контроверсу, министру перевозок - было как-то не по себе. Он приехал утром в огромном лимузине с двумя крошечными чемоданчиками. С самого начала он внес диссонанс, обратив внимание веселой компании на отсутствие хозяйки.

- Где Марго? Я ее что-то не видел.

- Она, кажется, неважно себя чувствует, - ответил кто-то из гостей. - Или, может, заблудилась в этих коридорах... Спросите у Питера.

Полю наткнулся на Контроверса, когда тот отдыхал после завтрака в саду и дымил сигарой, сложив большие красные руки на груди и надвинув на глаза мягкую шляпу. На его багровой физиономии были написаны возмущение и скорбь. Он поразил Поля противоестественным сходством с карикатурами на Контроверса в вечерних газетах.

- Привет, юноша! - окликнул Контроверс Поля. - А где остальные?

- Кажется, Питер повел их на экскурсию по дому. Изнутри Королевский Четверг устроен куда сложнее, чем может показаться снаружи. Хотите присоединиться?

- Нет уж, увольте. Я приехал отдохнуть. А эта молодежь меня утомляет. Хватит с меня парламента. - Поль из вежливости хихикнул. - Чертовски тяжелые дебаты. Интересуетесь политикой?

- Пожалуй, нет, - ответил Поль.

- Молодчина! Я сам не пойму, чего ради влез в эту кашу. Жизнь собачья, а денег - ни гроша. Останься я просто адвокатом, был бы я теперь богачом... Покой! Покой и деньги! - продолжал он. - Только после сорока начинаешь это ценить. А ведь после сорока - еще жить да жить! Сильная мысль, а? Намотайте это себе на ус, юноша, и навсегда избавитесь от чудовищных ошибок. Если бы в двадцать лет все понимали, что начинаешь жить только после сорока... Кухня миссис Бест-Четвинд, парк миссис Бест-Четвинд... - мечтательно проговорил сэр Хамфри. - Но самое желанное здесь - это сама очаровательная хозяйюшка. Давно с ней знакомы?

- Месяца два, - ответил Поль.

- Бесподобная женщина! - сказал сэр Хамфри. Он глубоко затынулся. Из дома неслись приглушенные звуки патефона.

- И на кой черт ей этот дом? - спросил он. - Она попала под дурное влияние - ей это на пользу не пойдет. Дьявольски двусмысленное положение: богатая женщина, а не замужем. Сплетням буквально нет конца. Марго следует найти мужа, человека, который упрочил бы ее положение, человека с положением в обществе!

Без всякой связи с предыдущим, он принялся рассказывать о себе.

- "Меть высоко", - говорил сэр Хамфри. - Вот девиз, которого я придерживаюсь всю жизнь. Может, ты и не получишь того, чего добиваешься, но что-то тебе да перепадет. Будешь метить низко - получишь шиш. Все равно как если швыряешь камнем в кошку. Когда я был мальчуганом, у нас во дворе это было любимым развлечением. Вы, юноша, в этом возрасте играли в крикет, но суть от этого не меняется. Целишься прямо - промажешь. Возьми повыше - тогда

попадешь. Это известно любому мальчишке. А сейчас я расскажу вам историю моей жизни.

"Отчего это, - с тоской думал Поль, - все мои случайные знакомые прибегают именно к автобиографическому жанру?" Наконец он решил, что все дело в его располагающей внешности. Между тем сэр Хамфри повествовал о детстве и юности - о семье из девяти человек, уютившейся в двух каморках, об отце-алкоголике, о матери, страдавшей припадками, о сестре, панельной девке, об одном брате, уголовнике, и о другом брате, глухонемом. Он повествовал о стипендиях и технических училищах, об удачах и провалах, об университетской карьере, сопровождавшейся блистательными успехами и небывалыми лишениями.

- Я служил корректором в "Холливелл пресс", - распинался сэр Хамфри. - А потом изучил стенографию и печатал в местных газетах проповеди, читавшиеся в университетской церкви...

Пока он говорил, подстриженные тисы как будто посерели и покрылись трущобной копотью, а отдаленный голос патефона все больше напоминал развеселую шарманку, поющую во дворе.

- В Сcone я учился со стоящими парнями... - Тут сэр Хамфри фамильярно помянул несколько высокопоставленных особ. - Но никому из них не довелось пройти мой жизненный путь...

Поль, по обыкновению, терпеливо слушал. Речь сэра Хамфри текла плавно - он попросту повторял содержание собственной статьи, продиктованной вчера вечером для воскресной газеты. Он рассказывал Полю о своих первых судебных речах, о вошедших в историю парламентских выборах - избирательной кампании либералов в 1906 году, и о напряженных днях, предшествовавших рождению коалиционного правительства во время войны.

- Мне нечего стыдиться! - разглагольствовал сэр Хамфри. - Я пробился дальше других. Если так пойдет, я в один прекрасный день возглавлю нашу партию. Но этой зимой у меня возникло ощущение, что я достиг предела. Настало время, когда я бы с радостью перешел в палату лордов, бросил писанину, завел бы лошадок, - тут его глаза затуманились, как у модной актрисы, описывающей свою виллу, - и еще - яхту, и особнячок в Монте-Карло. Другим-то это раз плюнуть, и им это отлично известно. Надо дожить до моих лет, чтобы понять, как невыгодно рождаться на свет без приличного состояния.

В воскресенье вечером сэр Хамфри предложил "перекинуться в картишки". Остальные отнеслись к этой идее холодно.

- Не слишком ли это легкомысленно? - молвил Майлс. - Ведь как-никак воскресенье... Я обожаю карты, особенно королей - забавные старикашки! Но если мы будем играть на деньги, я могу огорчиться и заплакать. Сыграйте с Памелой, она у нас мужественная и решительная.

- Поиграем лучше на бильярде. У нас получится настоящий дачный вечер, - предложил Дэвид. - Или давайте устроим деревенский кавардак!

- Ах я старый греховодник, - причитал Майлс, когда его наконец усадили за карты.

Сэр Хамфри выиграл. Лорд Какаду просадил тридцать фунтов, достал бумажник и расплатился десятками.

- Он передергивал! - сообщила Оливия и отправилась спать.

- Да что ты говоришь, дорогая! Мы его за это накажем: ничего он с нас не получит, - ответил Майлс.

- Да ты что! Как можно!

Питер бросил монетку и выиграл у сэра Хамфри в "орла и решку".

- Я как-никак хозяин, - заметил он.

- В ваши годы, - сказал сэр Хамфри Майлсу, - мы ночи напролет резались в покер. Большие деньги выигрывали.

- Ах безобразник! - ответил Майлс. Рано утром в понедельник "даймлер" министра перевозок отъехал от дома.

- Он, наверно, думал повидаться с мамой, - объяснил Питер, - но я ему объяснил, в чем у нее дело.

- Тебе не следовало так поступать, - покачал головой Поль.

- Да, не очень хорошо вышло. Он страшно возмутился: дескать, даже в трущобах дети моего возраста не знают о таких вещах. Он жуткий обжора. И вообще, я все время разговаривал с ним о железной дороге, чтобы он не скучал.

- По-моему, старичок не глуп, - вмешался профессор Силен. - Он -единственный, кто не счел необходимым из вежливости сказать что-нибудь о доме. Кроме того, он рассказал мне, какие бетонные конструкции используются теперь при перестройке домов для правительственных служащих в отставке.

Питер и Поль отправились в овальную классную комнату на очередной диктант.

Когда последние гости уехали, миссис Бест-Четвинд явилась, после своего кратковременного наркотического запоя, свежая и изысканная, как старинная серенада. Орхидеи, казалось, распускались под ее стопами, когда она брела по лугу зеленого стекла от лифта к обеденному столу.

- Лапочки! - мягко сказала она. - Устали от зануды Контроверса? От всей этой банды! Не помню только, кто должен был быть на этот раз... Я давно никого не приглашаю, - добавила она, глядя на Поля, - но все равно едут.

Она всмотрелась в опаловые глубины своего абсента.

- Совершенно ясно, что мне нужен муж. Но ведь Питер такой капризуля...

- У тебя кошмарные ухажеры, - ответил Питер.

- Иногда меня так и подмывает выйти за старичка Контроверса, - продолжала Марго Бест-Четвинд. - Чем не опора в жизни?! Только Марго Контроверс звучит как-то... нарочито, а? Представляете, какое он выберет имечко, если его сделают пэром?

В жизни никто не был так нежен с Полем, как Марго Бест-Четвинд в эти дни. Всюду - в сверкающих лифтах, в апартаментах и извилистых коридорах необъятного дома - он словно плавал в золотистом тумане. Утром, вставая с постели, он чувствовал, как какая-то птица щебечет у него в груди. Вечером, ложась спать, он склонял голову на руку, еще хранившую слабое благоухание изысканных духов Марго Бест-Четвинд.

- Поль, милый, - сказала она однажды, когда, держась за руки, они поднимались к беседке над прудом, на берегу которого на них только что напал лебедь. - Поль, мне не верится, что ты опять вернешься в эту кошмарную школу. Пожалуйста, напиши доктору Фейгану и откажись.

Беседку на пригорке у пруда воздвигли в восемнадцатом веке. Поль и Марго постояли на стертых каменных ступенях, по-прежнему держась за руки.

- Куда же мне податься? - молвил Поль.

- Миленький, я найду тебе работу.

- Какую, Маргарет? - Поль внимательно следил, как лебедь торжественно скользит по глади пруда, и не смел поднять глаза.

- Ну, Поль, ты бы остался тут... и защищал бы меня от лебедей... Ладно? - Марго замолчала, высвободила руку и достала из кармашка дамский портсигар.

Поль чиркнул спичкой.

- У тебя дрожат руки, милый! Ты слишком увлекаешься коктейлями, а Питер, хоть и неплохо их сбивает, злоупотребляет водкой. Право, я бы подыскала тебе приличную работу! Ты не должен возвращаться в Уэльс! На мне ведь дело покойного папы, это в Южной Америке. Разные там... увеселительные заведения, кабаре, пансионаты, театры... Ну, и всякое такое. Если хочешь, подберем тебе работу и будешь мне помогать.

Поль замялся.

Я ведь не говорю по-испански... - начал он.

Это было вполне уместное замечание, но Марго только фыркнула, отшвырнула папироску и сказала:

- Пойду переоденусь. Ты что-то сегодня не в духе... Поль снова и снова возвращался к этому разговору, нежась в глубокой малахитовой ванне, а пока одевался и завязывал галстук - дрожал, как проволочная обезьянка, вроде тех, что продают с лотков уличные торговки.

За обедом Марго болтала о всякой всячине - о том, как она хотела сделать новую оправу для драгоценностей, а ювелир все испортил, о том, что в лондонском особняке во избежание пожара пришлось ремонтировать электропроводку, о том, что управляющий виллой в Каннах нажил себе состояние в казино и отказался от места - придется теперь туда ехать и подыскивать нового человека, о том, что Общество охраны памятников архитектуры требует гарантий, что она не снесет свой замок в Ирландии, о том, что повар спятил и обед никуда не годится, о том, что Бобби Пастмастер опять просил денег на том основании, что она якобы обвела его вокруг пальца, когда совершалась купчая, и знай он, что она, Марго, снесет полдома, он запросил бы куда больше.

- Но Бобби не прав, - добавила Марго. - Ведь чем меньше я дорожу домом, тем меньше за него плачу, правильно? Ну да ладно, подкину ему немножко, а то он возьмет да и женится, а Питеру было бы очень неплохо получить от Бобби титул.

Потом, когда они остались наедине, она сказала:

- Бог знает что люди болтают о богатстве. Вообще-то, богатство - не сахар, и приходится все время работать, но я бы не хотела быть бедной или даже просто... состоятельной, и богатство мое ни на что не променяю. Ты бы хотел разбогатеть?

- Смотря каким путем, - ответил Поль.

- Какая разница!

- Нет, я не про то. Но, понимаешь, по-моему, есть только одна вещь на свете, от которой я бы сделался по-настоящему счастливым, и если бы это, ну... случилось, я бы, конечно, разбогател, но дело было бы все равно не в богатстве, а - как это тебе объяснить - если бы я даже был очень богат, но у меня не было бы того, что могло бы сделать меня по-настоящему счастливым, я был бы ужасно несчастен. Вот в чем фокус.

Золотце мое, это довольно туманно, - заметила Марго. - Но мне кажется, ты имеешь в виду что-то страшно приятное.

Он посмотрел на нее, и она не отвела глаз.

- Ну что, я права? - спросила она.

- Марго, милая, любимая моя, пожалуйста, будь моей женой! - Поль обнял ее и упал на колени перед ее креслом.

Я сегодня целый день хочу с тобой об этом поговорить...

Неужели и у нее дрогнул голос?

- Это значит "да", Марго? Ты вправду могла бы согласиться?

- Не понимаю, а почему бы нет! Надо только спроситься у Питера и еще кое-что обдумать, - ответила она, а потом, неожиданно: - Поль, мальчик, родной, иди сюда.

Они отыскали Питера в столовой. Он стоял у буфета и ел персик.

- Привет, ребята! - помахал он рукой.

- Питер, нам нужно кое-что тебе сказать, - обратилась к нему Марго. - Поль хочет на мне жениться.

- Bravo! - ответил Питер. - Лично я очень рад. Это вы этим занимались в библиотеке?

- Так ты не против? - спросил Поль.

- Я? Да я уже целую неделю об этом хлопочу. Затем я тебя сюда и привез. По-моему, грандиозная идея, - добавил он и приступил к новому персику.

- Ты - первый, к кому он так отнесся, Поль. Это добрый знак.

- Ах, Марго, давай поженимся сейчас же.

- Дорогой, я ведь еще не сказала "да". Я отвечаю утром.

- Нет, дай ответ сейчас, Марго. Я тебе хоть капельку нравлюсь?

Пожалуйста, выйди за меня замуж сию же минуту!

- Я отвечаю утром. Надо еще кое-что обдумать. Пошли пока в библиотеку.

В эту ночь Поль не мог заснуть. Он захлопнул книгу, потушил лампу, но так и остался лежать с открытыми глазами - и думал, думал обо всем на свете. Как и в первую ночь, он чувствовал, что путаный, бессонный дух этого дома висит над его изголовьем. И он, и Марго, и Питер, и сэр Хамфри Контроверс были всего-навсего незначительными эпизодами в жизни дома, новорожденного чудовища, извергнутого из чрева давно забытой, но все еще молодящейся культуры. Полчаса лежал он, глядя в темноту, пока мысли его не начали неспешно отделяться от него самого, и он понял, что засыпает. Очнулся он от негромкого поскрипывания двери.

Он ничего не видел и слышал только шорох шелка - кто-то вошел в комнату. Потом дверь затворилась.

- По-о-оль, ты спишь?

- Марго!

- Тише, милый, тише! Не включай света... Где же ты? Шелк зашуршал и соскользнул на пол.

- Надо все проверить, прежде чем решаться, правда, милый? Может, ты просто придумал, что любишь меня? И знаешь, Поль, ты мне так страшно нравишься, что было бы ужасно обидно ошибиться. Понимаешь?

Но, к счастью, ошибки не произошло, и на следующий день состоялась помолвка.

Глава 4

ВОСКРЕСЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Через несколько дней Поль, проходя через холл, повстречал низкорослого субъекта с длинной рыжей бородой, который ковылял за лакеем прямо в кабинет Марго.

- О господи! - ахнул Поль.

- Ни слова, старина! Ни слова! - прошипел бородач и захромал дальше.

Спустя несколько минут к Полю подошел Питер.

- Слушай-ка, Поль, - сказал он. - Угадай, с кем сейчас разговаривает мама?

- Я только что его видел, - ответил Поль. - Тут что-то кроется.

- Я никогда не верил, что он умер, - заметил Питер. - И Клаттербака этим утешал.

- Подействовало?

- Не очень, - вздохнул Питер. - Я доказывал, что, если б он и впрямь утопился, он бы отстегнул деревянную ногу и оставил ее на берегу, но Клаттербак на это ответил, что покойный очень серьезно относился к своей ноге. Чего ему надо от мамы?

Они подстерегли его на улице, и Граймс им все объяснил.

- Извиняюсь за бороду, - пробормотал он, - но так надо.

- Снова в луже? - спросил Поль.

- Не совсем в луже, но дела идут не блестяще. Мною заинтересовалась полиция. С самоубийством вышел конфуз. Я, впрочем, так и думал. Поднялся шум, почему, мол, никого не прибило к берегу, и куда девалась моя культяшка... А потом подвернулась моя первая женушка, и они призадумались. Отсюда - рыжая растительность. Ловко вы меня засекли!

Они вернулись в дом, и Питер сделал Граймсу восхитительный коктейль, состоявший в основном из абсента и водки.

- Вечная история... - жаловался между тем Граймс. - Старина Граймс опять на мели. А тебя, приятель, кажется, можно поздравить? Везет же людям... - Он прошелся взглядом знатока по стеклянному полу, мягкой пружинистой мебели, фаянсовому потолку и стенам,

обитым кожей. -Обстановочка на любителя, - заключил он, - но ты, надеюсь, будешь чувствовать себя как дома. Забавно, забавно, не думал здесь с вами повстречаться.

- Хотелось бы знать, - перебил его Питер, - чего вам надо от мамы.

- Счастье подвалило, - объяснил Граймс. - Вот как все вышло. Я смылся из Лланабы и не знал, куда податься. Перед отъездом я занял у Филбрика пятерку, еле на билет хватило, а в Лондоне с недельку пришлось потосковать. И вот сижу я как-то раз в кабаке на Шефтсбери-авеню, морда под бородой чешется, а на все про все осталось пять шиллингов, и вдруг вижу: на меня какой-то чудак уставился. Подходит он ко мне и говорит: "Капитан Граймс, если не ошибаюсь?" Я струхнул. "Нет, - отвечаю, - старина. Ошибочка вышла. Промашку даешь. Старина Граймс помер - утоп. За тех, кто в море, старик!" Встаю и иду к выходу. Тут я, конечно, сплоховал. Если я не Граймс, почему мне знать, что Граймс - покойник. Верно я говорю? А он и заявляет: "Очень, - говорит, - жаль. Я, - говорит, - слышал, что старина Граймс сел в лужу, а у меня как раз подвернулась для него стоящая работенка. Ну да ладно... Давай лучше выпьем". И тут до меня дошло, кто это такой. Ведь это, думаю, Билл, парень что надо, мы с ним в Ирландии в одной казарме жили. "Билл, - говорю я, - да ведь это ты! А я думал - легавый..." - "Все нормально, старина", - отвечает Билл и рассказывает, что после войны попал в Аргентину и там нанялся... - тут Граймс замолчал, словно что-то вспомнив, - нанялся в одно увеселительное заведение. Ночной клуб, так сказать. На этой работе ему подфартило, и назначили его директором всех увеселительных заведений на побережье. Английская фирма. Теперь он приехал в отпуск, подыскать себе пару помощников. "Мне, - говорит, - разные там макаронники не годятся. Бабники все до одного". А нужны ему ребята, которые могут за собой последить, когда дело касается женского пола. Наша встреча - просто благодеяние божье. Я понимаю так, что фирму основал дедушка нашего юного Бест-Четвинда, а миссис Бест-Четвинд продолжает его дело - вот меня и послали к ней представиться, испросить ее согласия насчет моего назначения. Мне и в голову не пришло, что это та самая дама, которая приезжала в Лланабу, еще когда Пренди так лихо надрался. До чего все-таки тесен мир!

- Мама согласилась? - спросил Питер.

- Согласилась, да еще дала пятьдесят фунтов подъемных на дорогу и добрый совет в придачу. Этот день Граймс запомнит навсегда. Кстати, что нового у старины Пренди?

- Как раз сегодня я получил письмо, - ответил Поль и показал его Граймсу.

"Дорогой Пеннифезер!

Благодарю Вас за письмо и прилагаемый чек. Нет нужды говорить, как огорчило меня известие о том, что Вы не продолжите Вашу работу у нас в следующем семестре. Я полагал, что нам предстоит длительное и плодотворное сотрудничество. В то же время я и вместе со мною мои дочери желаем Вам всяческого счастья в Вашей супружеской жизни. Надеюсь, Вы окажете влияние на Питера, дабы он продолжил занятия в нашей школе. На этого мальчика я возлагаю большие надежды: в будущем из него может выйти староста школы.

Пока что каникулы не принесли нам успокоения. Мне и моим дочерям досаждают молодая женщина ирландского происхождения, весьма уродливая и неблаговоспитанная. Она утверждает, что является вдовой несчастного капитана Граймса. В ее распоряжении находятся бумаги, которые как будто подкрепляют эту претензию. Полиция также не оставляет нас вниманием, задавая дерзкие вопросы касательно того, сколькими костюмами владел мой многострадальный зять.

Кроме того, я получил письмо от мистера Прендергаста: он также заявляет о своем желании оставить преподавательскую работу. Насколько я понял, он ознакомился со статьей известного епископа, из которой узнал, что на свете существует такая профессия, как "современный пастырь", причем оплачивается она так же, как труды обычного приходского священника, но не требует никаких религиозных убеждений. Ему это пришлось по вкусу, а мне добавило лишних хлопот.

Собственно говоря, я утратил желание продолжать работу в Лланабе. Одна синематографическая фирма, которой руководит, как это ни странно, некто сэра Соломон Филбрик, готова купить замок. По мнению фирмы, сочетание средневековья и эпохи Георгов в архитектурном стиле Лланабы сулит ей небывалые возможности. Моя

дочь Диана подумывает открыть лечебницу или отель. Так что, как видите, дела идут все хуже и хуже.

Искренне ваш
Огастес Фейган".

В тот день Поля ждал еще один сюрприз. Не успел уйти Граймс, как у подъезда появился высокий молодой человек в черной шляпе и с задумчивыми глазами и спросил мистера Пеннифезера. Это был Поттс.

- Дружище! - воскликнул Поля. - Как я вам рад!

- Я прочитал о вашей помолвке в "Таймсе", - объяснил Поттс. - Я тут был по соседству. Дай, думаю, зайду, на дом взгляну.

Поля и Питер провели его по всему особняку, объясняя по ходу дела, что к чему. Поттс пришел в восторг от светящегося потолка в кабинете миссис Бест-Четвинд, от каучуковых деревьев в оранжерее, от маленькой гостиной, пол которой представлял собой огромный калейдоскоп - стоило нажать на кнопку, и все начинало крутиться и вертеться. Потом они с Поттсом сели в лифт и вознеслись на самый верхний этаж высокой пирамидальной башни, откуда видны были стеклянные крыши и алюминиевые купола, сверкавшие в полуденном солнце, как искусственные алмазы. Но Поттс пришел не за этим. Когда они остались с Полем наедине, он невзначай спросил:

- Что это за коротышка я встретил у подъезда?

- Кажется, он из Общества по охране памятников архитектуры, - ответил Поля. - А что?

- Ты уверен? - разочарованно протянул Поттс. - Досадно! Опять я сбился со следа!

- Послушай, Поттс, ты что, работаешь по бракоразводным делам?

- Нет, нет, это я все для Лиги наций, - туманно ответил Поттс и принялся разглядывать осьминогов в аквариуме, украшавшем гостиную, где проходила беседа.

Марго оставила Поттса к обеду. Он силился произвести хорошее впечатление на профессора Силена, но потерпел неудачу. Не исключено, что появление Поттса и стало той последней каплей, после которой профессор покинул дом. Отбыл он на следующий день, с утра пораньше, не удосужившись прихватить или по крайней мере сложить свои вещи. Через два дня, когда дома никого не было, он приехал на машине и увез свою готовальню, а еще через некоторое

время явился опять, на этот раз за парой чистых платков и сменой белья. С тех пор в Королевском Четверге его не видели. Перед отъездом в Лондон Марго и Поль уложили его багаж и оставили в передней на тот случай, если он снова объявится. Так чемоданы и стояли: видно, лакеи не нашли в них ничего подходящего. Спустя некоторое время Марго увидела в церкви сына своего старшего садовника, щеголявшего в батиковом галстуке профессора Силенна. Это был единственный след, оставленный великим человеком, ибо к тому моменту Королевский Четверг успели перестроить еще раз.

Глава 5

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО "ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ УВЕСЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ"

В конце апреля Питер вернулся в Лланабу, после того как доктор Фейган сообщил, что продажа замка не состоялась, а Марго и Поль выехали в Лондон, чтобы начать приготовления к свадьбе. Вопреки всем ожиданиям, Марго настаивала на венчании со всеми его варварскими аксессуарами: шаферами, маршем Мендельсона и шампанским. Однако до свадьбы ей предстояло покончить с набежавшими латиноамериканскими делами.

- Мой первый медовый месяц был невозможно скучен, - говорила Марго, - и теперь мне не хочется рисковать. Вот приведем дела в порядок, и впереди у нас - три лучших месяца в нашей жизни.

Дела Марго заключались в беседах с молодыми дамами, желавшими наняться на работу в дансинги и кабаре. Не без некоторого сопротивления Марго разрешила Полю побывать на одной из таких бесед однажды утром. Делами Марго занималась в гимнастическом зале, который в ее отсутствие заново обставил коротышка Дэвид Леннокс, фотограф из отдела светской хроники. У входа по обе стороны стояли чучела бизонов. На полу лежал болотного цвета ковер в белую полосу, а по стенам висели рыбацкие сети. Люстры были в форме футбольных мячей, ножки мебели - в виде бит и клюшек для гольфа. По стенам расположились скульптурные группы, изображавшие спортсменов конца прошлого века, и портреты лучших баранов-производителей.

- Пошлость ужасная, - вздохнула Марго. - Но на девиц действует безотказно, а это главное. От мягкого обращения они быстро наплеют.

Поль сидел в углу (его кресло изображало надувную лодку) и восхищался деловитостью Марго. Утратив всю свою томность, она восседала за столом, покрытым шотландским пледом; ее перо повисло над чернильницей, вделанной в чучело куропатки. Марго казалась

живым воплощением эмансипации. Одна за другой потянулись девицы.

- Имя? - спрашивала Марго.

Помпилия де ла Конрадине.

Марго записывала.

- Настоящее имя?

- Бетси Браун.

- Возраст?

- Двадцать два года.

- Настоящий возраст?

- Двадцать два года.

- Стаж?

- Я два года работала в заведении миссис Розенбаум, мэм. На Джермин-стрит.

- Хорошо, Бетси, посмотрим, чем тебе можно помочь. Почему ты ушла от миссис Розенбаум?

- Она говорит, гостям требуется разнообразие.

- Сейчас мы все проверим. - Марго повернулась к телефону, стоявшему на пюпитре в виде боксерской перчатки. - Это миссис Розенбаум? Здравствуйте, это говорят из "Латиноамериканских увеселительных заведений". Что бы вы могли сказать о Помпилии де ла Конрадине?.. А-а-а, так вот в чем дело! Большое спасибо!.. Так я и думала. - Марго повесила трубку. - Увы, Бетси, в настоящее время ничего подходящего у нас нет.

Она нажала на кнопку, скрытую в глазу гипсовой форели, после чего вошла новая девушка.

- Имя?

- Джейн Граймс.

- Кто тебя сюда прислал?

- Один господин из Кардиффа. Он велел передать вам вот это...

- Девушка достала изжеванный конверт и положила его на стол.

Марго вынула записку и прочла.

- Ага. Значит, ты раньше никогда этим не занималась, Джейн?

- Ни разу в жизни, мэм.

- Но ведь ты была замужем!

- Да, мэм, но было это на войне, и он был очень пьяный.

- Где теперь твой муж?

- Говорят, умер.

- Отлично, Джейн. Ты нас вполне устраиваешь. Когда ты можешь выехать?

- А когда надо?

- В Рио есть вакансия - я хочу заполнить ее к субботе. Туда едут две очень славные девочки. Хочешь с ними?

- С удовольствием, мэм.

- Тебе нужны деньги?

Пригодились бы. Я хочу немножко послать папаше. Можно?

Марго вынула из ящика несколько банкнот, пересчитала их и написала расписку.

- Подпишись вот здесь. Твой адрес у меня есть. Завтра или послезавтра тебе принесут билет. Как у тебя с платьями?

- Одно красивое, шелковое. Но оно в Кардиффе, и остальные вещи тоже. Тот господин говорил, что мне выдадут все новое.

- Правильно. Я запишу. Обычный порядок такой: наш агент выбирает платья, а потом у тебя за них вычитают из жалованья.

Миссис Граймс вышла, а на ее месте очутилась новая девушка.

К обеду Марго устала.

- Эта, слава богу, последняя, - сказала она. - Ты очень скучал, мой ангел?

- Марго, ты чудо! Вылитая римская императрица!

- А ты, наверно, мученик первых веков христианства, милый...

- Нет, почему же, - ответил Поль.

- На той стороне улицы околачивается молодой человек, весьма смахивающий на твоего друга Поттса, - сообщила Марго, подойдя к окну. - И знаешь, дорогой, он остановил бедняжку, которая только что была тут, она еще хотела взять с собой братика и дочек.

- Значит, это не Поттс, - зевнул Поль. - Одного я никак не возьму в толк, Марго: почему ты нанимала как раз тех девушек, у которых совсем нет опыта? Самым неопытным ты обещала самое большое жалованье.

- Разве? Наверно, это потому, милый, что я сегодня безумно счастлива.

В эту минуту Поля вполне удовлетворило такое объяснение, но возвращаясь к нему впоследствии, Поль вынужден был признать, что

поведение Марго в гимнастическом зале никак нельзя было назвать беззаботным.

- Давай пообедаем в городе, - предложила Марго. - Мне надоело сидеть дома.

Они перешли освещенную солнцем Беркли-сквер. На крыльце стоял ливрейный лакей. По Хей-хилл протарахтела тележка шляпника, украшенная королевским гербом; на козлах восседал человек в фуражке с кокардой. Толстая дама, развалившаяся в старомодном открытом автомобиле, кивнула Марго; так, наверное, здоровались при дворе принца-консорта. Казалось, весь Мейфер пульсирует в такт с биением сердца мистера Арлена^[27].

За соседним столом в "Maison basque"^[28] сидел Филбрик и ел горьковатую мелкую землянику, которая не стоит ни гроша в Провансе, но обходится в целое состояние на Довер-стрит.

- Что ж вы ко мне не заглядываете? - сказал он. - Я тут устроился неподалеку, в "Беттсе".

- Говорят, вы покупаете Лланабу? - спросил Поль.

- Было у меня такое намерение, - кивнул Филбрик. - Да, признаться, уж больно далеко.

- После того как вы скрылись, за вами приходили из полиции, - сообщил Поль.

- Рано или поздно они меня сцапают, - согласился Филбрик. - Но все равно - спасибо. Кстати, передайте вашей невесте, что ее тоже скоро навестит полиция, если она не будет осторожнее. Комиссия Лиги наций не дремлет.

- Не понимаю, о чем это вы! - пожал плечами Поль и вернулся за свой столик.

- Бедняга, видимо, совсем спятил, - заключила Марго, когда Поль передал ей этот разговор.

Глава 6

НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ ПЕРЕД СВАДЬБОЙ

Между тем в половине лондонских магазинов делались закупки к свадьбе. Поль просил Поттса быть шафером, но из Женевы пришел письменный отказ. В других обстоятельствах он бы удивился, но за последние две недели Поль получил такое количество писем и приглашений от незнакомцев, что единственное чувство, мешавшее Полю найти Поттсу замену, было нежелание обидеть кого-нибудь из новых, но столь милых его сердцу друзей. В конце концов он остановился на Аластере Дигби-Вейн-Трампингтоне, поскольку считал, что своим теперешним счастьем обязан в значительной мере именно ему, пусть даже косвенно. Сэр Аластер охотно согласился и занял у Поля денег на новый цилиндр, ибо старый, по его словам, куда-то запропастился.

В письме с Онслоу-сквер, которое Поль оставил без ответа, его опекун ясно давал понять, что дочь опекуна почтет личным оскорблением, подрывающим ее положение в обществе, если не окажется в числе подружек невесты.

В глазах широкой публики женитьба Поля выглядела чрезвычайно романтично. Быть может, произвели впечатление отвага и предприимчивость, с которыми Марго (это после десяти лет вдовства!) по собственному почину еще раз подвергла себя тысяче и одной муке великосветской свадьбы, а может быть, неожиданное превращение школьного учителя Поля Пеннифезера в миллионера затронуло во всех живую еще струну надежды, так что каждый, склоняясь над пишущей машинкой или гроссбухом, мог воскликнуть: "Как знать, а может, и я..." Так или иначе, среди людей попроще эта свадьба пользовалась небывалым успехом. Подстрекаемая бульварными газетами, огромная толпа поджидала новобрачных у церкви Святой Маргариты, вооруженная, как перед театральной премьерой, складными стульчиками, домашними бутербродами и спиртовками; к половине третьего, невзирая на проливной дождь, она расплзлась до таких размеров, что полицейским пришлось взяться за

дубинки, но все равно -многих из приглашенных чуть не задавили до полусмерти у входа в церковь, а вдоль дороги, по которой должна была проехать машина Марго, выстроились, как на похоронах, десятки заплаканных, растрепанных женщин.

Приличное общество выражало свое одобрение более сдержанно, а леди Периметр тайком вздыхала о девяностых годах: в те времена Эдуард, принц Уэльский, законодатель хорошего тона, наверняка безоговорочно осудил бы абсурдный брак Марго.

- И дернуло же Тангенса не вовремя умереть! - повторяла Леди Периметр. - Все решат, что я п о э т о м у не присутствовала на свадьбе... Впрочем, там и так никого не будет!

- Говорят, что ваш племянник Аластер Трампингтон - шафер, - заметила леди Вагонсборо.

- Вы, я вижу, осведомлены не хуже моей маникюрши, - мрачно ответствовала леди Периметр, и весь Лоундес-сквер содрогнулся, когда она хлопнула дверью.

В манежах консервативного Мейфера и в верхних этажах Шепердс-маркет и Норс-Одли-стрит, где обретаются безутешные неженатые модники, когда им негде провести вечер, открыто выражалось сожаление о том, что добыча выскользнула из их украшенных перстнями рук, и не один модный танцовщик с тревогой справлялся в банке, переведена ли в этом месяце на его счет обычная сумма. Но Марго не изменила своим прежним обязательствам и целые косяки молодых людей, которые не могли раньше похвастаться ничем, кроме отменного аппетита, получили приглашения на свадьбу, а маленький Дэвид Леннокс, прославившийся тем, что в продолжение трех лет никому не давал "бесплатных сеансов", сделал два выразительных фото, на которых был виден затылок Марго, и еще одно -отражение ее рук в чернильнице.

За неделю до свадьбы Поль переехал в "Ритц", и Марго вплотную занялась покупками. Пять-шесть раз на дню к Полю являлись посыльные, доставляя различные побочные продукты ее деятельности - то платиновый портсигар, то халат, то булавку для галстука, то запонки, а сам Поль с необычной для него расточительностью купил три пары новых ботинок, два галстука, зонтик и собрание сочинений Пруста. Марго определила ему годовое содержание в две тысячи фунтов.

Вдали от Лондона, на Корфу, судорожно приводили в порядок адриатическую виллу миссис Бест-Четвинд, дабы она могла провести там первые недели своего свадебного путешествия. Гигантская резная кровать, некогда принадлежавшая Наполеону I I I, была застелена к ее приезду благоуханным бельем и завалена подушками беспримерной мягкости. Обо всем этом до мельчайших подробностей сообщалось в газетах, и немало молодых репортеров в эти дни удостоилось похвалы за изящество слога.

Однако возникали и кое-какие затруднения.

За три дня до свадьбы, когда Поль, развалившись на диване, просматривал утреннюю почту, позвонила Марго.

- Дорогой, - сказала она, - произошла неприятность. Помнишь девиц, которых мы недавно отослали в Рио? Так вот, они почему-то застряли в Марселе. Не пойму, в чем дело: кажется, что-то с паспортами. Марсельский агент дал мне очень странную телеграмму, не хочет больше на меня работать. Ну надо же, чтобы это произошло именно сейчас! Нужно обязательно кончить это дело к четвергу. Может быть, ты будешь лапочкой и съездишь туда - ради меня. Там всего-то дел: сунуть кому надо сотню-другую франков. Если лететь аэропланом, в запасе останется масса времени. Я бы сама слетала, но ты ведь знаешь, милый, у меня буквально ни минуты свободной.

В дороге Поль не скучал. В Кройдонском аэропорту он встретил Поттса, в кожаном пальто и с портфельчиком в руках.

- Задание Лиги наций, - пояснил Поттс, и после взлета его дважды стошнило.

В Париже Полю пришлось заказывать специальный рейс. Его провожал Поттс.

- Зачем тебе в Марсель? - спросил он. - Ты ведь женишься.

- Я туда на пару часов. Деловое свидание, - ответил Поль. Как это похоже на Поттса, думал он, решить, что такое пустяковое путешествие может расстроить свадьбу. Поль чувствовал себя гражданином мира: сегодня "Ритц", завтра Марсель, послезавтра Корфу, а там весь мир к его услугам, как огромный отель, - все уступают ему дорогу, кланяются и бросают под ноги орхидеи. Как жалок и провинциален этот Поттс со всей своей болтовней о всемирном братстве!

Поздно вечером Поль прилетел в Марсель. Он заказал буйабесс и бургундское и отобедал у Бассо, на веранде под тентом, глядя на тысячи огоньков, отраженных неподвижной водой. Пока Поль оплачивал счет, прикидывал, сколько дать на чай, и катил на извозчике с открытым верхом в старый город, он чувствовал себя бывалым человеком.

- Они скорее всего "У Алисы", на рю де Ренар, - объясняла Марго. - Если сразу не отыщутся, назовешь мое имя.

На углу рю Вантомаржи коляска остановилась. По узенькому, оживленному переулочку извозчику было не проехать. Поль расплатился.

- Merci, monsieur! Gardez bien votre chapeau^[29], - посоветовал извозчик и укатил.

Размышляя над тем, что могла бы означать эта фраза, Поль, уже менее уверенно, двинулся по булыжной мостовой. Дома, весело освещенные от подвалов до чердаков, нависали над ним с обеих сторон. Между ними раскачивались фонари. По середине улицы пролегла неглубокая сточная канава. Декорации вряд ли могли бы быть более зловещими, даже если бы их смастерили в Голливуде, чтобы отснять сцены беспощадного якобинского террора. В Англии, размышлял Поль, такую улицу давным-давно спас бы мистер Неф, ее бы охраняло государство, на ней торговали бы мельхиоровыми ложечками, цветными открытками и "девонширским" чаем. Здесь же поторговывали кое-чем другим. Не требовалось особой житейской мудрости, чтобы сообразить, в каком квартале очутился Поль. И это он, который с путеводителем в руках бродил во время оно по заброшенным улицам Помпеи?!

Неудивительно, решил Поль, что Марго торопится вырвать своих подопечных из этого средоточия соблазнов и опасностей.

В стельку пьяный негр в тельняшке поприветствовал Поля на языке, неведомом сынам человеческим, и пригласил его выпить. Поль шархнул в сторону. Как характерно для Марго в вихре удовольствий найти время, чтобы позаботиться о несчастных, которых она, сама того не ведая, подвергла таким неприятностям!

Не обращая внимания на разноязыкие приглашения, сыпавшиеся со всех сторон, Поль шел вперед. Какая-то девица сорвала с него шляпу. В освещенном дверном проеме мелькнула голая нога. Затем та

же девица показалась в окне и предложила ему зайти, чтобы получить шляпу назад.

Над ним, казалось, потешалась вся улица. Поль заколебался. Потом в панике, лишившись и шляпы и остатков самообладания, он повернулся и побежал что есть мочи назад, к широким улицам и электрическим трамваям, туда, где, как он чувствовал в глубине души, находится его духовная родина.

При свете дня старый город уже не казался таким страшным. На веревках между домами сушилось свежевывстиранное белье, в сточных канавах журчала чистая вода, а улицы были запружены пожилыми матронами с корзинами, полными рыбы. Заведение "Chez Alice"^[30] не обнаруживало никаких признаков жизни, и Поль звонил и звонил, пока на пороге не появился дряхлый всклокоченный швейцар.

- Avez-vous les jeunes filles de Madam Beste-Chetwynde?^[31] -спросил Поль, остро переживая всю нелепость своего вопроса.

- Тут они, мистер, тут, входите, - сказал швейцар. - Мадам сообщила о вашем приезде по телеграфу.

Миссис Граймс и ее подружки еще не были одеты, но тем не менее восторженно встретили Поля, притом в халатах, цвет которых вполне удовлетворил бы вкусам старшей мисс Фейган. Они объяснили, в чем суть затруднения с паспортами: по мнению Поля, единственной причиной было то, что власти не разобрались в сути их будущей работы в Рио. Ни одна из девушек не говорила по-французски - вот и вышла путаница.

Все утро он бегал по консульствам и полицейским участкам. Дело обстояло сложнее, чем он предполагал: чиновники встречали его либо явным пренебрежением, либо туманными намеками и подмигиваниями.

"Если бы вы к нам обратились полгода назад... - говорили они. - Но раз сама Лига наций..." И они беспомощно разводили руками. Может быть, в самый последний раз это и удастся устроить, но мадам Бест-Четвинд должна наконец понять, что есть проформа, к которой следует относиться с уважением. В конце концов молодые дамы были оформлены как горничные на пароходе.

- Пусть себе сходят в Рио, - согласился капитан. - Персонала у меня и без них хватит. Вы говорите, у них там работа? Надо думать, их хозяева как-нибудь договорятся с тамошними властями.

Однако на то, чтобы все устроить, у Поля ушло несколько тысяч франков.

Что за странная организация - эта Лига наций! - возмущался Поль. - Вместо того чтобы помочь, они только мешают. К его удивлению, полицейские в ответ только гоготали.

Поль проводил девиц, и все три расцеловали его на прощанье. Возвращаясь с причала, он опять встретил Поттса.

- Я приехал утренним поездом, - сообщил Поттс. Поль хотел было высказать свое мнение о Лиге наций и ему, но, вспомнив, как многословен Поттс в пылу спора и что срочно надо уезжать из Марселя, решил оставить свою критику до лучших времен. Он дал Марго телеграмму: "Все устроил. Буду утром. Целую", - после чего немедленно вылетел в Париж, гордясь, что наконец-то сделал полезное дело.

Поль вернулся в "Ритц" в десять часов утра в день свадьбы. Лупил дождь, и Полю хотелось поскорее побриться и отдохнуть. У входа в номер его поджидали газетчики, но он отказался их принять. В номере сидел Питер Бест-Четвинд, в первый раз в жизни надевший визитку и выглядевший очень изысканно.

- Меня на один день отпустили из Лланабы, - сказал он. - По правде говоря, я себе жутко нравлюсь в этом костюме. На всякий случай я купил тебе бутоньерку. На тебе лица нет, Поль.

- Я устал, Питер. Сделай милость, наполни ванну. Приняв ванну и побрившись, Поль немного ожил. Питер уже успел заказать шампанского и был слегка навеселе. Он бродил по комнате с бокалом в руке и без умолку болтал, то и дело поглядывая на себя в зеркало.

- Шикарно, - повторял он. - Особенно галстук, правда, Поль? Я и в школу заявлюсь в визитке. Тогда все поймут, кто я такой. Ты хоть обратил внимание, что я дал тебе ту бутоньерку, которая побольше? Ты просто не представляешь, что творится в Лланабе. Скажи маме, чтобы она меня оттуда забрала. Клаттербака уже забрали, а Тангенс умер. У нас три новых учителя, один другого хуже. Первый похож на твоего друга Поттса, только он заикается, и Брюкс клянется, что у него стеклянный глаз. Другой, рыжий, все время дерется, а третий - довольно симпатичный, да только припадочный. Доктор Фейган от них тоже не в восторге. На Флосси вообще смотреть больно. Может, мама подыщет ей работу в Южной Америке? У тебя отличный жилет.

Я сперва хотел надеть такой же, но потом решил, что слишком молод. Как ты считаешь? В школе был репортер, про тебя выспрашивал. Брюкс гениально ему наплел, что вы вместе ходили купаться по вечерам, и часами плавали в темноте, слагая печальные стансы, но потом все испортил - сказал, что у тебя перепончатые лапы и чешуйчатый хвост. Тут репортер, конечно, смекнул, что его надули... Ну до чего же я шикарно смотрюсь!

Поль оделся, и к нему вернулось ощущение благополучия. Он как будто выглядел неплохо. Затем пришел Аластер Дигби-Вейн-Трампингтон и выпил шампанского.

- Эта свадьба, - заявил он, - самое выдающееся событие за всю историю нашего поколения! Представь себе, "Санди Мейл" заплатила мне пятьдесят фунтов за то, что я подписал статью, в которой рассказывается о переживаниях шафера. Боюсь только, любой дурак догадается, что это не я писал, - больно ловко закручено. Кстати, я получил потрясающее письмо насчет вашей свадьбы от тети Греты. Ты уже видел подарки? Аргентинский консул преподнес тебе сочинения Лонгфелло в кожаном зеленом переплете, а декан Скона прислал оловянные тарелки, те самые, которые висели у него в гостиной.

Поль вставил гардению в петлицу, и они отправились завтракать. Кое-кто в ресторане явно относился к числу приглашенных на свадьбу, и Поль испытал некоторое удовольствие, оказавшись в центре внимания всего зала. Метрдотель, рассыпаясь в поздравлениях, провел их к столику. Питер заранее заказал завтрак.

- Не знаю, успеем ли мы все съесть, - сказал он, - но, к счастью, закуска вкуснее всего остального.

Когда Поль принялся за второе яйцо чайки, его попросили к телефону.

- Дорогой, - раздался в трубке голосок Марго, - у тебя все в порядке? Я так волновалась, пока ты был в отъезде! У меня было такое предчувствие, будто что-то помешает тебе вернуться. Ты хорошо себя чувствуешь, милый?.. Да, у меня все великолепно. Я сейчас в спальне, буду завтракать дома, и вообрази, мой мальчик, мне кажется, что я еще невинна, невинна, как девочка. Надеюсь, что мое платье тебе понравится. Оно от Буланже, дорогой. Ты не рассердишься? Счастливо, милый, и не давай Питеру напиваться!

Поль вернулся в ресторан.

- Я съел все яйца, - признался Питер. - Ничего не мог с собой поделать.

В два часа они покончили с завтраком. Подержанная "испансюиза" миссис Бест-Четвинд ждала на Арлингтон-стрит.

- Выпьем еще по одной перед отъездом, - предложил Полю шафер. - У нас и так полно времени.

- Мне, вообще-то, не стоит, - сказал Поль. Они налили себе коньячку.

- Странное дело, - проговорил Аластер Дигби-Вейн-Трампингтон. - Кто бы подумал, что этим кончится вся эта боллинджеровская история!

Поль покрутил коньяк в рюмке, отдал должное его сложному букету и провозгласил:

- За Судьбу, эту коварную даму!

Кто из вас будет мистер Поль Пеннифезер, джентльмены?

Поль поставил рюмку, обернулся и увидел перед собой немолодого мужчину с военной выправкой.

- Это я, - сказал Поль, - но если вы из газеты, у меня сейчас нет для вас времени.

- Я инспектор Брюс, из Скотланд-Ярда, - представился незнакомец. - Не могли бы вы переговорить со мной наедине?

- Послушайте, инспектор, - ответил Поль, - я очень спешу. Вы, наверно, насчет охраны подарков? Надо было прийти раньше.

- Нет, подарки тут ни при чем, а раньше я прийти не мог, потому что ордер на ваш арест был подписан минуту назад.

- Послушайте-ка, - вмешался Аластер Дигби-Вейн-Трампингтон, - не будьте кретином. Это не тот, кого вы ищете. Над вами будет смеяться весь Скотланд-Ярд. Это - мистер Пеннифезер, он сегодня вступает в законный брак.

- Насчет брака никаких указаний у меня нет, - ответил инспектор Брюс. - Зато есть ордер на его арест, и все, что он скажет, может быть использовано как свидетельство против него. Что касается вас, молодой человек, то на вашем месте я не стал бы оскорблять представителя власти при исполнении служебных обязанностей.

- Тут какая-то ужасная ошибка, - сказал Поль. - Я все-таки пройду с этим человеком. Свяжись с Марго и объясни ей, в чем дело.

На добродушной розовой физиономии сэра Аластера выразилось глубочайшее потрясение.

Боже мой! - заохал он. - Чертовски забавно! То есть было бы чертовски забавно в любой другой ситуации...

Но Питер, белый как полотно, уже выходил из ресторана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

"НЕ В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ - ТЮРЬМА" [32]

Поля судили через месяц в Олд Бейли; процесс жестоко разочаровал публику, газетчиков, присяжных и адвокатов. Арест в "Ритце", сообщение о том, что свадьба отложена, бегство Марго на Корфу, отказ выпустить Поля под залог, судки с обедами от Булестена, доставлявшиеся Полю прямо в камеру, - обо всем этом кричали газеты. После этого приговор суда прозвучал недостаточно внушительно. Сперва Поль признал себя виновным по всем пунктам, несмотря на уговоры адвоката, но потом несколько оживился и сделал слабую попытку защититься, когда судья предупредил его, что за подобные преступления закон предусматривает наказание плетьюми. Впрочем, суд был скучен. Поттс, главный свидетель обвинения, был нестигаем и под конец удостоился благосклонного отзыва судьи; защита же не смогла представить никаких аргументов в пользу обвиняемого, кроме его примерного поведения в прошлом; имя Марго Бест-Четвинд не упоминалось, хотя в заключительном слове судья и сказал, что "всем известны наглость и бессердечие, с которыми - буквально накануне ареста за это позорнейшее из преступлений - обвиняемый готовился вступить в брак с лицом, чье имя украшает историю Британии, и замарать в пучине порока даму безупречной репутации, редкой красоты и выдающегося общественного положения". "Справедливый гнев общества, - сказал далее судья, - вот что ждет тех неустойчивых и невоздержанных людей, которые черпают наслаждение на греховном рынке живого товара, и по сей день пятнающем лик нашей цивилизации; но для самих торговцев, этих вампиров, которые питаются падалью и отбросами человечества, общество уготовило безжалостную кару".

Итак, Поль очутился в тюрьме, а в газетах, теперь уже не на самом видном месте, появились заголовки: "Приговор великосветскому жениху" и "Мнение присяжных о вампирах". Для широкой публики тем дело и кончилось.

Впрочем, еще до суда произошел разговор, заслуживающий внимания всех тех, кто интересуется путаными событиями, в которых

известную роль сыграл Поль Пеннифезер. Незадолго до процесса в камеру Поля явился Питер Бест-Четвинд.

- Привет! - сказал Поль.

- Привет, Поль, - кивнул ему Питер. - Мама просила, чтобы я к тебе зашел. Она велела узнать, приносят ли тебе обеды - за них заплачено. Думаю, все очень вкусно: заказывал-то я. Мне казалось, что тебе захочется чего-нибудь полегче, не слишком сытного...

- Обеды превосходны, - ответил Поль. - А как Марго?

- Я, собственно, затем и пришел. Марго уехала.

- Куда?

- На Корфу. Совсем одна. Это я ее заставил - она хотела прийти на суд. Сам понимаешь, газетчики и знакомые нам проходу не давали. Ты на нее не сердись, а, Поль? Да, вот еще что! Полицейский нас не услышит? Вот какое дело. Помнишь этого старикашку, Контроверса? Он теперь министр внутренних дел. Явился он к маме - прямо как в романах Оппенгейма^[33] - и сказал, что, если она за него пойдет, он тебя вызволит. Видно, романов начитался. Мама думает: может, он и прав, и хочет узнать твое мнение. Она-то считает, что сама во всем виновата, и, чтобы помочь, пойдет на что угодно и куда угодно - только не в тюрьму, разумеется. Вообрази себе маму - в тюрьме! Так выходить ей за Контроверса? Тогда тебя выпустят. Или ждать, пока ты сам не выйдешь и на ней не женишься? Вопрос стоит ребром.

Поль вспомнил профессора Силена: "Лет через десять она начнет барахлить", - но сказал:

- Лучше пусть ждет.

- Я так и знал, что ты так скажешь. Поль, я ужасно рад. Мама еще говорит: "Мы с ним оба знаем, как и чем я могу его за все это отблагодарить". Ее собственные слова. Тебе ведь дадут не больше года, а?

- Да, уж конечно, не больше, - ответил Поль. Его приговорили к семи годам тюремного заключения. "Лет через десять она начнет барахлить", - повторял он, пока трясся в "черном вороне" по дороге в Блекстонскую тюрьму.

В тюрьме Поль сразу же встретил множество людей, среди которых оказалось и несколько старых знакомых. Первым, кого он видел, был надзиратель с дегенеративным лбом и злобными повадками.

Он с грехом пополам записал фамилию Поля в регистрационную книгу и отвел его в камеру. Судя по всему, надзиратель был в курсе газетных новостей.

- Что, не похоже на "Ритц"? - спросил он. - Мы таких субчиков не любим, понял? Мы их живо берем в оборот. Живо выьем у тебя "Ритц" из головы, альфонс ты эдакий.

Однако тут он ошибся, ибо через минуту перед Полем предстал Филбрик. Правда, арестантская куртка была ему велика, а щеки поросли щетиной, но манеры у Филбрика были по-прежнему великосветские.

- Я так и знал, что скоро мы увидимся вновь, - заявил он. - Меня, по знакомству, определили банщиком. Для вас я придержал лучшие штаны и замечательную куртку - без единой вошки!

Он бросил на лавку стопку белья. На белье стояли штампы в виде большой черной стрелы. Вернулся надзиратель, и за ним - другой, очевидно, его начальник. Вдвоем они старательно описали все, что было на Поле.

- Туфли коричневые, одна пара. Носки фасонные, одна пара. Помочи черные шелковые, одна пара, - монотонно вещал надзиратель. - В жизни не видел, чтобы на одном человеке было столько барахла!

Не раз они останавливались и спорили, как пишется то одно, то другое слово, так что опись продолжалась довольно долго.

- Портсигар белого металла, с двумя сигаретами. Часы белого металла. Булавка для галстука, фасонная.

Знал бы надзиратель, что Марго выложила за эту булавку куда больше, чем он зарабатывал за год!

Запонки костяные, одна пара. Запонки для манжет, фасонные.

Надзиратели недоуменно разглядывали золоченое кольцо для сигар, подарок шафера.

- Чего это?

- Это для сигар.

- Ишь язык распустил! - возмутился надзиратель и шлепнул Поля по голове туфлями, которые в тот момент держал в руках. - Запиши: инструмент. Ну, вот и все! - подытожил он. - У тебя есть вставные зубы? Тебе разрешается оставить их при себе - мы только запишем.

- Нет, - ответил Поль.

- Имеется ли суспензорий или иные гигиенические приспособления?

- Нет, - ответил Поль.

- Ладно. Иди в баню!

Поль отсидел положенные десять минут в теплой лужице положенной температуры, вдыхая бодрящий запах дезинфекции, после чего оделся во все тюремное. Утрата личных вещей вызвала в нем, как ни странно, приятное чувство безопасности.

- Вы роскошно смотрите! - восхитился Филбрик. Затем Поля повели к тюремному врачу, который сидел за столом, заваленным формулярами.

- Фамилия? - спросил врач.

- Пеннифезер.

- Находились ли на излечении в психиатрических лечебницах или других родственных учреждениях? Если да, то сообщите подробности.

- В течение двух лет я учился в колледже Скон, в Оксфорда - ответил Поль.

Врач поднял голову и в первый раз взглянул на него.

Оставьте ваши прибауточки, любезный, - процедил он. - Я на вас мигом натяну смирительную рубашку.

- Извините, - пробормотал Поль.

- Отвечать только на прямые вопросы врача! - зарычал за спиной надзиратель.

- Извините, - механически повторил Поль и получил пинок в зад.

- Страдаете туберкулезом легких или другими заразными заболеваниями? - осведомился врач.

- Насколько мне известно, нет, - ответил Поль.

- Тогда у меня все, - сказал врач. - Освидетельствование показало, что к вам могут применяться все виды обычных дисциплинарных взысканий, а именно: наручники, ручные, а равно и ножные кандалы, смирительная рубашка, связывание в "козлы", карцер, диета номер один, диета номер два, а также розги и плеть. Жалобы имеются?

- Как, и все это сразу? - в ужасе спросил Поль.

- Сразу, если будешь задавать нахальные вопросы. Последите за этим субъектом, надзиратель. Он, судя по всему, любит мутить воду.

- Иди сюда, ты! - рявкнул надзиратель.

Они прошли по коридору и спустились по железной лестнице. По обе стороны тянулись длинные галереи с металлическими перилами, а в каждую галерею выходило множество дверей. Между этажами были натянуты проволочные сетки.

- Не вздумай дурить, - сказал надзиратель. - В нашей тюрьме самоубийства запрещаются, ясно тебе? Вот твоя камера. Содержи ее в чистоте, не то я тебе задам. А это - твой номер.

Он пришил к куртке Поля желтый кружок.

- Совсем как у носильщиков, - не удержался Польш.

Заткнись ты..., - ответил надзиратель и хлопнул дверью.

"Со временем я начну, наверно, уважать этих людей, - подумал Польш, - они, в сущности, куда безобиднее всех тех, кого я знал раньше".

Следующим на очереди был учитель тюремной школы. Отворилась дверь, и в камеру вошел молодой человек в твидовом костюме, с нездоровым цветом лица.

- "Дэ чэтыреста двенадцать", вы умеете читать и писать? - спросил учитель.

- Да, - ответил Польш.

- В какой школе вы учились?

- В закрытом интернате, - ответил Польш (в привилегированной школе, где он учился, этому придавали большое значение).

- Каков был ваш уровень по окончании школы?

Понятия не имею. У нас никаких уровней не было.

Учитель записал фамилию Поля в тетрадку, а сбоку приписал: "Нарушения памяти". Затем он вышел и через минуту вернулся с книжкой.

- Постарайтесь одолеть эту книгу за месяц, - попросил он. - По утрам будете ходить на занятия. Это совсем не трудно, раз уж вы умеете читать. Книгу начинают читать вот отсюда, - добавил он, заботливо открывая ее перед Полем на первой странице.

Это был учебник грамматики, изданный в 1872 году.

- "Слог представляет собою целокупное звучание, производимое одним усилием голоса", - прочел Польш. - Благодарю вас, - сказал он. - Мне это будет очень интересно.

- Если покажется трудновато, вы ее через месяц обменяете, - успокоил его учитель. - Но вы все же постарайтесь дочитать до конца.

Дверь захлопнулась.

Следующим пришел священник.

- Вот ваша Библия, вот молитвенник. Библия остается у вас на все время. Молитвенник можно менять раз в неделю, по желанию. Вы принадлежите к англиканской церкви? Посещение церковной службы добровольное: это значит, что вы либо никогда не ходите в часовню, либо ежедневно.

Священник торопился и нервничал. Работа была ему внове, а за день он побывал уже у пятидесяти арестантов, один из которых надолго задержал его рассказом о видении, явившемся ему ночью.

Привет, Пренди! - ахнул Поль.

Мистер Прендергаст встревоженно взглянул на него.

- Я вас не узнал, - промолвил он. - В тюремной одежде все на одно лицо. Это крайне неприятно, Пеннифезер. Я читал, что вас посадили, и все время боялся, что вас пришлют именно сюда. О боже мой, боже! Теперь все совсем запутается.

- В чем дело, Пренди? Опять Сомнения?

- Да нет же! Дело в дисциплине, дисциплина - мой бич. Я здесь всего неделю. Мне очень повезло, очень. Епископ сказал, что, по его мнению, современному пастырю легче развернуться здесь, чем в обычном приходе. К тому же начальник тюрьмы мыслит весьма современно. Но выяснилось, что преступники еще хуже мальчишек. Они притворяются, будто исповедуются, а сами нашептывают мне всякую мерзость и ждут, что я на это скажу. В часовне они хихикают, и все время уходит на то, что надзиратели приводят их в чувство. Получается крайне неблагочестиво. Сегодня утром кое-кого посадили на диету номер один - они распевали в церкви неприличные стишки на мотив гимна, - и, конечно, за это меня возненавидели. Пожалуйста, Пеннифезер, если вам не трудно, не зовите меня Пренди. И потом, если кто будет проходить мимо, встаньте, когда со мной разговариваете. Понимаете, так положено. И так уж главный надзиратель провел со мной беседу о значении дисциплины.

В этот момент надзиратель через глазок заглянул в камеру.

- Вы должны осознать всю тяжесть содеянного вами и всю справедливость возмездия, - громко изрек мистер Прендергаст. - Покайтесь перед Господом.

В камеру вошел надзиратель.

- Извиняюсь, что помешал, сэр, но этого типа вызывает к себе начальник. Дальше по коридору сидит "Дэ четыреста восемнадцать". Он уже который день к вам просится. Я обещал, что передам, только извините, если что не так, сэр: с ним надо построже. Он у нас не впервой. Это форменная лиса, сэр, вы уж извините, и молится он, только если знает, что будет с барышом.

- Это мне решать, а не вам, надзиратель, - с достоинством ответил мистер Прендергаст, - можете увести "Дэ четыреста двенадцать".

Сэр Уилфред Лукас-Докери ни по природе своей, ни по образованию не был предназначен на пост начальника тюрьмы. Этим назначением он был обязан лейбористскому министру внутренних дел, которого потряс составленный сэром Уилфредом меморандум касательно науки о тюрьмах, приложенный к докладу о борьбе с лицами, уклоняющимися от несения воинской службы. До того времени сэр Уилфред возглавлял кафедру социологии в Мидлендском университете, и только самые близкие его друзья и избранные, любимейшие ученики знали, что за личиной чудаковатого профессора сэр Уилфред скрывает пылкое желание послужить своему поколению на политической арене. Дважды он выдвигал свою кандидатуру в парламент, но с такой робостью, что на него почти не обратили внимания. Полковник Мак-Аккер, его предшественник на тюремном посту, ветеран многочисленных безымянных войн на афганской границе, сказал сэру Уилфреду, когда выходил в отставку: "Счастливо оставаться, сэр Уилфред! Хочу только дать вам один совет. Не беспокойтесь за надзирателей и арестантов. Плюйте на ваших непосредственных подчиненных - а они с легкой душой плюнут на своих. Если при вас тюрьма станет достаточно поганым местом, люди постараются вам не попадаться. Я всегда держался этого правила и горжусь собой". (Это правило вскоре стало известно решительно всем, кто повстречался с полковником на челтенхемских минеральных водах.)

Однако сэр Уилфред придерживался иного мнения.

- Поймите, - втолковывал он Полю, - что моя цель - личный контакт с каждым, за кого я несу ответственность. Вы должны гордиться своей тюрьмой и своим трудом. Мне нравится, когда заключенные, по мере возможности, не бросают здесь той профессии,

которую избрали в цивилизованном мире. Надзиратель, чем раньше занимался этот человек?

- Торговал живым товаром, сэр.

- Гм... Так... Боюсь, что здесь вам не развернуться. Еще чем занимались?

- Я чуть было не стал священником, - ответил Поль.

- Что вы говорите?! Если со временем у нас наберется несколько человек с такими склонностями, мы откроем богословский семинар. Вы, конечно, уже познакомились с нашим священником. Это человек с широким взглядом на жизнь. Впрочем, мы только взялись за работу... Нас несколько ограничивают правительственные распоряжения. Первый месяц вам предстоит предписанное законом одиночное заключение. Потом мы найдем для вас работу по душе. Мы не допустим, чтобы ваша личность была попрана. Вам приходилось заниматься кожевенным ремеслом?

- Нет, сэр.

- Не беда! Мы направим вас в ремесленную мастерскую. Много лет назад я пришел к выводу, что любое преступление есть плод подавленного стремления к эстетическому самовыражению. Теперь наконец у нас есть возможность проверить это. Вы кто, экстраверт или интроверт?

- Точно не знаю, сэр.

- Точно этого никто не знает. Я все убеждаю министерство внутренних дел дать нам штатного психоаналитика. Кстати, вы читаете "Нью-Нейшн"? На этой неделе там напечатали довольно благосклонную статью о нашей тюрьме. Называется "Изыскания Лукаса-Докери". Я считаю, заключенным полезно об этом знать. Такие вещи воспитывают чувство локтя. Приведу вам маленький пример из нашей практики. Он, между прочим, и вас касается. Раньше смешивали преступления половые и связанные с проституцией. Я, однако, полагаю, что ваше преступление, в основе своей, направлено на обогащение, и потому соответствующим образом его классифицирую. Это, разумеется, не повлияет на условия вашей жизни в тюрьме (все мелочи тюремного заключения предусмотрены Правилами внутреннего распорядка), но только подумайте, как это скажется на статистике!

- Гуманизм! - воскликнул сэр Уилфред, когда Поля увели. - Вот в чем суть! Вы видели, как ожил этот человек, осознав, что он не безымянный раб, а участник великой статистической революции!

- Да, сэр, - согласился главный надзиратель. - Между прочим, сегодня было две попытки к самоубийству. Надо с ними построже, сэр. Вы велели дать в ремесленную мастерскую острые инструменты - а для них это все равно что красная тряпка для быка.

Поля опять заперли. На этот раз у него появилась возможность оглядеться. В камере не нашлось ничего занимательного. Помимо Библии, молитвенника ("Молитвы на случаи различных недугов, сомнений в вере и бедствий. Составлено преподобным Септимусом Четкинсом, магистром искусств", Эдинбург, 1863 г.) и грамматики, в камере имелась пол-литровая алюминиевая мисочка, ложка, ножик, грифельная доска, грифель, большая солонка, питьевой бачок, два глиняных ночных горшка, веник, откидные нары у стены, матрац, табуретка и стол. Печатное объявление уведомляло Поля, что ему запрещается выплядывать из окна. На одной табличке, висевшей на стене, перечислялись прочие виды наказуемых деяний, включавшие, казалось, все возможные человеческие поступки, на другой табличке было напечатано несколько англиканских молитв, на третьей - объяснялась "система последовательных зачетов". Кроме того, на стенке висели отпечатанные на машинке "Мысли на сегодняшний день", одно из маленьких нововведений сэра Уилфреда Лукаса-Докери. На сегодняшний день мысль была такая: "Чувство греха - это чувство утраты. Редактор "Санди Экспресс". Поль с любопытством изучил "систему последовательных зачетов". Через месяц, прочитал он, ему будет разрешено принять участие в коллективном труде, выходить на получасовые прогулки по воскресеньям, носить на рукаве опознавательную полосу, обучаться в школе для неграмотных, еженедельно получать из библиотеки одно художественное произведение и, по особому разрешению начальника тюрьмы, повесить в камере четыре фотографии родственников или одобренных администрацией друзей. Еще через два месяца, буде поведение Поля окажется безупречным, он получит право на двадцатиминутное свидание и, кроме того, на отправку и получение одного письма. Затем, через полтора месяца, ему опять будет разрешено свидание и

письмо и вдобавок он сможет раз в неделю брать в библиотеке дополнительную книгу.

Интересно, можно ли считать снятый Дэви Ленноксом затылок Марго фотографией друга, одобренного администрацией?

Через некоторое время снова загремел замок, и дверь приоткрылась. В щели показалась рука с оловянной тарелкой, после чего раздались слова:

- Давай миску!

В миску налили какао, и дверь заперли. На тарелке был хлеб, бекон и гороховая каша. В тот день к Полю больше никто не заходил, и он мог вволю помечтать. В первый раз за много месяцев он очутился в полном одиночестве. "Ах, до чего же хорошо!" - радовался Поль.

Месяц одиночки был самым счастливым в жизни Поля. Правда, доставало комфорта, но в "Ритце" Поль понял, что одного комфорта мало. Его особенно веселило то, что не нужно принимать никаких решений, думать о времени, еде, одежде, о том, какое ты производишь впечатление; словом, он испытывал чувство свободы. Ранним зябким утром звонил колокол, надзиратель вопил: "Парашу за дверь!" Поль вставал, сворачивал матрац и одевался. Не было нужды бриться, ломать голову над тем, какой повязать галстук, возиться с запонками и воротничками, а ведь это так досаждало цивилизованному человеку в минуты пробуждения. У Поля было так же покойно на душе, как у красавца с рекламы мыльной палочки, красавца, который, судя по всему, без труда достигал Душевного равновесия, столь необходимого в утренние часы. Встав, Поль равнодушно шил почтовые мешки, пока дверь не отворялась снова и не пропускала в камеру руку с куском хлеба и миской похлебки. После завтрака он кое-как убирал камеру, мыл посуду и снова шил, пока колокол не призывал его на молитву. В часовне он минут пятнадцать внимал мистеру Прендергасту, который, по мере своих сил, богохульствовал, изощряясь над красотами старинного английского Евангелия. Эти минуты, разумеется, навевали уныние, как, впрочем, и следующий час, когда Поль должен был кругами ходить по тюремному двору, сквозь асфальтовые трещины которого пробивались ростки капусты. Некоторые арестанты имели обыкновение во время прогулки садиться на корточки и, притворяясь, будто они завязывают шнурки, покусывать капустные листья. Если кого-нибудь заставляли за этим занятием, следовало суровое наказание.

Однако у Поля никогда не возникало желания полакомиться капусткой. После прогулки вообще ничего не происходило, если не считать обеда, ужина и обхода сэра Уилфреда. Дабы занять Поля в течение девяти часов, закон предусматривал шитье почтовых мешков из дерюги. Арестанты, сидевшие по соседству, были, судя по рассказам надзирателя, не совсем в своем уме и с трудом успевали выполнить норму к тому времени, когда гасили свет. Поль же обнаружил, что, ничуть не перенапрягаясь, может завершить труды свои задолго до ужина, и проводил вечера в размышлениях или заносил на грифельную доску мысли, которые пришли ему в голову за день.

Глава 2

ИЗЫСКАНИЯ ЛУКАСА-ДОКЕРИ

Сэр Уилфред Лукас-Докери, как уже можно было догадаться, сочетал в себе честолюбие, ученость и неподдельный оптимизм в масштабах, редких для его ведомства. С волнением грезил он о том времени, когда изыскания Лукаса-Докери будут признаны поворотными в науке о тюрьмах, и не раз мысленно повторял отрывки из исторических трудов будущего, в которых встречались такие суждения: "Одним из немногочисленных важных событий во время непродолжительного пребывания лейбористского правительства у кормила власти было назначение сэра Уилфреда Лукаса-Докери начальником Блекстонской тюрьмы. Деяния этого неустрашимого и зоркого мужа заслуженно считаются краеугольным камнем современной пенитенциарной системы. Более того, не будет преувеличением сказать, что никто другой не занимает такого выдающегося места в истории социальных реформ текущего столетия... - и так далее. Впрочем, эти замечательные качества не спасали Лукаса-Докери от бесчисленных столкновений с главным надзирателем.

Как-то раз, когда Лукас-Докери заперся в своем кабинете, чтобы поработать над объяснительной запиской для тюремной инспекции (одним из тех якобы незначительных документов, опубликование которых по выходе сэра Уилфреда в отставку должно было подтвердить, что не кто иной, как он, является первопроходцем в деле люминесцентного освещения тюрем), к нему зашел главный надзиратель.

- Скверные вести из переплетной мастерской, сэр. Мне сообщили, что у заключенных завелась привычка есть клей, выданный им для работы. Клей, говорят они, вкуснее баланды. Придется поставить в переплетную еще одного надзирателя или подмешать в клей какой-нибудь гадости.

- Клей питателен? - спросил сэр Уилфред.

- Не могу знать, сэр.

- Взвесьте всех переплетчиков и доложите, если хоть один из них прибавит в весе. Сколько раз вам повторять - все факты должны быть собраны до доклада!

- Слушаюсь, сэр. Имеется просьба от заключенного "Дэ четыреста двенадцать". Он уже отсидел месяц в одиночке и хочет еще.

- Я не люблю, когда заключенные работают в камере. От этого они становятся эгоистами. Кто такой этот "Дэ четыреста двенадцать"?

- Получил длительный срок, сэр. Ждет перевода в Эгдон.

- Я с ним лично побеседую.

Слушаюсь, сэр.

Привели Поля.

- Если не ошибаюсь, вам угодно оставаться в камере, вместо того чтобы пожинать плоды коллективного труда. Почему?

- Так куда интереснее, сэр, - отвечал Поля.

- Возмутительная постановка вопроса! - вмешался главный надзиратель. - Заключенного можно содержать в одиночной камере, только если он совершит проступок в присутствии двух надзирателей, каковые этот проступок засвидетельствуют. Так сказано в Правилах внутреннего распорядка.

- Может быть, вы страдаете нарциссизмом? - осведомился начальник тюрьмы. - Министерство до сих пор не откликнулось на мой запрос о штатном психоаналитике.

- Посадите его под особое наблюдение, - посоветовал главный надзиратель. - Сразу станет ясно, нормальный он или нет. Помнится, бывали случаи, когда под наблюдение сажали таких, что их и не примешь за психов. Так просто, со странностями. За два-три дня они превращались в озверевших маньяков. Полковник Мак-Аккер свято верил в этот метод.

- Вы, вероятно, были очень одиноки, до того как к нам попали? Служили, наверно, смотрителем маяка или пасли овец...

- Нет, сэр.

- Невероятно! Вот что, я хочу еще поразмыслить над вашим мучаем. Со временем я вас вызову и дам ответ.

Поля отвели в камеру, но уже на следующий день он вновь предстал перед начальником тюрьмы.

- Я самым тщательным образом изучил вашу просьбу, - сообщил сэр Уилфред. - Вообще-то, я решил использовать ваш случай в моей

книге о психологии преступления. Хотите послушать, что я о вас написал? "Случай Р., - начал он. - Довольно образованный молодой человек из приличной семьи. Никаких преступных действий в прошлом. Осужден на семь лет тюремного заключения за вербовку проституток. По окончании месячного одиночного заключения Р. попросил и впредь не выводить его на общие работы. Меры, предписываемые Правилами внутреннего распорядка: а) содержать под наблюдением врача для исчерпывающего заключения о душевном состоянии заключенного или б) принудить к труду совместно с другими арестантами, пока заключенный не лишится этого почетного права, совершив проступок согласно указанным Правилам.

Меры, предпринятые сэром Уилфредом Лукасом-Докери. Я определил, что Р. отягощен мизантропическими тенденциями, вызванными чувством собственной неполноценности в присутствии посторонних. Преступление Р. явилось попыткой самоутвердиться за счет общества (ср. случаи Г. Д. и Ж.). В соответствии с этим я попытался нейтрализовать психологическое торможение Р. как социальный феномен, последовательно применяя следующие меры: на первом этапе Р. совершал получасовые прогулки с другим заключенным, с которым ему разрешалось вести беседы на ряд дозволенных тем (история, философия, общественная жизнь и т. п.). Собеседники Р. выбирались среди заключенных, чьи преступления не могли вызвать обострения в состоянии Р.". Дальнейших этапов я пока не разработал, - заметил сэр Уилфред, - но, как видите, отнесся к вашей просьбе внимательно. Вам, наверное, приятно будет узнать, что благодаря этим заметкам о вас со временем узнает мировая наука. Отчего бы случаю Р. из практики сэра Уилфреда Лукаса-Докери не стать примером для грядущих поколений? Согласитесь, что это возвышает над повседневной губительной рутинной!

Поля увели.

- Заключенные с кухни жалуются, что не в силах работать с "Цэ двадцать девять", - сообщил главный надзиратель. - У него на руках заразный лишай.

Не отвлекайте меня! - возмутился сэр Уилфред. - Я занят: работаю над третьим этапом перевоспитания Р., то бишь "Дэ четыреста двенадцать".

В тот же день трудновоспитуемый Р. перешел на новый распорядок.

- На выход! - скомандовал надзиратель, открывая камеру. - Возьми шапку.

Тюремный двор, где обычно кружили заключенные, был пуст и безлюден.

Стой смирно! Я сейчас, - сказал надзиратель и ушел.

Он вернулся в сопровождении плюгавенького человечка в арестантском халате.

- Вот тебе дружок, - пробурчал надзиратель. - А вот дорожка. Будете здесь гулять. Касаться друг друга запрещается. Хватать друг друга за рукава запрещается. Обмениваться предметами - тоже запрещается. Разрешается: ходить на расстоянии метра друг от друга и разговаривать про историю, философию и смежные области. По звонку разговоры прекращаются. Ясно? Быстро ходить нельзя. Медленно - нельзя. Так велел начальник. И упаси вас бог сделать что-нибудь не так! А теперь - гуляйте.

- Идиоты! - сказал человечек. - В шести тюрмах сидел, но такой глупости не видывал! Бред! Не поймешь, что творится. Что касается тюрьмы, она может отправиться к чертям собачьим. Возьмите хотя бы священника. Носит парик!

- Надолго вас сюда? - вежливо спросил Поль.

- На этот раз нет. Не могли выдумать, в чем меня обвинить. "Полгода за злостное бродяжничество". Выслеживали меня аж месяц, но так и не придумали, к чему прицепиться. Вообще, полгода - срок что надо. Понимаешь, что я имею в виду? Встречаешь старых дружков, а потом выходишь на волю. Посидеть полгода - с нашим удовольствием, я не против. Меня тут знают, завсегда поручают мыть лестницу. Сам понимаешь, надзиратели знакомые, поэтому чуть прослышат, что я опять загремел, сразу придерживают это местечко для меня. Найди с ними общий язык, и вот посмотришь в следующий раз, как к тебе станут относиться.

- Это что же, лучшая работа?

- Ну, лучшая не лучшая, но для начала сгодится. Лучшая работенка -мыть приемную. Этой работы ждут годами, если, конечно, не имеешь особых заслуг. Встречаешь свежих ребят с воли, узнаешь новости, а кое-когда поделятся табачком или подскажут лошадку, -

можно и на бегах сыграть. Ты видел того парня, который моет приемную? Знаешь, кто это?

- Да, - ответил Поль. - Как ни странно, знаю! Его зовут Филбрик.

- Нет, старина, ты тут что-то путаешь. Такой, знаешь, из себя солидный. Все болтает про отели да рестораны.

- Я о нем и говорю.

- Да ты что, не знаешь, кто это?! Брат начальника, сэр Соломон Лукас-Докери! Сам мне признался. Сидит за поджог. Подпалил какой-то замок в Уэльсе. Сразу видать, из благородных.

Глава 3

СМЕРТЬ СОВРЕМЕННОГО ПАСТЫРЯ

Через несколько дней начался новый этап в перевоспитании Поля. Когда его вывели на очередную прогулку, он обнаружил вместо прежнего собеседника мясистого детину зловещего вида. Волосы у него были рыжие, борода - тоже рыжая. Глаза детины налились кровью, а багровые лапы, висевшие плетьюми, конвульсивно сжимались и разжимались. Он по-бычьи плянул на Поля и негромко зарычал в знак приветствия.

Они шли молча.

- Как вам нравится план начальника насчет прогулок? - спросил Поля.

Годится, - ответил его собеседник.

Молча прошли они один круг, второй, третий.

- Эй, вы, там! - прикрикнул на них надзиратель. - Разговаривайте, коли ведено.

- Так оно веселее, - сказал рыжий.

- За что вас? - поинтересовался Поля. - Расскажите, если можно.

- Все дело в Библии, - сообщил рыжий. - Там все сказано. В переносном смысле, конечно. Вам до этого ни в жизнь не додуматься, - добавил он, - а я вот мигом сообразил.

- Библия - мудреная книга, верно?

- Не в мудрости штука. Главное - видения. Вот у тебя бывают видения?

- Нет.

- Со священником - та же история. Христианин, называется! Видение привело меня сюда: мне явился Ангел, объятый пламенем и в огненной короне. И рек Ангел: "Иди и рази беспощадно. Ибо близится царство Божие". Сейчас я тебе все объясню. Я не какой-нибудь там плотник, я столяр. Вернее сказать, был столяром. Был да сплыл, - рыжий говорил на удивительной помеси городского жаргона и церковного языка. - Прибираюсь я как-то раз в мастерской перед закрытием, и тут входит Ангел Божий. Сперва я его не признал. "Еще, - говорю, - пять минут, и вы бы меня не застали. Что угодно?" И тут

объял его огонь, и огненное кольцо засияло над его головой. Слово в слово, как я тебе говорил. И тогда он открыл мне, что отметил Господь своих избранных и что грядут дни скорби. И возгласил: "Иди и рази беспощадно!" До этого я неважно спал. На меня нашло сомнение - спасу я свою душу или нет. Всю следующую ночь я думал о том, что сказал мне Ангел. Сперва смысл его речей был темен для меня, все равно как для тебя. Но потом меня озарило: недостойн есмь, но на меня указывает перст Божий! - воскликнул столяр. - Я - меч Израиля. Я - лев гнева Господня.

- Вы что, кого-нибудь убили? - спросил Поль.

- Недостойной рукой сразил я филистимлянина. Именем Господня воинства я разможил ему башку. Я поступил так во имя знамени Израилева - и вот заточен в плену египетском, и через благодать познал страдание. Но Господь направит меня в назначенный час. Горе тогда филистимлянину! Горе необрезанному! Лучше бы привязали жернов к вые его и бросили в пучину вод!

Надзиратель зазвонил в колокол.

- Эй, вы, там! - заорал он.

- Жалобы имеются? - спросил сэр Уилфред на очередном обходе.

Да, сэр, - отвечал Поль.

Начальник пристально взгляделся в него.

- Позвольте, да ведь это вы у меня на особом режиме!

- Да, сэр.

- В таком случае жаловаться просто нелепо. В чем там у вас дело?

- Я полагаю, сэр, что человек, с которым меня водят на прогулки, - опасный маньяк.

- Жалобы одного заключенного на другого рассматриваются, только если их подтвердит надзиратель или два других заключенных, - вмешался главный надзиратель.

- Совершенно справедливо, - кивнул сэр Уилфред. - Ваша жалоба - верх нелепости. И вообще, преступление есть форма безумия, Я лично подбирал вам спутника для прогулок и выбрал самого лучшего. Больше я об этом и слышать не желаю.

В тот день Полю предстояло провести в тюремном дворе еще более беспокойные полчаса.

- Мне явилось новое видение, - сообщил кровожадный мистик. - Не знаю пока, что оно предвещает, но истина мне еще откроется.

- Красивое было видение? - осведомился Поль.

- Нет слов, чтобы передать его великолепия! Все вокруг стало алым и влажным, как кровь. Тюрьма, казалось, сверкала рубиновым блеском, а надзиратели и заключенные ползали туда-сюда, как малюсенькие божьи коровки. Но тут я увидел, что рубиновые стены становятся мягкими и сочатся, как огромная губка, пропитанная вином. Капли стекали вниз и таяли в бескрайнем алом озере... Тут я проснулся. Не знаю пока, что это значит, но чувствую, что Господень меч висит над этим узилищем. Кстати, вам не приходило в голову, что наша тюрьма встроена в пасть Зверя? Порой мне видится бесконечный багровый туннель, подобный звериной глотке, по которому бегут человечки - иногда по одному, а бывает, что и целыми толпами. Дыхание же Зверя подобно пышущей печи. Думали вы над этим?

- Боюсь, что нет, - ответил Поль. - Какую книжку вам выдали в библиотеке?

- "Тайну леди Альмины", - вздохнул лев гнева Господня. - Розовые слюни, к тому же несовременно. Но нет, я читаю Библию. Там убивают на каждой странице.

- Господи, да вы только и думаете, что об убийствах!

- Еще бы, ведь это мое предназначение, - скромно ответил рыжий.

Ежедневно (кроме воскресений), в десять часов утра сэр Уилфред Лукас-Докери чувствовал себя Соломоном. В это время он вершил суд над нарушителями дисциплины, заключенными, которые попали в поле его зрения. Его предшественник, полковник Мак-Аккер, выносил приговоры в неуклонном соответствии с духом и буквой Правил внутреннего распорядка для тюрем правительства ее величества, исполняя механическое правосудие подобно игральному автомату: в одну щель опускался проступок, из другой - выскакивало наказание. Не так поступал сэр Уилфред Лукас-Докери. Он и сам чувствовал, что никогда не работал его ум острее и изобретательнее, никогда не были его обширные познания полезнее, чем на этом скромном судилище, где вершилась высшая справедливость. "Неизвестно, чего от него ждать!" - жаловались в один голос надзиратели и арестанты.

- Истинная справедливость, - говаривал сэр Уилфред, - это умение подойти к любому вопросу как к головоломке.

Пробыв на своем посту несколько месяцев, он не без тщеславия отмечал, что к нему обращаются все реже и реже.

Однажды утром, вскоре после того как сэр Уилфред взялся за перевоспитание Поля, перед начальником тюрьмы предстал рыжий детина.

- Господи боже мой! - воскликнул сэр Уилфред. - Да ведь этот человек на особом режиме! Что он тут делает?

- Вчера вечером я заступил на ночное дежурство, с двадцати ноль-ноль до четырех ноль-ноль, - забубнил надзиратель. - Мое внимание привлек шум, исходивший из камеры этого заключенного. Заглянув в глазок, я увидел, что заключенный в состоянии крайнего возбуждения мечется по камере. В одной руке у него была Библия в другой - ножка от табурета. Заключенный тарачил глаза, тяжело дышал и время от времени бормотал стихи из Библии. Я сделал ему внушение, но в ответ он обозвал меня предосудительными словами.

- Какими именно? - заинтересовался главный надзиратель.

- Он обозвал меня моавитянином, мерзостью моавитянской, умывальной чашей, нечистой тварью, необрезанным моавитянином, идолопоклонником и блудницей вавилонской, сэр.

- Так-с, что вы на это скажете? - обратился сэр Уилфред к главному надзирателю.

- Очевидно, неподчинение требованиям охраны, - ответил главный надзиратель. - Следует применить диету номер один. На известное время.

Однако, совещаясь с главным надзирателем, сэр Уилфред на самом деле нисколько не интересовался его мнением. Он любил мысленно подчеркнуть (и дать понять арестанту) всю разницу между официальной точкой зрения и его собственной.

- Что, по-вашему, самое важное в этой истории? - спросил он.

Главный надзиратель задумался.

В общем и целом, блудница вавилонская, сэр...

Сэр Уилфред улыбнулся, как фокусник, вытаскивший из колоды нужную карту.

- А я, - сказал он, - думаю иначе. Вас это, быть может, удивит, но, на мой взгляд, самое важное - ножка табурета, которой размахивал заключенный!

- Порча тюремного имущества, - кивнул главный надзиратель. - Тяжкий проступок.

- Чем вы занимались на свободе? - повернулся Лукас-Докери к арестанту.

- Плотничал, сэр.

- Так я и знал! - возликовал сэр Уилфред. - Вот вам еще один случай подавленной потребности в творчестве! Послушайте, дружок, с вашей стороны очень скверно оскорблять надзирателя, который, разумеется, никакая не вавилонская блудница. Надзиратель символизирует собой справедливое негодование общества и, как и все мы, он - добрый христианин. Но я понимаю, отчего вам тяжело. Вы творили, а теперь, в тюрьме, почувствовали, что вас лишают средств самовыражения. Ваша творческая энергия находит выход в бессмысленных вспышках. Я распоряжусь, чтобы вас снабдили верстаком и плотницким инструментом. Прежде всего - почините мебель, которую вы так бесцельно сломали, а потом мы подберем вам работу в русле вашей прежней профессии. Идите... Ищите первопричину! - добавил сэр Уилфред, когда рыжего увели. - Ваши Правила внутреннего распорядка подчас только смазывают симптомы, вместо того чтобы вскрыть самую подоплеку проступка.

Два дня спустя тюрьма пришла в состояние крайнего оживления. Что-то произошло. Поль проснулся в обычное время, по звонку, но дверь отперли только через полчаса. Крик надзирателя "Парашу за дверь!" звучал все ближе и ближе, прерываемый то и дело суровым "Говори, да не заговаривайся!", "Не твое дело!" и зловещим "Дождешься!". Арестанты почуяли неладное. "Может, разразилась эпидемия, скажем, сыпняк, - размышлял Поль, - или какое-то несчастье на воле: война или революция..." Арестанты поневоле молчали, а от этого все воспринималось особенно остро. В глазах надзирателя Поль уловил отблески кровавой резни.

- Что-то случилось? - спросил он.

- Еще как случилось! - рявкнул надзиратель. - А кто меня еще раз об этом спросит, тому я ребра пересчитаю.

Поль принялся убирать камеру. Его разбирало любопытство и выводило из себя нарушение обычного распорядка. Мимо протопали два надзирателя.

- Я тебе так скажу: начальника давно пора было проучить. Но жаль мне беднягу.

Любой мог быть на его месте, - последовал ответ.

Принесли завтрак. Когда из-за двери показалась рука с миской, Поль прошептал:

- Что случилось?

- Ты что, не знаешь? Убийство. Страсть какое кровавое.

- Пошевелись! - заревел дежурный надзиратель.

Итак, с начальником тюрьмы покончено. Он, конечно, старый зануда, но все-таки все это крайне неприятно. Убийство проходит незамеченным в бойком мире шоферов, боксеров и велосипедистов, а в этой гробовой тишине оно вызывает настоящий столбняк.

От завтрака до молитвы прошла целая вечность. Наконец зазвонил колокол. Двери снова отперли. Арестанты молча зашагали в часовню. На этот раз рядом с Полем очутился Филбрик. Надзиратели уселись на своем возвышении и пресекали все попытки заговорить. Лучшим моментом для трепа считалось пение гимна. Его и дожидался Поль.

Если кого и убили, то не сэра Уилфреда. Он стоял у входа в алтарь с молитвенником в руках. Зато куда-то делся Прендергаст. Сэр Уилфред вел службу за него. Тюремный врач, путаясь и безнадежно увязая в длинных словах, прочел отрывок из Писания. Где же Прендергаст?

Наконец объявили номер гимна. Раздались звуки органа, на котором с большим чувством наигрывал арестант, в прошлом помощник органиста в валлийской церквушке. Все вздохнули и набрали воздуха, чтобы наконец-то отвести душу.

- Иисус, всем сердцем верю я, -

пел Поль, -

- А где же Прендергаст?

- Ты что, не знал? Ему каюк.

- И с нами благодать.

- Наш Пренди к рыжему пошел.

К тому, который псих,

А рыжий загодя припас

Рубанок и пилу.

- Откуда псих достал пилу?

- Ему начальник дал.
Он, дескать, плотник.
Отпилил Он Пренди котелок.
Мой кореш слышал все, что там
Творилось за стеной,
А надзиратель сделал вид,
Что он тут ни при чем.
- О боже! Я погряз в грехах,
И мне спасенья несть.
- Наш Пренди полчаса визжал,
А рыжий черт пилил.
Считай, нам крупно повезло.
А то бы нам капут..
Начальнику утерли нос -
Тут надзиратель прав.
А м и н ь.

Что тут ни говори, а хорошо, что этот ненормальный выбрал Прендергаста. Кое-кто даже высказался в том духе, что рыжий сделал это по подсказке начальства. Смерть заключенного или надзирателя повлекла бы за собою расследование, которое могло бы основательно поколебать реформы Лукаса-Докери, а может быть, я бросить тень недоверия на главного надзирателя. Смерть же Прендергаста прошла почти незамеченной. Убийцу перевели в Бродмур, и жизнь тюрьмы пошла своим чередом. Впрочем, начальник тюрьмы стал как будто больше прислушиваться к словам главного надзирателя. Сэр Уилфред с головой ушел в статистику, и тюрьма опочила под беспристрастной сенью Правил внутреннего распорядка. На радость надзирателям, все шло точь-в-точь, как в старые добрые времена, при полковнике Мак-Аккере.

Полю не суждено было насладиться благами счастливого возвращения в лоно традиции, потому что через несколько дней его и других арестантов отправили в тюрьму "Эгдонская пустошь" для отбытия наказания.

Глава 4

"НЕ В КАНДАЛАХ - НЕВОЛЯ" [34]

Гранитные стены каторжной тюрьмы "Эгдонская пустошь" в погожие дни видны с шоссе. Здесь нередко притормаживают автомобили, и пассажиры выскакивают только для того, чтобы полюбоваться этим сооружением. Им хочется поглядеть на арестантов, и порой случай вознаграждает их: они видят, как цепочка закованных в кандалы, одетых в черное узников плетется через пустошь под конвоем вооруженного всадника. На первый взгляд может показаться, что здесь заключенные поглощены трудом, но это одна лишь видимость, ибо в Эгдоне масса времени уходит на то, чтобы дойти до каменоломни, выдать и пересчитать инструменты, снять, а потом надеть кандалы, так что пользы арестанты приносят немного. Но пассажирам на шоссе хочется хоть что-нибудь углядеть, а вернее, додумать, взирая на эти стены, и вечером они усаживаются за чай с совестью, слегка потревоженной воспоминаниями о стычках с кондукторами, о просрочках в уплате налогов и о тысяче других противозаконных мелочей, которых никак не избежать цивилизованным людям.

В один осенний день Поль прибыл в Эгдон из Блекстона вместе с шестью другими заключенными, приговоренными к длительным срокам, и двумя надзирателями. Ехали они в, самом обычном вагоне третьего класса, причем всю дорогу надзиратели курили дешевый черный табак и делали попытки разговорить арестантов.

- Теперь Эгдон - не то что раньше... - рассказывал один из надзирателей. - Все там переменялось. В часовне - витражи, подарок вдовы бывшего начальника. Картина что надо: ангел выводит святых Петра и Павла из узилища. Правда, баптисты недовольны... Вот на прошлой неделе была у нас лекция про Лигу наций. Выступал парень по фамилии Поттс. Лекция, конечно, не так чтобы очень, а все, как-никак, развлечение... Говорят, у вас в Блекстоне тоже перемены...

- Да уж, перемены! - ответил один из арестантов, после чего, бессовестно наврав с три короба, рассказал о смерти мистера Прендергаста.

Другой надзиратель, заметив, что Поль все время молчит, протянул ему газету.

- Почитай, сынок, - сказал он. - Теперь не скоро газетку увидишь.

В газете Поль не нашел почти ничего интересного. Последние полтора месяца все новости о событиях на воле он черпал из еженедельных бюллетеней сэра Уилфреда Лукаса-Докери. Едва попав за решетку, Поль понял, что погоня за "новостями" проистекает не из чистой любознательности, а из стремления чем-то себя заполнить. На свободе и дня не проходило, чтобы Поль не прочел самым внимательным образом двух газет кряду, следя за бесконечным потоком событий и происшествий. Но вот цепь событий прервалась, а у Поля не было никакого желания ее возобновлять. Впрочем, он растрогался, когда, развернув газету, увидел расплывчатое, едва различимое изображение Марго и Питера. "Достопочтенная миссис Бест-Четвинд, - гласила подпись под фотографией, - и ее сын, унаследовавший от своего дяди титул графа Пастмастера". Ниже находилось извещение о смерти графа Пастмастера и краткое описание его безрадостной жизни. Под конец говорилось: "Предполагается, что в ближайшие дни миссис Бест-Четвинд и юный граф Пастмастер, последние месяцы отдыхавшие на своей вилле на Корфу, возвратятся на родину. В течение многих лет салон миссис Бест-Четвинд пользовался постоянным вниманием хорошего общества, а сама хозяйка салона считается одной из обворожительнейших светских женщин. Присвоение ее сыну графского достоинства напоминает нам о сенсации, вызванной в мае этого года помолвкой миссис Бест-Четвинд с мистером Полем Пеннифезером и окончившейся арестом последнего за несколько часов до свадьбы в одном из лучших отелей Вест-Энда. Новому лорду Пастмастеру шестнадцать лет; до последнего времени он обучался в частном учебном заведении".

Поль долго сидел на лавке, вглядываясь в снимок, а его спутники резались тем временем в покер, выказывая вопиющее пренебрежение к Правилам внутреннего распорядка.

За полтора месяца одиночества и самых серьезных раздумий Поль так и не пришел к выводу относительно Марго Бест-Четвинд: его сбивали и путали два несовместимых друг с другом подхода к делу. С одной стороны, на Поля мертвым грузом давили убеждения,

взращенные поколениями богословов и школьных учителей. С их точки зрения, вопрос был сложен, но все-таки разрешим. Поль "поступил хорошо", защитив женщину, - это очевидно, но вот Марго никак не соответствовала отведенной ей роли, ибо в данном случае виновата была именно она, а он защитил ее не от беды или несправедливости, а от кары за содеянное преступление. У него дрожали колени, когда голос Честного Парня нашептывал ему, что, коли Марго втравила его в эту историю, пусть сама и отдувается. Корпя над почтовыми мешками, Поль тщился найти какие-нибудь возражения, но безуспешно; зато он все больше убеждался в том, что общепринятый кодекс чести, которым руководствуется любой британец, где бы он ни был, разъедает червоточина. С другой стороны, что возразить на железную логику Питера Бест-Четвинда: "Ты только представь себе маму - в тюрьме"? Чем больше Поль размышлял над этими словами, тем больше убеждался, что они относятся к области естественного права. Он не мог не оценить уверенность, с которой Питер их произнес. Глядя на фото Марго - пусть даже такое нечеткое - Поль все больше укреплялся в вере, что существуют и не могут не существовать два разных закона, один - для нее, другой - для него, а тщетные и далекие от серьезности потуги радикалов прошлого столетия в основе своей глупы, пошлы и уводят в сторону. И дело не в том, что Марго богата и что он любит ее! Поль просто понимал, что Марго не может очутиться в тюрьме. Само сочетание слов, воплощающих эту мысль, звучит непристойно. Марго в тюремном халате гонят по коридору надзирательницы, как две капли воды похожие на мисс Фейган младшую. Марго посещают старушки из филантропического общества и пичкают ее брошюрами благочестивого содержания. Марго стирает в тюремной прачечной чужое белье. Все это невозможно, и если бы даже судебные крючкотворы привели ее за решетку, эта женщина, которую, как бабочку, накололи на булавку, была бы вовсе не Марго, а ее тезкой, отдаленно похожей на нее самое. Марго, хоть она и совершила преступление, нельзя посадить в тюрьму. Если уж кому страдать из-за того, что, по мнению общества, бедняжку миссис Граймс следует лишиться той единственной работы, которую ей уготовала цивилизация, так пусть это будет он, Поль, а не чужая женщина, носящая имя Марго, тем более что каждый, кто побывал в английской школе, без

труда освоится и в тюрьме. Тюрьма, думал Поль, может подкосить лишь тех, кто вырос в трущобах, в атмосфере добрососедства.

Как прекрасна Марго даже на этой идиотской фотографии, размышлял Поль, на этой черно-белой чернильной кляксе. Даже самый закоренелый уголовник среди его спутников, отбывавший свой третий срок за шантаж, на минуту отложил карты и заметил, что весь вагон словно залит свежим июньским запахом Елисейских полей.

- Ну и дела! - сказал он. - Вроде как духами запахло.

И тут все они заговорили о бабах.

В Эгдоне Поль повстречал еще одного старого знакомого: когда он направлялся в часовню, перед ним появился бодрый, плотный коротыш на скрипучей деревянной ноге.

- Вот и свиделись, старина! - сказал он, когда вся часовня хором отвечала священнику. - Я, по обыкновению, сел в лужу.

- Не повезло с работой? - спросил Поль.

- Работа была первый сорт, - ответил Граймс. - Но заварилась каша. Потом расскажу.

В то утро, вооружившись кайлом, Поль в числе других арестантов, под надзором конных охранников с полевым телефоном, отправился в каменоломни. Граймс был в той же команде.

- Я здесь третью неделю, - сообщил Граймс, как только возникла возможность поговорить. - А уже все обрыдло. Я человек общительный. Мне здесь не нравится. Три года - это уж чересчур! Но ничего. Выйдем, устроим пир горой. День и ночь только о том и мечтаю.

- За что тебя посадили, за двоеженство?

- Ага. Зря я приехал из-за границы. Не успел я появиться в Англии, как меня сцапали. Зашла миссис Граймс в магазин, увидела меня - и привет, пишите письма. В аду, говорит, черти по-разному людей мучают, но моя супруга заменит целое пекло.

Неподалеку замаячил надзиратель. Поль и Граймс разошлись и начали усердно долбить песчаник

- Впрочем, - хмыкнул Граймс, - хотел бы я полюбоваться на старушку Флосси и моего бывшего тестя в их теперешнем положении. Школа-то, говорят, закрывается! Граймс опорочил это заведение... Кстати, как дела у Пренди?

- Убит три дня назад.

- Ах, старина Пренди! Он не был создан для счастья, верно? Вот выйду отсюда, пожалуй, брошу учительствовать. Это дело меня до добра не доведет.

- Нас с тобой оно привело в одно и то же место.

- Да, ничего себе совпадение! Черт, опять легавый идет...

Они вернулись в тюрьму. Если не считать каменоломни, Эгдон мало чем отличался от Блекстона.

"Парашу за дверь", часовня, одиночество...

Впрочем, не прошло и недели, как Поль почувствовал, что о нем не забыли. Первой ласточкой был разговор со священником.

- Вот, принес вам книги, - сообщил он как-то раз, впорхнув в камеру к Полю и протягивая ему два новеньких томика в суперобложках и с ценниками книжного магазина на Пикадилли. - Если эти не годятся, у меня с собой еще несколько на выбор, - он показал на пачку книг в ярких переплетах, которую неловко придерживал под мышкой. - Может, хотите новый роман Вирд-жинии Вулф? Позавчера вышел.

Благодарю вас, сэр, - ответил Поль.

Судя по всему, в Эщоне библиотека отличалась куда большим разнообразием и богатством, чем в Блекстоне.

- Могу еще предложить монографию по истории театра, - добавил священник и подал Полю толстый иллюстрированный том, на вид стоивший не меньше трех гиней. - Запишем, так уж и быть, как "пособие по самообразованию".

Благодарю вас, сэр, - повторил Поль.

- Когда захотите обменять книги, скажете, - продолжал священник. - Кстати, вам разрешено написать письмо. И между пробудете писать миссис Бест-Четвинд, не забудьте упомянуть, что остались довольны библиотекой... Миссис Бест-Четвинд преподнесла в дар нашей тюремной часовне новую кафедру с гипсовыми барельефами, - добавил он вне всякой связи с предыдущим и, выпорхнув из камеры, направился к Граймсу, которому и всучил том "Самовоспитания" Смайлса, том, из коего в отдаленном прошлом неизвестный, но бесчувственный читатель выдрал сто восемнадцать страниц.

"Еще неизвестно, - подумал Поль, - как следует относиться к потрепанным бестселлерам, но вот когда открываешь еще никем не

читанную книжку, возникает удивительное ощущение... Зачем это священнику понадобилось, чтобы я написал Марго о библиотеке?" - недоумевал он.

В тот вечер за ужином Поль ничуть не удивился, когда увидел, что в подгоревшей подливке плавают угольки - такое случалось время от времени. Однако на ощупь угольки оказались мягкими, и это привело его в замешательство. Тюремная кухня часто преподносила сюрпризы, тут жаловаться не приходилось, но все же... Поль присмотрелся к подливке. Удивительное дело - она была чуть розоватая и невероятно густая. Поль осторожно ее попробовал. Это был паштет из гусиной печени.

С тех пор не проходило и дня, чтобы какой-нибудь таинственный метеорит в этом роде не залетел с воли в его камеру. Однажды, вернувшись в полутемную камеру с пустоши (свет гасили сразу после захода солнца, а окошко было совсем узкое), он почувствовал, что все пространство камеры залито ароматом цветов. На столе лежал букет роз, тех роз, которые по зимнему времени идут на Бонд-стрит по три шиллинга за штуку. (Вообще-то, в Эгдоне разрешалось держать цветы в камере, и арестанты отделялись всего лишь строгим выговором, если по дороге с каменоломни срывали лютик или барвинок.)

В другой раз тюремный врач во время ежедневного обхода задержался в камере Поля, проверил его фамилию по карточке, висевшей на двери, внимательно посмотрел на него и сказал:

Будете принимать укрепительное.

Не сказав более ни слова, он удалился, а на следующий день в камере появилась большая аптекарская бутылка.

- По два стакана после еды, - изрек надзиратель. - Пей на здоровье.

Поль так и не понял, как на этот раз отнесся к нему надзиратель, но пил он, действительно, "на здоровье" - в бутылке был херес.

В другой раз в соседней камере разразился грандиозный скандал: ее обитателю, взломщику-рецидивисту, по оплошности выдали порцию черной икры, предназначенную для Поля. Арестанта утихомирили, сунув ему порядочный кусок сала, но дежурный надзиратель все беспокоился, как бы обиженный взломщик не нажаловался начальнику тюрьмы.

- Я не скандалист какой, - рассуждал взломщик, когда он как-то раз остался с Полем с глазу на глаз в каменоломне. - Но обращение ты мне подавай уважительное. Посмотрел бы ты на ту черную кашу, что они мне подсунули! Глядеть - и то тошно. И это в день, когда положено сало! Разуи, парень, глаза, я тебе дело говорю. Ты ведь у нас новичок. А то они и тебе всучат эту пакость. Не ешь, погоди. Придержи ее до прихода начальства. Нет у них такого права - нас черной кашей кормить. Это и дураку ясно.

Затем пришло письмо от Марго, не сказать чтобы очень длинное.

"Дорогой Поль!" - говорилось в нем. - Мне очень трудно тебе писать, потому что я вообще не знаю, как писать письма, а тут еще эти ужасные полицейские будут его читать и вычеркнут все, что им не понравится, а я понятия не имею, что им нравится. Мы с Питером вернулись в Королевский Четверг. На Корфу было чудесно, но нам не давал покоя тамошний доктор -англичанин и страшный зануда. Дом мне разонравился. Буду его перестраивать. Что ты на это скажешь? Питер теперь граф - ты слышал? - и довольно мил, хотя завоображал; вот уж чего не ждала от Питера! Я, если можно, как-нибудь в свободное время заеду с тобой повидаться: после смерти Бобби П. у меня дел невпроворот. Надеюсь, книжек, еды и всего прочего у тебя достаточно. Интересно, вычеркнут они эту фразу или нет? Целую, Марго. Дорогой! В Нью-Маркете я встретила леди Периметр, и она со мной не поздоровалась. Представляешь? Бедняга Контроверс сказал, что, если я не буду себя вести как подобает, общество подвергнет меня остракизму. Правда очаровательно? Я, может быть, ошибаюсь, но, по моему, молодой Трампингтон в меня влюбился. Как быть?"

И вот Марго явилась собственной персоной.

Они увиделись впервые с того июньского утра, когда она отправила Поля в Марсель на помощь перетрусившим девицам... Свидание происходило в особой комнате для посетителей. За столом друг против друга сидели Марго и Поль, между ними - надзиратель.

- Руки на стол, - сказал надзиратель.

- В "гоп-доп" сыграем? - вяло пошутила Марго, и ее безукоризненно наманикюренные ручки появились на столе, рядом с перчатками и сумочкой.

Только тут Поль заметил, как загребели его неуклюжие ладони. Минуту оба молчали.

- Я, наверно, ужасно выпляжу? - спросил наконец Поль. - Я ведь давно не гляделся в зеркало.

- Ну, может, самую малость *mal soign* [35], дорогой. Тебе, наверно, не разрешают бриться?

- Обсуждать тюремный режим запрещается. Заключенным разрешается сообщать посетителям о состоянии своего здоровья, но жалобы и замечания касательно распорядка не допускаются ни под каким видом.

- Боже мой! - ахнула Марго. - Как же нам быть? О чем же разговаривать? Я, наверно, зря приехала. Ты не рад, милый?

- Коли хотите говорить на личные темы, не обращайтесь на меня внимания, леди, - добродушно молвил надзиратель. - Я здесь для того, чтобы заговоров не допускать. Если что и услышу, дальше меня не пойдет, а слышу я столько, что дай бог всякому. С женщинами вообще морока: то ревут, то в обмороки падают, то в истерику пускаются. С одной, - со смаком прибавил он, -падучая приключилась.

- То же, видимо, ожидает и меня, - вздохнула Марго. - Мне здесь что-то не по себе. Поль, да скажи же хоть слово, умоляю тебя?

- Как там Аластер? - спросил Поль

- О, очень мил! Днюет и ночует в Королевском Четверге. Он мне очень нравится.

Снова молчание.

- Знаешь, - сказала наконец Марго. - Очень это странно: жила я, жила и вдруг поняла, что меня больше не считают порядочной женщиной. Я ведь тебе писала: леди Периметр со мной не здороваается. Она-то, конечно, просто вздорная старуха, но в последнее время это не единственный такой случай. Как тебе это нравится?

- Не все ли тебе равно? - ответил Поль. - В конце концов, все они -зануды.

- Конечно, зануды, но мне неприятно, что это они меня бросили. Мне все равно, но все-таки обидно, особенно за Питера. Тут ведь не одна леди Периметр, а и леди Вагонсборо, и Фанни Простотакк, и Сперты - словом, все. Какая жалость, что все это началось, как раз когда до Питера дошло наконец, что он - граф... Это внушит ему всякие неправильные мысли, как ты находишь?

- Что новенького в Южной Америке? - резко перебил ее Поль.

- Поль, не будь злою! - прошептала Марго. - Ты бы этого не сказал, если бы знал, каково мне.

- Извини, Марго. Но я действительно хочу знать, как там дела.

- Дело мы сворачиваем. Нам мешает одна швейцарская фирма. Но, говоря словами Контроверса, к остракизму это никакого отношения не имеет. По-моему, я просто старею.

- Чушь! Всем этим мырмам за восемьдесят, а тебе еще до этого далеко.

- Я так и знала, что ты не поймешь, - ответила Марго и умолкла.

- Еще десять минут, - сообщил надзиратель.

Все получилось не так, как мы хотели... - сказала Марго.

Они поговорили о том, где бывает Марго и что читает Поль. Потом Марго сказала:

- Поль, я пошла. Я больше не могу этого выдержать.

- Спасибо тебе, что пришла, - ответил Поль.

- Я приняла одно важное решение, - проговорила Марго. - Только что. Я выхожу замуж за Контроверса. Как это ни грустно, но выхожу.

- Это из-за того, что я так кошмарно выгляжу? - спросил Поль.

- Нет, просто так получается. Из-за того, что ты сказал, тоже, но в другом смысле, Поль. Я не могу поступить иначе. Понимаешь, милый? Это и тебе поможет. Только ты не думай, что это из-за тебя одного. Просто так уж вышло. Милый, милый, до чего же трудно это объяснить!

- Если желаете поцеловаться на прощанье, - вмешался тюремщик, - то тем, которые неженатые, это, вообще, не положено... Ну, да уж для вас сделаю исключение!..

О, черт! - сказала Марго и, не оглядываясь, вышла вон.

Поль вернулся в камеру. Его ждал ужин - пирог с голубями, в крахмальной салфетке. Но Полю было не до еды: ему было больно оттого, что ему нисколько не больно от всей этой истории.

Глава 5

СМЕРТНЫЙ ЧАС ПИТОМЦА ЗАКРЫТОЙ ШКОЛЫ

Дня через два Поль свиделся с Граймсом в каменоломне. Когда надзиратель отошел, Граймс сказал:

- Старина, я больше не могу. Мне здесь худо.

- От этого никуда не уйдешь, - ответил Поль. - По-моему, тут вполне терпимо - не хуже, чем в Лланабе.

- Но не для Граймса! - воскликнул Граймс. - Он изнывает в неволе, как жаворонок. Тебе-то все едино: ты любитель почитать, поразмышлять и тому подобное. А я человек иного склада. Люблю выпить, поразвлечься, перекинуться словечком-другим с приятелями. Я человек общительный. Каторга меня заела. Тошнит меня от здешнего священника. Он вваливается ко мне без спроса и допытывается, "не забыл ли я Господа". Конечно, забыл! Так ему и отвечаю. Все могу снести, старина, кроме неволи. Это сломало меня в Лланабе, это допечет меня и здесь, если я сам о себе не позабочусь. Граймсу пора улетать в теплые страны.

- Отсюда невозможно сбежать, - сказал Поль.

- Ничего, вот дождемся тумана...

По счастью, туман появился уже на следующий день. Внезапно, как это водится на Эгдонской пустоши, на землю опустилась густая беспроектная мгла и окутала арестантов и всю каменоломню.

- Стройся! - скомандовал дежурный надзиратель. - Шабаш и стройся! Эй, ты, кретин! - крикнул он Граймсу, зацепившемуся за провод полевого телефона. - Если порвешь связь, завтра поговоришь с начальником.

- Посторожи лошадь, - сказал другой надзиратель и протянул Граймсу поводья.

Надзиратель наклонился подобрать кандалы, в которые заковывали заключенных, чтобы довести их до дому. Граймсу никак не удавалось управиться с лошадью, которая переступала с ноги на ногу и тянула его в сторону.

Тебе даже лошадь доверить нельзя! - заворчал надзиратель.

Но тут Граймс ловко поймал ногой стремя, вскочил в седло и поскакал через пустошь.

Назад! - проревел надзиратель. - Стрелять буду!

Он приложился к винтовке и пальнул в туман.

- Никуда не денется, - хмыкнул он. - Отсюда надолго не сбежишь. Получит, дурачье такое, одиночку и диету номер один.

Это происшествие никого не всполошило, даже когда выяснилось, что телефонная связь прервана.

- На что ему надеяться! - говорил надзиратель. - Такое часто случается. Бросит кайло и деру. Но куда убежишь в полосатой куртке, да еще без гроша в кармане! Сегодня же вечером сообщим о нем всем окрестным фермерам. Отсидится где-нибудь пару дней, а потом, с голодухи, вернется. Или в деревне его сцапают. Нервы сдали - вот и сбежал.

Вечером вернулась лошадь. Граймса не было. Разослали патрульных с овчарками; известили всех фермеров, живших на пустоши, и взбудораженные жители заперлись на все замки, категорически запретив детям выходить на улицу; перекрыли дороги и, к великому огорчению законопослушных граждан, обыскивали все автомобили. Граймса не было... Арестанты хихикали и бились об заклад насчет того, на какой день сцапают беглеца, но дни проходили, проигравшие расплачивались хлебными пайками, а Граймса и след простыл.

Через неделю священник прочел по Граймсу заупокойную, а начальник тюрьмы вычеркнул его из списка заключенных и известил министра внутренних дел, его честь сэра Хамфри Контроверса, что Граймс умер.

- Его конец был ужасен, - поделился священник с Полем.

- Тело нашли?

- Нет, в том-то весь и ужас. Овчарки дошли по следу до Эгдонской топи. Там след обрывался. Пастух, который знает тропинку через трясины, нашел его шапку на кочке в самом опасном месте. Сомнений нет - он погиб мученической смертью.

Бедный Граймс! - вздохнул Польш. - А ведь учился в Харроу...

Но вечером, обдумывая всю эту историю за ужином и плотая устриц одну за другой, Польш вдруг понял, что Граймс жив. Умер лорд Тангенс, умер мистер Прендергаст - придет время, умрет и Польш

Пеннифезер, но Граймс, внезапно осознал Поль, Граймс принадлежит к лику бессмертных. Он - воплощение жизненной силы. Приговоренный к казни во Фландрии, он объявился в Уэльсе; утонув в Уэльсе, он возродился в Южной Америке; поглощенный при таинственных обстоятельствах эгдонской топью, он когда-нибудь возникнет на новом месте, отрясая с ног своих могильный прах. Да! В далекой Аркадии он вместе с наядами водил вакхические хороводы, наигрывал на легендарной свирели, сидя на берегу канувшего в небытие ручья, и обучал наивных сатиров искусству любви. Он вышел невредимым, нетронутым чудовищными проклятиями оскорбленных богов, вышел целым и невредимым из исторических сражений, из огня, из медных труб, из разверзающихся пропастей, из мора и чумы. Как часовой Помпеи, стоял он на страже, и скалы рушились над его головой. Как покрытая нефтяными разводами лодка, которая пересекла Ла-Манш, встречал он грудью волны Потопа. Незримый носился он над водою, когда тьма объяла ее.

- Я все думаю, нет ли тут и моей вины, - признался священник. - Ужасно, что человека, вверенного моему попечению, постиг такой ужасный конец. Я пытался утешить его и примирить с жизнью, но ведь все так сложно! Мне стольким надо дать утешение... Несчастный! Только вообразите: один, в трясине, и никто не спешит на помощь...

Глава 6

СМЕРТНЫЙ ЧАС ПОЛЯ ПЕННИФЕЗЕРА

Прошло несколько дней, и Поля вызвали к начальнику тюрьмы.

- Мною получено распоряжение министерства внутренних дел. Вы направляетесь в частное лечебное заведение на операцию аппендицита. Едете сегодня же, в гражданском платье и под охраной.

- Но, сэр, - возразил Поль, - я не хочу никакой операции. Тем более что аппендикс мне вырезали, когда я учился в школе, много лет назад.

- Вздор! - ответил начальник. - У меня имеется особое распоряжение министра. Надзиратель, возьмите этого человека и выдайте ему одежду.

Поля увели. Одежду, в которой он в свое время предстал перед судом, переслали из Блекстона вместе с ее хозяином. Надзиратель вытащил сверток из шкафчика, развернул его и отдал Полю.

- Ботинки, носки, брюки, жилет, пиджак, рубашка, воротнички, галстук, шляпа, - бормотал надзиратель. - Распишитесь в получении. Ценные вещи выдаче не подлежат.

Он вынул из карманов Поля часы, запонки, булавку для галстука, записную книжку и прочие мелочи и запер в шкафу.

- Парикмахера у нас нет, - добавил он, - но вам разрешено побриться.

Полчаса спустя Поль вышел из камеры, обретя облик нормального интеллигентного человека, с каким каждый день можно встретиться в автобусе.

- Отвык небось? - заметил надзиратель у ворот. - А вот и твоя охрана.

Еще один нормальный интеллигентный человек, с каким каждый день можно встретиться в автобусе, предстал перед Полем.

Если вы готовы, - сказал человек, - нам пора.

Теперь, в обычной одежде, они, конечно же, обращались друг с другом по-человечески. В тоне охранника Полю даже послышалось уважение.

- Ничего не понимаю! - говорил Поль по дороге на станцию. - Конечно, с начальством не поспоришь, но тут какое-то недоразумение. Мне давным-давно вырезали аппендикс!

- Ничего вам не вырезали, - подмигнул ему охранник. - И вы лучше потише. Шофер не в курсе.

Для них было забронировано купе первого класса. Когда поезд тронулся, охранник лукаво произнес:

- Ну, теперь не скоро обратно. Как подумаешь о смерти, сразу содрогнешься, верно? - И снова подмигнул.

Они позавтракали в купе: Полю неловко было показаться в вагоне-ресторане без шляпы, остриженным "под ноль". После завтрака выкурили по сигаре. Потом охранник вытащил пухлое портмоне и расплатился.

- Чуть не забыл! - схватился он за голову. - Вот ваше завещание - подпишите на всякий случай.

Он достал длинный голубоватый лист и протянул Полю. Сверху было четко выведено: "Последняя воля и завещание Поля Пеннифезера". Далее в документе, с обычными юридическими увертками, говорилось, что Поль оставляет все свое имущество Марго Бест-Четвинд. Внизу уже стояли подписи двух свидетелей.

- Чрезвычайно странно, - сказал Поль и подмахнул бумагу. - Что все это значит?

- Понятия не имею, - ответил охранник. - Завещание мне передал один молодой человек.

- Какой еще молодой человек?

- А я почему знаю! - пожал плечами охранник. - Тот, который обделал все это дело. Молодцы, составили завещание! Не ровен час, что случится во время операции. У меня тетка померла, когда ей удаляли камень из почки, а завещания-то и не было. Вот и вышел конфуз - она с мужем жила невенчанная. А с виду крепкая была - ей бы жить да жить. Но вы, мистер Пеннифезер, не волнуйтесь. Все идет согласно распоряжениям.

- Вы хоть знаете, куда мы едем?

Охранник молча вынул из кармана карточку, на которой было напечатано:

"Клифф Плейс, роскошный частный санаторий. Первоклассный уход. Электрические и тепловые процедуры под врачебным

наблюдением. Владелец -Огастес Фейган, доктор медицины".

- Одобрено министерством внутренних дел, - сообщил охранник.
- Так что жаловаться не приходится.

К вечеру они были на месте. Их ждал лимузин, чтобы отвезти в Клифф Плейс.

- Мои обязанности на этом кончаются, - сказал охранник. - Теперь вами займется врач.

Как и все начинания доктора Фейгана, Клифф Плейс был задуман на широкую ногу. Санаторий стоял в нескольких милях от города, на морском берегу. К нему вела асфальтированная дорога. Однако при ближайшем рассмотрении видны были следы запустения. Веранда засыпана опавшей листвой, два окна разбиты... Охранник позвонил у парадной двери, и на пороге появилась Динги в белом халате.

- Прислуги сейчас нет, - сказала она. - Это что, больной с аппендицитом? Входите. - Она повела Поля по лестнице, ничем не показав, что узнала его. - Вот ваша палата. По правилам министерства внутренних дел она должна быть в верхнем этаже, с зарешеченными окнами. Пришлось специально ставить решетку. Мы ее впишем в счет. Хирург будет через несколько минут.

Она вышла и заперла дверь. Поля сел на кровать и стал ждать. Внизу, за окном, шумел прибой. Маленькая моторная яхта стояла на якоре недалеко от берега. На фоне серого неба линия горизонта была едва различима.

Послышались шаги, дверь открылась. В комнату вошли доктор Фейган, сэр Аластер Дигби-Вейн-Трамплингтон и немолодой человек с длинными рыжими усами, судя по всему, горький пьяница.

- Просим извинить за опоздание, - сказал сэр Аластер. - Я весь день следил, чтобы этот субъект не наклюкался, но перед самым отъездом он от меня сбежал. Сперва я боялся, что мы его сюда не дотащим - так он набрался. Ну да ничего, на ногах держится. Бумаги у вас при себе?

На Поля никто не обращал внимания.

- Бумаги в целости и сохранности, - ответил доктор Фейган. - Вот протокол для министерства внутренних дел, а вот копия начальнику тюрьмы. Вам их прочесть?

- Н-н-нич-во! - отмахнулся хирург.

- Здесь сказано, что вы удалили больному аппендикс и что он скончался под наркозом, не приходя в сознание. Вот и все.

- Б-бед-ный, б-бедный парень! - всхлипнул хирург. - Н-н-несчастливая дев-чушка! - Слезы заструились по его щекам. - Она была... слишком слаба для этого м-мира. Наша жизнь - не для женщин.

- Ну, и славно, - сказал сэр Аластер. - Успокойтесь. Вы сделали все от вас зависящее.

- С-с-сделал, - потряс головой хирург. - И мне плевать!

- Вот свидетельство о смерти, - продолжал доктор Фейган. - Подпишите его, пожалуйста.

- О смерть, косой своей взмахни, трам-пам-пам!^[36] -воскликнул хирург, и этими словами, а также росчерком непослушного ему пера прекратил официальную жизнь Поля Пеннифезера.

- Превосходно, - сказал сэр Аластер. - Вот ваш гонорар. На вашем месте я бы сходил выпить: кабаки еще открыты.

- По-жалуй! - воскликнул хирург и устремился прочь из санатория.

Некоторое время после его ухода в комнате царило молчание. Присутствие смерти, пусть даже в самом ее холодном и формальном обличье, настраивало на торжественный лад. Однако замешательство прекратилось с появлением Флосси, разодетой в пурпур и лазурь.

- А, вот вы где! - искренне обрадовалась она. - И мистер Пеннифезер тоже тут! Какое приятное общество!

Флосси попала не в бровь, а в глаз. На ее слова мигом отозвался доктор Фейган.

- Ужинать, друзья, ужинать, - сказал он. - Нам всем есть за что благодарить судьбу.

После ужина доктор Фейган произнес небольшую речь.

- Я думаю, этот вечер важен для каждого из нас, - начал доктор, - ив первую очередь - для моего дорогого друга и коллеги Поля Пеннифезера, в кончине которого все мы приняли посильное участие. И для него, и для меня -это начало нового этапа в жизни. Если быть откровенным, затея с санаторием не удалась. У каждого в жизни случается минута, когда он начинает сомневаться в своем призвании. Я могу показаться вам почти стариком, но я не настолько стар, чтобы с легким сердцем не начать жизнь заново. Я полагаю, -тут он мельком плянул на своих дочерей, - что мне пора остаться одному. Но сейчас не

время обсуждать мои планы. Когда доживешь до моих лет, и притом не пренебрегая наблюдениями над знакомыми тебе людьми и над происходившими с тобою самим событиями, начинаешь поражаться тому, насколько все взаимосвязано. Как прочны и сладостны воспоминания, которые с сегодняшнего дня объединят нас. Я предлагаю тост - за Судьбу, эту коварную даму!

Поль пил за коварную даму во второй раз. Но теперь это обошлось без последствий. Они молча выпили, и Аластер поднялся из-за стола.

- Нам с Полем пора, - сказал он.

Они спустились к берегу. Их ждала лодка.

- Там, на якоре, - яхта Марго, - объяснил Аластер. - Ты поживешь на Корфу, у нее на вилле, пока не решишь, что делать дальше. Прощай. Будь счастлив.

- А ты не поедешь со мной? - спросил Поль.

- Нет. Я сейчас в Королевский Четверг. Марго не терпится узнать, что и как.

Поль сел в лодку, лодка тронулась. Сэр Аластер, как сэр Бедивер^[37], провожал его взглядом.

Глава 7

ВОСКРЕСЕНИЕ

Через три недели Поль сидел на веранде виллы. Перед ним стоял его вечерний аперитив, а сам он смотрел, как солнце опускается за албанские горы и окрашивает воду, точно аляповатую немецкую открытку, то зеленым, то фиолетовым. Он посмотрел на свои часы, доставленные этим утром из Англии. Половина седьмого.

Внизу в гавани разгружался греческий пароход. Вокруг него, как мухи, вились маленькие фелуки, предлагая свой товар - резные сувениры и фальшивые банкноты. До обеда оставалось два часа. Поль встал, замотал горло шарфом -вечера в это время года прохладные - и по улице с выходящими на нее лавочками спустился на площадь. Странно быть мертвым. Утром Марго прислала подборку газетных вырезок: заголовки в большинстве своем были "По следам сенсационной свадьбы" и "Смерть бывшего великосветского жениха". Вместе с вырезками пришли булавка для галстука и прочие мелочи, поступившие к Марго из Эгдона. Полю захотелось потолкаться в кафе на набережной, чтобы удостовериться, что он и впрямь жив. Он подошел к ларьку и купил рахат-лукума. Страшно быть мертвым.

Тут он заметил, что через площадь к нему направляется знакомая фигура.

- Привет! - сказал Поль.

- Привет! - ответил Отто Силен.

За спиной он тащил бесформенный рюкзак.

- Отдайте мальчишке. Он дотащит за пару драхм.

- У меня нет денег. Может, вы заплатите?

- Хорошо, заплачу.

- Отлично. Это лучший вариант. Вы тут с Марго?

- Я живу у нее на вилле. Марго в Англии.

- Жаль. Я думал с ней повидаться. Но я у вас все-таки немного поживу. Найдете для меня место?

- Да. Я один.

- Знаете, я передумал. Решил жениться на Марго.

- Вы опоздали.

- Опоздал?

- Она замужем.

- Об этом я как-то не подумал! Впрочем, все равно. За кого она вышла? За Контроверса? Он неглупый малый.

- Да, за него. Теперь он - виконт Метроланд.

Метроланд. Дурацкое имя!

Они поднялись в гору.

- Я был в Греции, смотрел греческую архитектуру, - сообщил профессор Силен.

- Красиво?

- На редкость безобразно. В Греции довольно симпатичные козы. Я думал, вы в тюрьме.

- Был в тюрьме, но выбрался...

- Странно. Мне казалось, что вам в тюрьме самое место. Да разве угадаешь!

Прислуга не удивилась приезду нового гостя.

- Хочу пожить здесь подольше, - заявил после обеда профессор Силен. - У меня не осталось ни гроша. Вы скоро уезжаете?

- Да. Еду в Оксфорд учиться богословию.

- Это хорошо. Вы ведь раньше усов не носили? - помолчав, спросил профессор.

- Нет, - ответил Поль. - А теперь решил отпустить, чтобы в Англии меня не узнали.

- Усы вам не к лицу, - покачал головой Силен. - Пора спать.

- Как у вас со сном?

- С нашей последней встречи я спал дважды. Для меня это нормально. Спокойной ночи.

Через десять минут он вышел на террасу в шелковой пижаме и рваном халате.

- У вас есть пилка для ногтей? - спросил он.

- На тумбочке в моей спальне.

- Спасибо.

Но он не ушел, встал у парапета и посмотрел вниз, на море.

- Это хорошо, что вы решили стать священником, - наконец выговорил он. - Люди строят разные планы насчет того, что они называют жизнью. И ошибаются. По большей части в этом виноваты поэты. Хотите знать, что я думаю о жизни?

- Да, - вежливо сказал Поль.

- Жизнь - это колесо в Луна-парке. Бывали там когда-нибудь?

- К сожалению, не бывал.

- Вы платите пять франков и входите в помещение, где по бокам стоят ряды кресел, а в середине находится огромный круг из гладко оструганного дерева. Круг быстро вращается. Вы садитесь и наблюдаете. Посетители пытаются удержаться на колесе, но их сбрасывает. Они смеются, вы тоже смеетесь. Всем страшно весело.

- По-моему, это не слишком похоже на жизнь, - печально заметил Поль.

- Нет! Слишком похоже. Чем ближе вы к оси колеса, тем медленнее вращение, тем легче удержаться. Обычно кто-нибудь доползает до центра и начинает там кривляться. За это ему платит хозяин или, в крайнем случае, потом ему дают прокатиться бесплатно. В центре колеса, разумеется, есть неподвижная точка. Надо только ее найти. Кто знает: может быть, я уже близко от этой точки. Выигрывают, конечно, только специалисты. Остальным нравится, что их сбрасывает с колеса. Как они визжат, как хохочут! Есть и такие, как Марго, - уцепятся обеими руками за самый край, и довольны. Но главное в этом колесе то, что на него можно и не залезать, если не хочется. Люди строят разные планы на жизнь и думают, что обязаны включиться в игру, даже если она им не по душе. А игра рассчитана не на всех... Люди не видят, что под словом "жизнь" подразумевают две разные вещи. Во-первых, это просто бытие, со всеми его физиологическими последствиями, ростом и органическими изменениями. От этого никуда не уйти - даже в небытие. Но из-за того, что бытие неизбежно, люди верят, что неизбежно и другое - карабканье, суета, свалка, стремление добраться до центра, - а попадем туда, и выходит, что мы и не ползли по этому колесу... Странно... Вы человек, которому совершенно очевидно было предназначено спокойно сидеть в заднем ряду и, коли станет скучно, смотреть, как веселятся другие. Каким-то образом вас занесло на колесо, и вы тут же полетели обратно, вверх тормашками. Марго крепко уцепилась за край, я устроился в середине, но вам-то движение противопоказано, вы статичны. Вместо дурацкого деления людей на мужчин и женщин, их следовало бы разбить на два класса - статичный и динамичный. Духовно мы с вами представители разных видов.

Однажды я использовал образ колеса в кино. Похоже на правду, верно? Да, зачем я сюда заходил?

- За пилкой для ногтей.

- Ах да, конечно! Нет ничего скучнее и бессмысленнее рассуждений о жизни. Вы меня слушали?

- Да.

- Впредь я, пожалуй, буду обедать один. Пожалуйста, известите прислугу. Меня тошнит от длинных разговоров. Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, - ответил Поль.

Через несколько месяцев, после полугодового перерыва, Поль вернулся в Скон. Смерть лишила его документов, но не знаний. Он успешно сдал экзамены и во второй раз был принят в свой колледж. Теперь он носил висячие кавалерийские усы. Усы и природная замкнутость Поля служили отличной маскировкой. Никто его не узнал. После долгих колебаний и размышлений он оставил за собой фамилию Пеннифезер, объяснив капеллану, что в Сконе не так давно обучался его дальний родственник.

- Он плохо кончил, - сказал капеллан. - Это был необузданный молодой человек.

- Он мне очень дальний родственник, - поспешно подчеркнул Поль.

- Да, да, нисколько не сомневаюсь, что дальний. Да вы на него и непохожи. Тот, увы, был вполне дегенеративный тип.

Служитель тоже припомнил фамилию Поля.

- До вас тут жил какой-то мистер Пеннифезер, - покивал он головой. - Джентльмен с большими странностями. Поверите ли, сэр, разденется, бывало, догола и танцует ночью во дворе. А в остальном был милый, добрый человек. У него, видать, не все было в порядке с головой. Что с ним потом случилось, не знаю. Говорят, он умер в тюрьме.

Затем служитель рассказал Полю о студенте из Индокитая, который предлагал старшему куратору большие деньги за его дочь.

Через две недели капеллан пригласил Поля на воскресный завтрак.

- Как жаль, - вздыхал он, - что прошли времена настоящих университетских завтраков, "закусонов", как мы их в молодости

называли. Ни у кого нет времени. Лекции начинаются в девять, остается одно воскресенье. Прошу вас, возьмите еще почек.

На завтраке присутствовал преподаватель, мистер Сниггс, который, как показалось Полю, довольно надменно обращался с капелланом, именуя его "падре".

Присутствовал, помимо того, студент-богослов из другого колледжа, некто Стаббс, серьезный молодой человек с тихим голосом и продуманными воззрениями. Он немного поспорил с мистером Сниггсом о планах перестройки библиотеки Бодлея. Поль поддержал Стаббса.

На следующий день у Поля на столе появилась визитная карточка Стаббса с загнутым уголком. Поль отправился в Хартфорд, чтобы проведать Стаббса, но того не было дома. Поль оставил свою визитную карточку с загнутым уголком. Два дня спустя из Хартфорда пришло письмо:

"Уважаемый Пеннифезер!

Приглашаю Вас во вторник на чай. Вы познакомитесь с представителем нашего колледжа в Обществе содействия Лиге наций и со священником Оксфордской тюрьмы. Жду Вас с нетерпением".

В гостях у Стаббса Поль съел бутерброд с анчоусом и сдобную булочку. Ему пришелся по душе Стаббс, понравился тихий, уродливый колледж.

Весь семестр Поль со Стаббсом совершали совместные прогулки через "Месопотамию" - в Олд-Мерстон и Беркли. Однажды Стаббс так развеселился от чая и свежего воздуха, что даже в книге посетителей расписался как архиепископ Кентерберийский.

Поль вновь вступил в Общество содействия Лиге наций и в Университетское музыкальное общество. Однажды он, Стаббс и еще несколько человек даже отправились в тюрьму, чтобы навестить преступников и спеть им хором.

- Это расширяет кругозор, - заметил Стаббс. - Надо видеть все стороны жизни. Этим несчастным наше пение очень понравилось.

Как-то раз в книжной лавке Блеквелла Полю попался пухлый том, - по словам продавца, новый бестселлер. Книга называлась "Земля Валлийская" и принадлежала перу Огастеса Фейгана. Поль купил ее и понес домой. Стаббс ее уже прочитал.

- Весьма поучительная книга, - сказал он. - Устрашающая медицинская статистика. Может, есть смысл устроить по этому вопросу диспут совместно с колледжем Иисуса?

Книге было предпослано посвящение: "Моей супруге - как свадебный подарок". Стиль был высокопарен. Поль прочел весь том и поставил его рядом с "Восточной церковью" декана Стенли.

И еще раз Поль на мгновение вспомнил свою прошлую жизнь.

Однажды, в начале второго курса, когда Поль и Стаббс катили на велосипедах по Хай-стрит с одной лекции на другую, их чуть не сбил открытый "роллс-ройс", который вынырнул из-за угла на огромной скорости. На заднем сиденье, прикрыв колени тяжелой меховой полостью, восседал Филбрик. Он обернулся и помахал рукой в перчатке Полю.

- Привет! - крикнул он. - Как дела? Жду в гости! Я живу у самой реки - у Скиндла!

Машина понеслась по Хай-стрит, а Поль и Стаббс поехали дальше.

- Кто этот вельможа? - спросил потрясенный Стаббс.

- Это Арнольд Беннет^[38]

- ответил Поль.

- А, то-то лицо знакомое! - воскликнул Стаббс. В аудиторию вошел лектор, разложил свои бумаги и приступил к обстоятельному разбору ересей первых веков христианства. Поль узнал, что в Вифинии был епископ, который отрицал божественное происхождение Христа, бессмертие души, существование добродетели, законность супружества и таинство соборования. Его отлучили от церкви - так ему и надо!

ЭПИЛОГ

Шел третий год тихой жизни Поля в Сконе...

Стаббс допил какао, выбил трубку и встал.

- Пойду в свое логово, - сказал он. - Тебе повезло, что ты живешь при колледже. В такой вечер невесело тащиться на Уол-тон-стрит.

- Ты возьмешь фон Хюгеля?^[39] - спросил Польш.

- Нет, лучше завтра.

Стаббс взял плащ и набросил его на плечи.

- Любопытный был доклад о плебисците в Польше...

Да, очень, - согласился Польш.

С улицы донесся гогот и звон стекла.

- Боллинджеровцы развлекаются, - сказал Польш. - У кого они сегодня буянят?

- По-моему, у Пастмастера. Этот юноша рановато начинает.

- Ну, значит, ему так нравится, - возразил Польш. - Спокойной ночи.

Спокойной ночи, Польш, - отвечал Стаббс.

Польш убрал шоколадное печенье, набил трубку и устроился в кресле.

Раздались шаги, в дверь постучали.

- Войдите, - сказал Польш и обернулся.

В комнату вошел Питер Пастмастер. На нем был костюм боллинджеровского клуба, бутылочно-зеленый с белым. Питер покраснелся, волосы слегка растрепались.

- К тебе можно?

- Пожалуйста.

- У тебя есть выпить?

- Ты и так достаточно выпил.

- У меня боллинджеровцы. Орут ужасно... Черт! Дай же выпить.

Виски в шкафу. Ты стал много пить, Питер.

Питер промолчал и выпил виски с содовой.

- Меня тошнит, - сказал он и опять помолчал. - Польш, почему ты со мной никогда не здороваешься?

- Не знаю. По-моему, это ни к чему.

- Ты злишься?

- Нет, отчего же.

- Ну, почему мне знать! - Питер повертел бокал, посмотрел в сторону. - А я на тебя злился.

- Из-за чего?

- Ну, как тебе сказать... Из-за Марго, из-за старого Контроверса, из-за всего на свете...

- По-моему, меня не в чем винить.

- Конечно, не в чем! Но ведь ты тоже был во все это замешан...

- Как Марго?

- Отлично. Марго Метроланд... Можно, я еще выпью?

- Пей.

- Виконтесса Метроланд, - повторил Питер. - Ну и имечко! Ну и муженек! Все равно при ней все время Аластер. Метроланду наплевать. Он получил то, чего хотел. Я с ними редко вижу. Чем занимаешься, Поль?

- Готовлюсь принять сан.

- С чего это меня так тошнит?! О чем бишь мы говорили? Да, о Метроландах! Знаешь, Поль, зря ты с нами связался. Честное слово, зря! Мы из другого теста. Точнее я все равно объяснить не смогу. Ты не обиделся, Поль?

- Нет. Я тебя отлично понял. Вы динамичны, я - статичен.

- Разве? Наверно, ты прав. Ты когда-то был моим учителем. Как глупо. Помнишь? Лланаба, латынь, орган... Помнишь?

- Да, помню, - ответил Поль.

- Как глупо все получается. Помнишь - ты учил меня на органе?

- Да, помню, - ответил Поль.

- А потом Марго Метроланд хотела выйти за тебя замуж. Помнишь?

- Да, - ответил Поль.

- А потом ты оказался в тюрьме, и Аластер - это кавалер Марго Метроланд - и Метроланд - это ее муж - тебя оттуда выгнали. Помнишь?

- Да, - ответил Поль. - Помню.

И вот все прошло, а мы с тобой сидим здесь и разговариваем. Правда глупо?

- Да, немножко.

- Поль, а помнишь, ты сказал как-то... это было в "Ритце", там еще был Аластер, кавалер Марго Метроланд... Помнишь? Ты сказал: "Судьба - это коварная дама"... Помнишь? Я еще тогда напился...

- Да, - ответил Поль, - помню.

- Эх, Поль, дружище! Я так и знал, что ты все помнишь. Давай за это выпьем! Как ты тогда говорил? Забыл, черт! Извини, меня жутко тошнит.

- Ты слишком много пьешь, Питер.

- Дьявол! А что еще остается делать? Ты будешь священником, Поль?

- Да.

- Ужасно глупо. Зря ты связался со мной и с Метроландами. Я, пожалуй, еще выпью...

- Тебе пора спать, Питер.

- Да, вроде пора. Ты не сердись, что я к тебе без спросу? Ведь ты учил меня играть на органе... Спасибо за виски.

Питер ушел, а Поль опять устроился в кресле. Итак, эбиониты, эти аскеты, вставая на молитву, обращались лицом к Иерусалиму. Поль это записал. Их отлучили - так им и надо! Он выключил свет и отправился спать.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Рамсей Макдональд (1866- 1937) - британский политический деятель, один из основателей лейбористской партии.

2

Старший префект - старший ученик, следит за соблюдением дисциплины через классных префектов, представляет школу на официальных мероприятиях и пр.

Школьная форма учащихся Итона и ряда других привилегированных частных школ состоит из короткой черной куртки, черного жилета, брюк в узкую полоску, белой рубашки и крахмального воротничка.

4

Во имя Иисуса господя нашего. Аминь (лат.).

Шарве - модная в то время парижская фирма мужской одежды.

6

Герой намекает на противоречие в Библии: если Каин - сын первых людей на земле, то неизвестно и непонятно, откуда у него могла появиться жена.

Цитата из драмы в стихах английского поэта Роберта Браунинга (1812-1889) "Пиппа проходит".

8

Паштет из гусиной печени (фр.).

Мост Ватерлоо соединяет центральную часть Лондона с районом Ламбет "а южном берегу Темзы.

"Первый любовник" (фр., театр.).

Старинная валлийская военная песня.

12

Город на юге США (штат Джорджия).

Медицинское вскрытие (букв.: после смерти, лат.).

Старинный город на юго-востоке Англии, центр туризма.

15

Трепет? Сам не знаю, что со мной? (фр.)

Устрицы {фр.).

Умение (фр-).

Сам не знаю что (фр.).

Мария Кровавая - прозвище английской королевы Марии Тюдор (1516-1558), жестоко преследовавшей протестантов.

"Крепко держит Бест-Четвинд" (лат.).

"Баухауз" - высшая школа строительства и художественного конструирования в Германии, существовавшая до 1933 г.

Стража Венеры (лат.).

Уильям Моррис (1834-1896) - английский писатель и художник.
В своих произведениях возрождал идеалы средневековой жизни.

"Золотая ветвь" - исследование английского ученого Джеймса Фрезера (1854-1941), посвященное первобытной мифологии, религии и социальной организации.

Хевлок Эллис (1859-1939) - английский врач, ученый, писатель, автор известных книг по сексологии.

"Ветервивах" - популярная детская сказка английского писателя Кеннета Грэма (1859-1932).

Майкл Арлен (1895-1956) - английский писатель, автор романа "Зеленая шляпа" (1924), имевшего большую популярность у европейской молодежи.

Название лондонского ресторана.

Спасибо, сударь! Не потеряйте свою шляпу (фр.).

"У Алисы" (фр.).

Есть у вас девушки мадам Бест-Четвинд? (фр.)

Цитата из стихотворения английского поэта Ричарда Лавлейса (1618-1658) "Послание Альтее из тюрьмы".

Эдвард Оппенгейм (1866-1946) - английский писатель, автор многочисленных романов из жизни "высшего света".

Цитата из стихотворения Ричарда Лавлейса.

Неухожен (фр.).

Строка из песни, популярной среди английских солдат времен Первой мировой войны.

В древних британских преданиях о рыцарях Круглого Стола рассказывается, что сэр Бедивер провожал умирающего короля Артура, отправлявшегося на Авалон - легендарный остров мертвых.

Арнольд Беннет (1867-1931)-известный английский прозаик.

Фридрих фон Хюгель (1852-1925) - австрийский философ, теолог и мистик.